

Р. Дж. Баркер

Влад Костяных Кораблей

Приговор вынесен, но день
казни не назначен

fanzon

Fanzon. Наш выбор

Р. Дж. Баркер

След костяных кораблей

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

Баркер Р.

След костяных кораблей / Р. Баркер — «Эксмо»,
2020 — (Fanzon. Наш выбор)

ISBN 978-5-04-196918-9

История корабля «Дитя приливов» подходит к концу. Заканчивается сага о чести, славе и войне, которую создал лауреат Британской премии в фэнтези Р. Дж. Баркер. Мечты Джорона Твайнера о свободе разбиты вдребезги. Все, что у него осталось – это неутолимая жажда мести. Возглавляя черный флот на своем флагмане «Дитя приливов», он использует любую возможность, чтобы навредить Ста островам. Джорон боится, что у него не хватит времени. Флот становится все меньше, гниль кейшана разъедает тело, и ему приходится бежать от пророчества, которое гласит, что он уничтожит весь мир. Но Морские драконы вернулись, и это само по себе чудо. Так если есть одно чудо, то почему не может быть и другого? «Великолепная морская эпопея, затягивающая в свой мир и удерживающая в нем до самого последнего слова». – Эван Уинтер «В романе множество неожиданностей, ведущих к мощной кульминации всей серии, и ее стоит дожидаться. Для меня трилогия стала одним из самых впечатляющих фэнтезийных приключений последних лет». – SciFi Mind «Это прекрасное завершение пиратской истории, содержащей персонажей, которых легко полюбить, увлекательное построение мира и эмоциональное повествование». – FanFiAddict «Это грандиозное морское приключение, идеально завершающее трилогию. От захватывающих погонь, всепоглощающей мести, драматичных сцен, душераздирающих моментов и до незабываемого кульминационного финала». – Novel Notions «Я мог бы поговорить с вами о построении мира. Я мог бы вдохновенно рассказывать о готической эстетике, великолепном темпе, обо всех приливах и отливах сюжета. Но сейчас мне просто хочется насладиться тем, что я прочитал абсолютный шедевр. А эта трилогия – шедевр». – The Fantasy Inn «Феноменальное завершение серии, дающее ответы на огромное количество вопросов о Миас, Джороне и судьбе самого отважного и самого кровожадного судна в океане». – The Fantasy Hive «Роман сочетает в себе

морские приключения Патрика О'Брайана с операми Рихарда Вагнера». –
Publishers Weekly

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-196918-9

© Баркер Р., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Часть I	7
1	8
2	11
3	16
4	21
5	26
6	31
7	37
8	43
9	53
10	59
11	65
12	69
13	74
14	81
15	87
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Р. Дж. Баркер

След костяных кораблей

RJ Barker

THE BONE SHIP'S WAKE

Copyright © 2021 by RJ Barker (original publisher Orbit, 2021)

This edition is published by arrangement Johnson & Alcock Ltd.
and The Van Lear Agency

Fanzon Publishers

An imprint of

Eksmo Publishing House

© В. Гольдич, И. Оганесова, перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

*Моему отцу, который показал мне романтику и красоту морских
кораблей*

Часть I

Черный пират

ПЕСНЯ УДАЧЛИВОЙ МИАС

*Прилив протяженностью в мили
Оставил корабль на суше.
Не приносите в жертву малышку.
Море кричит.
Но Жрицы Старухи не слушали,
Сказали: «Малышка должна умереть».
Тиртендарн сказала:
«Отдайте ребенка кораблям!»
И море пришло к ней на помощь,
Когда слово слетело с губ Дарна.*

1

Ужасное здесь и ужасное сейчас

Волны как памятники. Огромные и холодные, жестокие и уродливые. Волны заглушают все звуки, отнимают зрение и чувства. Волны лишают дыхания. Непреодолимые и мучительные.

– Как ты вызываешь морских драконов, Миас Джилбрин?

Когда волны отступают, буря слабеет, агония уходит, оставив тысячу мелких участков боли. Кожа ее запястий и щиколоток в тех местах, где они привязаны веревками к стулу, стерта до крови. Живот сводит от голода, горло горит от криков, постоянно ноют сломанные пальцы ног, которые неправильно срослись. Спину покрывают шрамы от многочисленных ударов плетью.

Пульсирует зуб в дальней части рта – этого они еще не замечают, и она чувствует некоторое удовлетворение. Незначительная боль принадлежит ей – они могли ее использовать, но не сумели. Пока. Она не сомневается, что однажды они догадятся. Они так же изощренно причиняют ей боль, как и самым тщательным образом о ней заботятся. Но сегодня она одерживает небольшую победу над своей мучительницей.

– Я не умею вызывать морских драконов.

Вздых. Миас открывает глаза и видит, что Жрица Старухи села на стул напротив. Девушка красива. Чистые карие глаза, темная кожа без изъянов сияет в потоках света, льющегося из зарешеченного окна. На белом одеянии – чудесным образом, учитывая ее профессию – нет ни единого пятнышка крови или сажи от жаровни. Миас чувствует запах собственной горячей плоти, и ее рот наполняется голодной слюной, несмотря на боль от ожогов.

Они жгут заднюю часть ее икры, как будто не хотят, чтобы их жестокая работа оставила слишком заметные следы.

– Это можно прекратить, Миас, ты лишь должна сказать правду.

Она говорит им правду вот уже несколько недель, но они не верят. Поэтому она начинает с того же места, с которого они всегда приступают к пыткам.

– Мой титул – супруга корабля. И если моя мать хочет узнать мои секреты, пусть придет и задаст вопросы.

Смех в ответ. Неизменный смех.

– Ты не настолько значительна, чтобы сюда приходили важные люди, – заявляет мучительница. Она встает, подходит к противоположной стене чистой, белой комнаты и открывает шкаф. – Тебе следует знать, что я занимаю самое низкое место в ордене среди послушниц. Боюсь, на большее тебе не стоит рассчитывать. – Она некоторое время изучает полки, выбирая один из инструментов, лежащих на них. В конце концов останавливается на свертке из вариска, в котором что-то позвякивает, и берет его в руки. Сердце Миас начинает биться быстрее, когда Жрица Старухи возвращается и снова садится напротив нее.

– Я знаю, что имею большое значение, – говорит Миас, чувствуя, как на лбу выступает пот, – и мне известно, что моя мать здесь бывает, потому что я слышу, как ты разговариваешь с ней в соседней комнате, хотя вы и стараетесь приглушать голоса. – Миас в этом не сомневалась.

Жрица Старухи улыбается и кладет свернутую ткань из вариска на маленький столик у жаровни.

– Я сожалею, что разочарую тебя, супруга корабля Миас, но это другая женщина из моего ордена. Мне сказали, что твоя мать никогда не говорила, что собиралась сюда прийти. – Она смотрит на Миас. – Она вообще о тебе не упоминала.

Что-то маленькое, но важное ломается у Миас внутри. Она была так уверена. Но в словах Жрицы Старухи она слышит правду.

– А теперь, супруга корабля Миас, давай займемся твоими пальцами. – У Жрицы Старухи нежные и мягкие руки, в отличие от рук Миас, ставших жесткими за долгие годы, проведенные в море. Однако они сильные, и она заставляет Миас разжать пальцы. – У тебя очень неплохо отросли ногти, – заявляет Жрица Старухи. – Иногда, после того как их вырывают, они теряют форму и становятся кривыми или вовсе не хотят расти. Но ты крепкая. – Она отпускает руку Миас и, повернувшись к столу, раскрывает ткань из вариска – Миас видит набор плоскогубцев разных размеров со странными челюстями и клювами, впрочем, она уже хорошо с ними знакома, лучше, чем ей бы хотелось. Жрица Старухи некоторое время смотрит на них, берет сначала одни, потом другие. – Как печально, что тебе известна столь важная тайна. И печально для меня. Я должна быть очень осторожна с тобой, да, очень осторожна. И нам не следует спешить. Будь твои тайны не такими значительными, наши отношения были бы более приятными. – Она щелкает плоскогубцами перед лицом Миас.

Открывает. Закрывает.

Открывает. Закрывает.

– Я имею в виду, более короткими – для тебя, супруга корабля. А сейчас ты испытаешь мучительную боль, куда более сильную, чем то, что я проделывала с тобой прежде. Но ты будешь благодарить меня, когда я достану нож, который отправит тебя к Старухе, если такова твоя судьба.

Она кладет щипцы назад и берет другие, поменьше.

Открывает. Закрывает.

Открывает. Закрывает.

Поворачивается к Миас.

– Знаешь, они часто меня благодарят. У мужчин и женщин множество тайн, которые становятся тяжким бременем. Я их освобождаю. И они больше не испытывают боли. – Она снова заставляет Миас раскрыть ладонь и приставляет щипцы к самому длинному пальцу, постепенно увеличивая давление на ногтевое ложе. – Они плачут, Миас. Благодарят меня и плачут от радости, когда я их убиваю.

Давление снова усиливается. Но боль еще не приходит. Только обещание боли.

– А теперь скажи мне, как ты вызываешь аракесиана, Миас Джилбрин?

Миас смотрит в глаза своего палача, но не находит в них жалости. Хуже того, она не сомневается, что та думает, будто испытывает к ней сострадание. И еще считает, что делает важную работу, какой бы неприятной она ни казалась. И действительно искренне жалеет Миас. А еще что конец Миас не может быть быстрым, пусть и мучительным. Давление и боль в пальце усиливаются. И Миас знает, как уже много раз прежде, что она больше не в состоянии терпеть.

– Я не могу вызывать кейшанов. – Слова, как позор, обжигают горло, точно они наполнены ядом. Вместе с ними приходят слезы, и она начинает, задыхаясь, рыдать. – Это делает мой хранитель палубы, Джорон Твайнер. Ветрогон называет его Зовущий, и он песней будит кейшанов.

Жрица Старухи смотрит ей в глаза.

– Все та же ложь, Миас, и она не станет правдой, если ты будешь ее повторять. Но я восхищаюсь твоей силой. Не тревожься, мы отыщем хранителя палубы Джорона Твайнера, и я с ним поговорю. – Миас напрягается, готовясь к новой волне боли, но давление исчезает. – Я полагаю, милая Миас, – говорит Жрица Старухи, поглаживая ее щеку, – что на сегодня мы закончили. Ты устала, тебе необходим отдых. Подумай о сегодняшнем дне и о том, каким может быть будущее. Подумай о тайнах, которыми ты можешь поделиться, чтобы покончить с болью. – Она складывает инструменты, подходит к шкафу и кладет их на место. – Я позову морскую стражу, они отведут тебя в твою комнату. Я попросила приготовить для тебя ванну. – Она поворачивается и из мягкой становится жестокой, берет двумя руками голову Миас и отклоняет ее назад так, что той приходится смотреть на Жрицу Старухи сквозь слезы стыда. – Ты ведь красивая

женщина, верно? Очень привлекательная. – Она наклоняется к ней вплотную. – Надеюсь, – прошептала она, – что если я попрошу тебя как следует, то смогу забрать у тебя один глаз.

Жрица Старухи отпускает ее и уходит, оставив Миас с двумя противоположными мыслями, которые сражаются в ее сознании:

«Джорон, где ты? Ты сказал, что придешь» и «Джорон, держись подальше. Чем бы ты ни занимался, не позволяй им тебя схватить».

2

Ужасное сейчас и ужасное здесь

Слепой глаз Скирит закрылся, и хранительница палубы Диир шла сквозь ночь, густую и черную, как свернувшаяся кровь. Тихий ропот моря у берега напоминал дыхание: вдох-выдох, вдох-выдох. Скрежет гальки под ее сапогами, когда она направилась к сторожевой башне. Вверх по лестнице на каменный волнолом, вдоль мостика из массивного вариска, почерневшего от времени. Ветер коснулся ее лица, сейчас прохладный, но очень скоро он станет обжигающе ледяным дыханием сезона спячки, когда лед покроет все в Уиндхарт и костяные корабли начнут возвращаться, тяжелые от льда, белого, как их корпуса, за припасами, чтобы возобновить патрулирование северных морей. Теперь костяных кораблей было не так много, как прежде, и заплывали они сюда не часто. Море стало еще опаснее, чем прежде; повсюду в открытой воде рыскали кейшаны и нечто еще более страшное.

Диир для уверенности коснулась рукояти прямого меча, висевшего у нее на бедре.

– Пусть Дарны защитят меня, – тихо сказала она, после чего начала подниматься по лестнице в башню – перила оказались такими холодными, что у нее немели руки.

– Хран-пал.

– Видел что-нибудь, Тафин? – спросила она.

Мужчина покачал головой; он сидел, сгорбившись и завернувшись в толстую одежду, чтобы защититься от холода.

– Все спокойно, – ответил он.

Ветер бил ей в лицо.

– Бриз усиливается, – заметила она. – Я чувствую его, когда поворачиваюсь к морю. – Увидев, как опытный дитя палубы поморщился, Диир решила, что он с ней не согласен. Это был один из сотен способов показать, что ты сказала нечто неверное или просто глупость. – В чем дело, Тафин? – Она ждала мягких указаний мужчины.

Тафин ей нравился. Он никогда не заставлял ее чувствовать себя глупой.

– Дело в том, что в это время ветер всегда дует в таком направлении. Вы... – Он смолк.

Тьма на фоне тьмы. Тень оторвалась от ночи. Корабль в море, но на нем нет танцующего зоресвета. В его приближении не было честности. Черный корабль, быстро плывущий благодаря ветрогону, и прежде, чем она успела открыть рот, Тафин и дитя палубы на башне напротив громко крикнули:

– Черный корабль на горизонте!

– ...Корабль на горизонте!

Диир уже успела спуститься до середины лестницы. В городе и в доках зазвонили тревожные колокола, и она знала, что сейчас все женщины и мужчины быстро одеваются и тянутся к оружию.

И все испытывают страх.

Ее ноги коснулись каменного пирса, и она споткнулась, когда услышала боевой стон, шум ветра в натянутой тетиве дуголуков, который громко прозвучал у нее в ушах. Знакомый эластичный звук спускаемой тетивы, хлопок самого лука и свист крылатого дротика. А через мгновение треск вариска и джиона и крики детей палубы, когда в башню попал тяжелый камень. Слишком темно, чтобы разглядеть дальнюю из них, но Диир услышала стон и грохот сооружения из вариска, когда оно рухнуло, а затем оглушительный всплеск воды. Она сразу поняла, что оно разрушено.

В следующее мгновение, услышав, как падает башня у нее за спиной, она бросилась на землю и перекатилась, словно огромную падавшую глыбу следовало встретить лицом. Словно она должна была смело посмотреть смерти в глаза, однако в последний момент Диир подняла

руки – естественная реакция, хотя какая польза могла быть от ее тонких рук, если на нее упадет огромная масса джиона и вариска, она не знала.

В последний момент она закричала.

Почувствовала стыд.

И потрясение.

И ужас, когда рядом с ней упал Тафин с разбитой головой и телом, пронзенным балками. Запахло как в лавке мясника.

Но Диир выжила.

Улыбнулась ли ей в этот день Старуха? Диир не получила ни царапины, хотя сторожевая башня развалилась вокруг нее на части. Она снова перекатилась. Посмотрела на гавань – черный корабль проплывал мимо. Команда перебрасывала через борт лампы, и сначала Диир решила, что они для лучников, устроившихся на такелаже, но почти сразу поняла, что ошиблась. Ни стрела, ни арбалетный болт не пронзили ее тело: на корабле ее либо не заметили, либо не стали обращать внимания. Нет, свет был нужен не за тем, чтобы ее найти, а чтобы люди, подобные ей, смогли увидеть корабль и жестокий клюв кейшана, украшавший его нос. А также острые шипы. И черепа на костяных поручнях, а под особенно яркими лампами она сумела прочитать название корабля. Самое страшное на всех Ста островах и самое известное.

«Дитя приливов».

Когда корабль проплывал мимо, Диир увидела его команду, детей палубы, приготовившихся к сражению, мечтавших о крови и грабежах, увидела морскую стражу «Дитя приливов», стоящую словно статуи, в таких же черных плащах, как сам корабль. Увидела ветрогона в яркой одежде, окруженного шестеркой его сородичей в призрачно-белом. Увидела на корме командование корабля. Обожженную женщину, массивную фигуру проклятого Старухой Муффаза и Рулевую Барли. А он стоял между ними. Совершенно неподвижный, замотанный в тряпье так, что даже лицо оставалось закрытым, если не считать глаз.

Повернулся ли он, когда корабль проплывал мимо? Смотрел ли на нее, пока заходил в гавань? По ее телу пробежала дрожь страха, ведь все женщины и все мужчины знали, что не было судна столь же опасного для флота Ста островов, как «Дитя приливов».

Черный Пират пришел в Уиндхарт.

За Черным Пиратом следовали смерть и огонь.

Она слышала его голос, громкий, но хрупкий, как карканье скиира.

– Подвести корабль к берегу. Все луки держать наготове. Подожгите мои болты, девочки и мальчики, и стреляйте как следует.

После этого приказа она поняла, что ее единственная надежда – «Утрата Девушки», двухреберный корабль, пришвартованный в гавани, – исчезла. Да, «Дитя приливов» был пиратом, но команда прекрасно им управляла, она превосходно знала свое дело. «Дитя приливов» вошел в порт и встал вплотную к борту «Утраты Девушки». Диир ощутила боль в ушах, когда их ветрогон воспользовался своей силой, чтобы замедлить движение пиратского корабля.

Огонь прочертил ночь, когда «Дитя приливов» дал залп из всех дуголуков и луков нижней палубы по небольшому кораблю. И все вокруг превратилось в пламя. Лампы больше не требовались. С «Дитя приливов» спустили лодки, а в гавань входили новые пиратские корабли. Абордажный крюк закрипел по камню пирса, когда черный корабль поменьше остановился. Диир вскочила на ноги и изо всех сил помчалась в сторону города. У нее болело тело, крови не было, но она получила немало синяков. Диир бежала, прихрамывая. Она слышала, как новые абордажные крюки вгрызались в пирс. Очень скоро корабли пришвартуются и пираты высадутся на берег.

Как быстро изменился мир. Несколько минут назад было холодно и скучно, как в любой другой вечер. А теперь ее окружал ночной кошмар, огонь превратил ее вселенную в трещащий, кричащий ландшафт мечущихся теней.

Топот. Всюду бегущие люди. Свои или чужие? Диир не знала. Она бросилась в про-свет между двумя зданиями, направляясь к главной площади, где могла найти хоть какую-то защиту. Находилась ли супруга корабля Хальда на «Утрате Девушки»? Диир надеялась, что нет, ведь она являлась единственным офицером с опытом ведения боевых действий, а если обороной будет командовать супруга корабля Гриффа, который занимался лишь кранами при погрузке, они обречены.

Бежала. Бежала. Бежала.

На площади шло сражение. Если здесь когда-то и существовал порядок, он остался в прошлом. На земле валялись тела, пробитые арбалетными болтами. Диир едва не зацепилась за собственный меч, когда его вытаскивала. И сразу стала наносить удары по окружавшим ее смутным теням. Она понимала, что не знает, с кем сражается, – свои это или чужие. Она тяжело дышала, охваченная страхом. Нет, она не знала. И была слишком напугана, чтобы ее это волновало.

Удар. Попадание. Кровь. Вопль. Крик.

Диир хотела жить. Остальное ее не интересовало. Она оказалась в окружении метавшихся людей. Куда-то бежавших. Охваченных паникой женщин и мужчин. Она хотела жить.

Диир обнаружила, что оказалась на свободном пространстве. Огонь горевшего корабля окрашивал здания в оранжевый цвет, менял их форму, делал все вокруг странным и чуждым. Жуткие, кричащие, дикие лица мелькали в ночи. Она нанесла удар по бегущему человеку. Почувствовала, что клинок достиг цели. Отшатнулась. И оказалась прямо перед маленькой женщиной с худым лицом.

– Иди к Квелл, красотка, – сказала женщина.

Диир ощущала страх как нечто жидкое внутри. Перед ней была Тень Черного Пирата. Диир сделала выпад. Тень его парировала, одним быстрым круговым движением выбила оружие из ее руки, затем сильно толкнула, и Диир распростерлась на земле.

– Не убивай меня! – Она снова подняла худые руки, пытаясь защититься.

– Ты офицер? – спросила Тень.

– Хранительница п-палубы. – Диир мысленно выругала себя за то, что заикалась, когда произносила свое звание.

– Ну, в таком случае он захочет с тобой поговорить. – Тень взмахнула тяжелым концом курнова, и все погрузилось в темноту.

Пробуждение. Вкус крови во рту. Тепло глаза Скирит на лице. Шум крыльев скииров. Голоса женщин и мужчин на земле. Плач, мольбы и смех. Туго затянутые веревки на запястьях и щиколотках. Она открыла глаза. Оказалось, что она лежит на боку, на берегу. Черные корабли заполнили всю гавань. Бесконечный строй женщин, мужчин и детей, стоящих на коленях на песке. Все связаны.

Диир попыталась пошевелиться. Застонала.

– Еще одна пришла в себя, – послышался голос у нее за спиной.

– Тогда приведите ее скорее; чем быстрее мы закончим, тем быстрее сможем уйти. Я слышал, Брекир говорила, что флот костяных кораблей находится рядом.

Она почувствовала, как в ее груди зашевелилась надежда, и перекатилась. И увидела виселицы. С четырьмя телами. Пятая, супруга корабля Гриффа, стояла на бочке с веревкой на шее. А перед ней – Черный Пират. Он сделал шаг назад, поднял костяную ногу и выбил бочку. Супруга корабля Гриффа начала падать, ее остановила веревка, и она стала раскачиваться, как маятник, пытаясь вдохнуть воздух. Затем Диир подняли, но ноги ее не держали. Впрочем, детям палубы было все равно. Они потащили ее вдоль причалов, мимо веселившихся команд черных кораблей. В конце, когда они закинули веревку за крестовину виселицы, она сумела сохранить равновесие. Ей надели на шею петлю. Поправили бочку и заставили на нее

подняться. Затем натянули веревку так, что ей пришлось привстать на цыпочки, чтобы иметь возможность дышать.

Только после этого к ней подошел Черный Пират.

Он получил правильное имя. Темной была не только кожа, но и вся одежда. Черные сапоги, черные штаны, черная туника и черный плащ. Черный шарф скрывал лицо так, что видны были только глаза. Глаза, полные мрака.

– Назови свое имя и звание, – велел он.

Его голос оказался неожиданно музыкальным.

– Вара Диир, хранительница палубы «Утраты Девушки».

– Ну, Вара Диир, – сказал он, – я боюсь, корабля больше нет, и твое звание лишено для меня смысла.

– Ты прячешь лицо, – сказала она, обнаружив, что неминуемая смерть сделала ее более смелой, чем она от себя ожидала. – Ты поступаешь так потому, что стыдишься собственных поступков? Стыдишься, что предал Сто островов? Ты убиваешь хороших людей и верные команды кораблей?

Он смотрел на нее, и казалось, что его карие глаза ее оценивали.

– Я прикрываю лицо по собственным причинам, не имеющим отношения к стыду, – ответил он, и это ее удивило, так как она не рассчитывала получить ответ. – Ну а что касается предательства, от Ста островов я никогда не видел ничего другого, так стоит ли удивляться, если я плачу им тем же?

– Ты был офицером, – сказала она, а когда он ответил, в его голосе появился яд.

– Я был приговорен, Вара Диир, и больше ничего. Меня отправили умирать, чтобы я в смерти обрел цель. – Он шагнул ближе. От него как-то неправильно пахло, чем-то избыточно сладким, словно он вымазался отвратительной мазью. – Теперь, когда я ответил на твой вопрос, ответишь ли ты на мой? – Он не стал дожидаться ее слов и прошипел: – Где она?

– Кто?

– Супруга корабля, Миас Джилбрин, Удачливая Миас, ведьма пролива Килхьюмхьюм. Я знаю, что она у Тиртендарн Джилбрин, – где?

– Я... – Возможно, он безумен, если думает, что какая-то жалкая хранительница палубы с бедного двухреберного корабля с окраины Ста островов может знать подобные вещи. – Я не знаю.

Он шагнул назад, и она приготовилась. Но он еще не закончил.

– Станешь ли ты мне служить, Вара Диир? У меня хватает офицеров, – продолжал он. – Но дитя палубы всегда пригодится.

Она смотрела на него и обнаружила в глубоких карих глазах то, чего не смогла понять. Словно он просил ее согласиться. Хотел, чтобы она присоединилась к нему и начала грабить Сто островов, чем сам он занимался весь последний год, а за ним охотились все костяные корабли, чтобы покончить с его правлением ужаса.

Она постаралась расправить спину, стоя на бочке.

– Тебя найдут и повесят, – сказала она. – Вот почему, если я к тебе присоединюсь, это лишь немного отсрочит мою смерть. – Она опустила плечи и постаралась говорить так громко, как только могла. – Ты и твои дети палубы – животные и убийцы. А я – флот. Я не стану к тебе присоединяться.

Он посмотрел на нее. Кивнул.

– Ну, – сказал он, – полагаю, ты права, хранительница палубы Диир. И я восхищаюсь твоей верностью. Я с радостью выпью за тебя у костяного костра Старухи.

И он выбил бочку, веревка впилась Диир в шею, и она сосредоточилась только на одном: она отчаянно нуждалась в воздухе.

А потом наступила темнота.

Все стало мраком.

3

Черный Пират

Он рассчитывал устроить встречу в самом большом жилище Уиндхарта, в старом здании, которое держалось как благодаря лианам, так и превосходной работе каменщиков. Но в конце решил, что будет лучше собраться в знакомой обстановке просторной каюты «Дитя приливов». Он слышал топот сапог своих офицеров на верхней палубе: Фарис, смотрящая палубы, Барли, рулевая, Дженнил, его первый помощник, выкрикивали приказы, на корабле шла обычная работа. Рядом с ним стояли курсер Эйлерин, а за спиной – Квелл, его Тень. Лишь немногие могли смотреть на нее, не испытывая тревоги, от Квелл исходила агрессия, и она этим наслаждалась.

Впрочем, тут она была не одинока. Супруг корабля Колт с «Острого ситера», Турримор с «Кровавого скиира» и Адранчи с «Радости клювозмея» совершали рейды с огромной радостью, и Твайнер им не мешал. К нему также присоединились остальные, не такие суровые супруги корабля: Брекир с «Оскаленного зуба» находилась рядом, неизменно сохраняя верность, а также Чивер с «Последнего света» и Туссан с «Клюва Скирит». Шесть черных кораблей в гавани вызывали тревогу Джорона Твайнера. Именно об этом он собирался говорить в первую очередь.

– Добро пожаловать, супруги корабля. Уиндхарт наш.

– Тех, кто согласился к нам присоединиться, отправили на корабли, – сказал Колт. – С теми, кто отказался, сейчас разбираются.

– Он хочет сказать, что их отправят на Суровые острова, хранитель палубы Твайнер, – уточнила Брекир.

– Если у нас хватит места, – сказал Колт, но совсем тихо, не обращаясь ни к кому в отдельности.

Так он хотел всех проверить.

– Я уверен, что мы найдем место, – заверил его Джорон. – Но сначала карты. Шесть кораблей в одном месте – это слишком много, поэтому я скажу вам, как мы поступим. Эйлерин, если ты не против.

Курсер выступил вперед, его белые одежды выделялись на фоне черных супругов кораблей, и разложил на столе карту.

– Мы находимся здесь, – сказал курсер, и его тихий голос наполнил комнату. – Уиндхарт. Большая часть флота Ста островов сейчас сосредоточена возле острова Шипсхьюмхьюм, чтобы иметь возможность защищать Бернсхьюмхьюм от рейдов, ведь мы заметно ослабили их флот, хотя у них еще много патрулей, а также пара крупных кораблей, которые нас ищут.

– Значит, особенно важно, чтобы мы не попали здесь в ловушку, Колт, – сказал Джорон. – Я бы хотел, чтобы ты вместе с «Кровавым скииром» и «Радостью клювозмея» направился сюда. – Он указал на остров. – Еще одно место, где сосредоточены запасы, и едва ли оно защищено лучше, чем Уиндхарт. – Джорон поднял глаза, и Колт кивнул. – Отправляйся прямо сейчас. Чем меньше времени мы тут проведем, тем больше шансов, что у нашего флота не возникнет проблем.

– А если я увижу корабли Ста островов, хранитель палубы Твайнер?

– Если они будут маленькими и ты сможешь их поймать – уничтожь, – ответил Джорон. – Но сначала допроси офицеров. И постарайся не попасть в западню.

– Об этом я буду думать постоянно.

– Конечно, – сказал Джорон и отвернулся от Колта. – Брекир, возьми «Оскаленный зуб», супруга корабля Туссан и «Клюв Скирит» направятся сюда, – он указал место на карте. – Таф-

финбар. Нам известно, что там находится нечто вроде почтовой станции. Я хочу ее уничтожить, а если вы сможете захватить сообщения и кого-то, кто понимает шифры, будет еще лучше.

– Да, я все сделаю, – ответила Брекир.

– Хорошо, а я поведу «Дитя приливов» в сопровождении супруги корабля Чивер с «Последним светом» обратно к Суровым островам, чтобы поговорить с Тендарн Эйлин и узнать, какие у нее для нас планы. Мы учинили немалый хаос и ослабили Сто островов множеством способов. Теперь она должна быть готова к штурму Бернхьюмхьюма. – В ответ все закивали и заулыбались. – Тогда уходим. Я не хочу, чтобы нас застали врасплох. – Он коснулся руки Брекир.

– Я бы хотел поговорить с тобой наедине, – сказал Джорон.

Она кивнула и улыбнулась, у него уже вошло в привычку разговаривать с ней после общих встреч. Они подождали, когда остальные супруги кораблей покинут каюту, потом Брекир шагнула к нему, и он уловил аромат ее духов со смесью соли, въевшийся в одежду, и запах госсла, горевшего в ее каюте, чтобы избавить от боли многочисленных ранений.

– Возможно, Миас нет в Бернхьюмхьюме, Джорон, – сказала Брекир.

– Она должна быть там, – сказал он.

– Прошел год, Джорон. И никто ничего о ней не слышал. – Она по-дружески коснулась его руки. – Может быть, пришло время перестать называть себя хранителем палубы и надеть шляпу с двумя хвостами...

– Нет, – сказал он и сразу понял, что ему не следовало отвечать так резко. – Когда мы исчерпаем все возможности, когда обыщем все острова и ничего не найдем, тогда, возможно, я назову себя супругом корабля, но она Удачливая Миас, Брекир. – Просил ли он ее, пресекая ли в конце его голос? – Именно о ней говорится в пророчестве «Дитя Приливов». Она подарит всем людям мир. Миас не может умереть. Не может. А если я надену шляпу с двумя хвостами, какое послание я отправлю командам? Что я отказался от надежды.

Брекир кивнула. И убрала руку с его руки.

– Командир всегда одинок, Джорон Твайнер.

– Ну да, тут я не стану с тобой спорить.

За спиной Брекир находился большой письменный стол, настолько же уместный здесь, насколько чувствовал себя не на месте Джорон Твайнер. За письменным столом стоял стул Миас, с его спинки свисала шляпа с двумя хвостами как символ командования супруги корабля.

– Ну, – сказала Брекир, отступая назад, – не забывай, Джорон Твайнер, у тебя есть друзья среди тех, кем ты командуешь.

– Да. – Он рассмеялся. – И соперники.

– Всегда.

– И даже хуже.

– Это одна из причин, по которой я хочу, чтобы ты надел шляпу с двумя хвостами, Джорон.

– Шляпа с двумя хвостами не сделает меня более законным капитаном в глазах Чивера и Сарринг, Брекир.

– Верно, – сказала она, – они флот от начала и до конца и никогда не примут полностью в качестве командующего одного из отверженных Дарнами, тут ты прав. Но шляпа на голове сделает твоё положение более надежным.

– Да, возможно, среди офицеров, – ответил Джорон. – А как насчет детей палубы? – Он посмотрел Брекир в глаза. – Нет. Я дал клятву. Они не будут меня уважать, если я ее нарушу, и посчитают неудачником, а потерять детей палубы – все равно что лишиться флота. Пусть Чивер и Сарринг возмущаются, но до тех пор, пока дети палубы на моей стороне, они ничего не смогут сделать.

Брекир кивнула.

– Как же трудно командовать костяным кораблем, жонглировать обязанностями и верностью, чтобы он мог летать, – сказала Брекир. – Я думаю, лишь немногие это понимают. И только единицы осознают, насколько тяжело командовать целым флотом. – Теперь пришел черед кивать Джорону. – Ты же знаешь, что тебя намерены вызвать на следующей встрече супругов корабля.

Он ощутил, будто его наполнила холодная неподвижная вода. Джорон всегда знал, что это неизбежно.

– Дуэль?

– Нет, они не могут вызвать тебя на поединок – одноногого супруга корабля, к тому же мужчину, – нет, это ниже их достоинства. Они скажут, что наша борьба бессмысленна.

Джорон повернулся, сел за письменный стол, который стоял так удобно, и жестом предложил Брекир занять место напротив, что она и сделала. Она задумчиво сложила свое длинное тело, чтобы устроиться поудобнее, ее кожа была еще более темной, чем у него, а на лице застыло неизменное скорбное выражение.

– Может быть, они правы, Брекир. Несомненно, у Миас был план для окончания войны. У меня его нет. Иногда мне кажется, что именно по этой причине я продолжаю ее искать – и дело не только в верности. – Он вытащил бутылку анхира из ящика письменного стола, налил в две чашки и одну подвинул к Брекир.

– Не сомневайся в себе, – сказала она. – Ты хорошо и долго нам служишь. Они будут говорить о том, чтобы создать собственный Дарндом и что для этого у нас достаточно кораблей.

Джорон отвернулся, чтобы скрыть изуродованную кожу под шарфом, который он использовал как маску, пока пил анхир, позволив жидкости сильнее обжечь поврежденное горло. Он вернул на место темный материал шарфа и повернулся к Брекир.

– Ну, возможно, это один из способов остановить войну, – продолжал он. – Мало что еще может объединить Сто и Суровые острова быстрее, чем воровство их земель для создания нового Дарндома.

Брекир наклонилась вперед.

– Здесь я готова выступить в роли адвоката Старухи, Джорон, – сказала она. – Мы *сможем* удержать свои земли, в твоем лице у нас есть могучее оружие.

Студеный океан у него внутри превратился в лед, слова рождались холодными и острыми, точно замерзшие острова, способные разрезать костяной корабль от клюва до кормы.

– Мы не говорим об этом, – заявил он.

– Но я думаю, мы должны, и если ты можешь призвать кейшана...

Он прервал ее, и его голос прозвучал сурово, не допуская дальнейших возражений.

– Ты прекрасно знаешь, что в тот самый момент, когда я призову морского дракона, Миас будет мертва. Они держат ее у себя только из-за того, что считают, будто она на это способна. Если они узнают правду, им не будет ни малейшего смысла оставлять ее в живых.

– Кейшаны появляются в любом случае, Джорон. Маленьких видят постоянно, всего к настоящему моменту их насчитали пятнадцать.

– Если я уничтожу еще один остров и хотя бы один человек уцелеет, чтобы об этом рассказать, Брекир, она мертва. Я не стану подвергать ее опасности.

Брекир кивнула и сделала глоток анхира.

– Я знала, что ты так скажешь. Конечно, ты прав, но рано или поздно, Джорон, до этого дойдет, и тебе придется выбирать: наш флот или она. – Он сделал глоток, и Брекир снова наклонилась вперед. – Я дам тебе дружеский совет, – сказала она.

– Я всегда с радостью тебя слушаю, – ответил Джорон.

– Из двоих Чивер агрессивнее. Тебе следует поручить Квелл навестить его ночью. Тогда все твои проблемы исчезнут, и ты сможешь назначить супругом корабля хранителя палубы,

который будет тебе должен, или поставить свою женщину. Без Чивера Сарринг, скорее всего, будет помалкивать – я полагаю, она вернется на Сто островов с новостями о нас в надежде, что ее помилуют.

– Я не убийца, Брекир, – сказал Джорон.

Она ничего не ответила, продолжая смотреть через его плечо в большое окно на корме корабля. Джорон повернулся, чтобы проследить за ее взглядом, и увидел тела на виселицах, а также тела на земле.

– Они были нашими врагами, – сказал он. – И сотворили бы то же самое с нами.

– Верно, – ответила Брекир.

– Ты не одобряешь? – У него на глазах первый из черных кораблей, «Острый ситтер» Колта, заскользил к выходу из гавани. Остальные готовились к отплытию. Над портом поднимался дым.

– Я понимаю, – сказала она.

– Но это не одобрение. – Он снова к ней повернулся. – Мы не можем оставлять врагов у себя за спиной.

Брекир встала.

– Мне пора возвращаться на «Оскаленный зуб». Ты сам сказал, что нас ищут патрули, и нам нельзя им попасться.

– Да.

Она повернулась, чтобы уйти, но у двери задержалась.

– Дети палубы любят оставлять в своем кильватере разрушения, Джорон. Но я не служила рядом с Миас, как ты, и спрашиваю себя, одобрила бы она кровавый след за нами в море.

– Она была жесткой, Брекир, – сказал он, и его голос наполнила такая же жесткость.

– Она сохранила тебе жизнь, – напомнила ему Брекир и с этими словами вышла за дверь, оставив его наедине с мрачными мыслями.

Ему хотелось догнать Брекир, накричать на нее, объяснить, что она ошибается. Где ее верность – как она может ставить под сомнение его решения? Он обнаружил, что вскочил на ноги. И почувствовал знакомую боль в культе, когда перенес на нее вес тела. Джорон замер. Он вспомнил Миас и то, как она очень давно сказала, что хранители палубы должны постоянно задавать вопросы супругам корабля. Заставлять их обдумывать свои действия. И хотя сама Брекир являлась супругой корабля «Оскаленного зуба», он знал, что она играла эту роль в его флоте. Он снова сел. Повернул стул так, чтобы смотреть в окно на маленький город. И тела повешенных. На другие трупы. На разгоравшийся пожар.

Это его рук дело. Его вина, и он от нее не отказывается. Брекир права, некоторые дети палубы наслаждаются разрушениями и наверняка заходят слишком далеко. Он не считал, что это происходит с ним. Уже год, как он ничего не слышал о Миас. Джорон верил, что она в Бернсхьюмхьюме. Чтобы он смог вернуть свою супругу корабля, флот Суровых островов должен осадить Бернсхьюмхьюм. Но прежде следовало ослабить Сто островов. Чем он и занимался. Если он встречал корабли в море, он их уничтожал. Если ему не удавалось расправиться с кораблями, он сжигал запасы. Если не мог уничтожить запасы, убивал офицеров и лишал их детей палубы.

Чего бы это ни стоило.

Такова война.

Никакой жалости или пощады. Он не ждал ничего другого в ответ. Он возвращал врагам то, что они делали с ним. И если не это обещал его отец и не славные истории о флоте, о гордых костяных кораблях и благородных супругах кораблей... ну, жизнь отличается от историй. Она причиняет боль, она трудна и жестока и полна потерь. И если не такого мира хотела Миас и за такой сражалась, мира без войны не бывает. Он смотрел, как ветер раскачивал тела на виселицах. И снова слышал голос молодой хранительницы палубы.

Ты и твои дети палубы – животные и убийцы. А я – флот.

– Быть может, мы все животные? – спросил он у самого себя.

Джорон протянул руку и налил себе еще анхира. Приподнял шарф, взял чашку и почувствовал знакомое жжение крепкого алкоголя в горле.

С каждым днем оно становилось все более знакомым.

– Я найду тебя, Миас, – негромко сказал он – так Джорон говорил только с костями «Дитя приливов». – Я должен, потому что каждый день без тебя приводит к тому, что я все дальше удаляюсь от проложенного тобой курса.

4

Снова в море

Он стоял на корме «Дитя приливов», знакомое место, знакомое ощущение под единственной ногой, когда корабль в море. И все же многое изменилось, как и сама природа жизни. Теперь он командовал этим кораблем и рядом были его люди, хранительница палубы Фарис и первый помощник и командир морской стражи Дженнил. Гавит, прежде юнга, пугавшийся всякий раз, когда Миас обращала на него взгляд, стал лукоселлом главной палубы. Некоторые остались еще со времен командования Миас: Барли, рулевая, Серьезный Муффаз, мать палубы, два надежных офицера, на которых он всегда мог опереться.

Они напоминали ему, что это тот самый корабль, на палубу которого он поднялся много лет назад, следуя за Удачливой Миас в годы ее изгнания. Иногда Джорон видел, как Муффаз смотрел на Фарис – подобно отцу, гордятся дочерью, отцу, которого у нее никогда не было. Иногда Фарис смотрела на Гавита так, как ей не следовало, но у Джорона не находилось подходящего времени, чтобы с ней поговорить. Он решил попросить это сделать Серьезного Муффаз: его с Фарис всегда связывали добрые отношения.

Меванс оставался стюардом, он отказывался от любого повышения, но каким-то образом умудрялся участвовать во всех аспектах управления кораблем. Фогл, как и прежде, была его смотрящей-на-море, но Джорон опасался, что этому скоро придет конец. Во время всех его последних разговоров с ней он улавливал алкоголь в ее дыхании, а на такой должности не мог находиться пьющий человек.

Вот только ему ли такое говорить?

Эйлерин, курсер, и Ветрогон отсутствовали на палубе, возможно, именно по этой причине Джорон испытывал печаль. Военные одежды «Дитя приливов» убрали, как только корабль покинул Уиндхарт. Луки привязали, песок смели, с такелажа спустили цепи, а черепа сняли с костяных поручней. В центре палубы новые ветрогоны в белых одеяниях образовали круг и тихонько напевали, призывая ветер. Джорон старался обращаться с ними осторожно, никогда не заставлял работать слишком много, но у него не получилось с ними сдружиться. Их выбирал Мадорра, ревностно охранявший друга Джорона, самого первого ветрогона, с которым он познакомился.

И хотя он приказал лишенному ветра никогда не упоминать пророчество, в котором говорилось, что ветрогон «Дитя приливов» является Ветровидящим и ему суждено освободить всех ветрогонов от власти людей, Джорон не верил, что Мадорра выполняет его приказ. Джорон понимал это, глядя на то, как тихо вели себя ветрогоны в его присутствии, не подозрительно, а с благоговением. Для них он являлся Зовущим, а значит, должен быть связан с Ветровидящим – в роли слуги или еще каким-то образом, – Джорон не знал, и никто ему не объяснял.

Но ветрогоны по большей части его слушались.

– Фарис? – позвал Джорон.

– Да, хранитель палубы?

– Я спускаюсь вниз, ты знаешь наш курс.

– Да, – ответила она, и он оставил ее на корме, не сомневаясь, что она прекрасно удержит корабль на нужном курсе.

Джорон спустился вниз, спасаясь от холода, кусавшего щеки и нос, несмотря на шарф, который закрывал лицо, и оказался во влажном прохладном воздухе нижней палубы, где путь к каюте Ветрогона освещали сиявшие глаза тусклосветов. У двери стоял Мадорра, одетый в белое, и его яростный глаз уставился на Джорона.

– Мадорра, – сказал он, всякий раз вспоминая о боли в горле, которая уничтожила его музыкальный голос. – Я хочу поговорить с Ветрогоном.

– Занят, – сказал Мадорра и зашипел. – Слишком занят для тебя. Занят.

– Я командую кораблем, Мадорра, никто не может быть слишком занят для меня. – Он попытался пройти мимо лишнего ветра – одного из ветрогонов, не способных контролировать ветер, раньше он служил охранником и тюремщиком других ветрогонов на Ста островах, но тот даже не пошевелился. – Ветрогон! – рявкнул Джорон. – Мне нужно с тобой поговорить. – Мадорра снова зашипел, но Джорон услышал голос Ветрогона.

– Заходи, Джорон Твайнер, заходи.

Джорон ждал, глядя на лишнего ветра, и заметил, что к вороту белого одеяния Мадорры пришта гирлянда из ракушек. От внимания Джорона не укрылось, что это ракушки гаффинов, существ, находившихся внутри прозрачных белых завитков, которые являлись ядовитыми для людей и деликатесом у ветрогонов.

– Ну? – сказал Джорон Мадорре. Лишний ветра заморгал и отступил в сторону. – Благодарю.

Джорон распахнул дверь и вошел, оказавшись после холода и сырости в теплой каюте, где сильно пахло ветрогоном – горячий песок и соль. Сейчас на борту находилось двенадцать ветрогонов, пятеро из них на палубе, а его Ветрогон, Мадорра и пять других – здесь.

Джорон не знал имен новых десяти ветрогонов, они отказывались с ним говорить и даже смотреть в глаза.

Они постоянно пели и, хотя вечно сопровождали Ветрогона, неизменно находясь рядом с ним, слушались только Мадорру, а не Ветрогона, который сейчас сидел внутри их круга и скорбно смотрел на Джорона.

– Прочь уходите, – печально сказал он остальным. Прежде это был водоворот гнева и ярости, но сейчас он казался просто уставшим. Когда окружавшие его ветрогоны не пошевелились, продолжая петь свою тихую грустную песню, часть прежнего огня к нему вернулась. – Прочь уходить! – рявкнул он на того, кто находился рядом, и они одновременно направились к двери, но никто не вышел из каюты.

– Вас попросили выйти, – сказал Джорон группе ветрогонов, они заворковали и защелкали, но ни один не сдвинулся с места.

– Не уйдут, – проговорил Ветрогон. – Нет, не уйдут.

Он уселся в свое гнездо, его одеяния, когда-то рваные и грязные, теперь превратились в самую красивую вещь на корабле. Они были расшиты разноцветными нитками, на них позвякивали ракушки, безделушки и перья – подарки других ветрогонов и членов команды. Джорона преследовала мысль, что яркие одеяния стали для Ветрогона такой же тюрьмой, как для него – командование кораблем, что говорящий-с-ветром оказался в ловушке, откуда не существовало спасения.

– Нашел корабельную женщину? – спросил Ветрогон.

– Нет, ее там не было, и никто ничего о ней не знает. – Джорон покачал головой. – Если ты хочешь прогнать ветрогонов из своей каюты, я могу это сделать. – Ветрогон потряхнул головой.

– Нет, нет, нет. Мадорра не уйдет. Мадорра сражаться. Мадорра убивать. Не будет. Не будет. – Казалось, еще немного, и его охватит паника. Джорон кивнул.

– Когда-то ты был не против, чтобы он убил всех нас, – напомнил ему Джорон.

Ветрогон тихо фыркнул, печальный смех для тех, кто его понимал.

– Теперь все равно. Но Джорон Твайнер – не все равно. – К нему повернулась голова в маске. – Джорон Твайнер болен, – тихо добавил он. – Не хочу делать жизнь Джорона Твайнера труднее.

– Моя жизнь и без того трудна, и я не думаю, что она станет легче, Ветрогон.

Тот печально кивнул.

– Не хотеть, – заявил Ветрогон.

– Верно, – сказал Джорон. – Ну, я всего лишь хотел тебя навестить. Сейчас мне нужно встретиться с Рукой Старухи и Эйлериним. Если тебе что-то понадобится, позови меня.

– Позови, – повторил Ветрогон, Джорон пробрался сквозь толпу говорящих-с-ветром, одетых в белое, и Мадорра зашипел, когда Джорон проходил мимо.

Он не стал обращать на него внимания – лишенный ветра не принадлежал к команде корабля, поэтому подобное наглое поведение Мадорры было не большей угрозой его командованию, чем если бы кивелли его клюнула или укусил длинноцеп. И все же оно вызвало у Джорона раздражение, когда он направился в глубины корабля, где Гаррийя, Рука Старухи, ждала его у себя в кубрике, куда приносили больных и раненых. Сегодня там было пусто, их рейд прошел без потерь. Так случалось довольно часто. Конечно, они атаквали превосходящими силами, но главной причиной являлась его репутация Черного Пирата, который не оставлял живых, и единственным доказательством его посещения островов становились трупы и горящие города.

Конечно, не совсем так, Джорон понимал, что это необходимо: в конечном счете его репутация спасет жизни многих его людей, и он надеялся, что в конце концов приведет к Миас. Тем не менее ему совсем не нравилось такое положение вещей.

В кубрике Руки Старухи Гаррийя сидела на стуле, гамака у нее не было, рядом лежали инструменты. *«Ее вполне можно принять за палача, а не целительницу»*, – подумал Джорон.

Старая женщина состояла из противоречий, она очень тщательно мыла руки, но никогда – остальные части тела. Половину времени прикидывалась тупой, но теперь уже никого не могла обмануть. За блестящими глазами скрывался мощный разум.

– Зовущий, – сказала она. – Как дела?

– Я слышу все больше сообщений о кейшанах, поднимающихся на поверхность моря, но я не пел и не призывал их.

Она рассмеялась и провела рукой по своим инструментам, словно пыталась понять, какой из них вызовет самую сильную боль.

– Думаешь, что ты единственный такой во всем мире? – спросила Гаррийя.

– Нет, но мы призывали зверя, мы...

– Не вызвали первого, Зовущий, – сказала она, затем собрала свои инструменты и встала. Потом подошла к полкам, положила их и взяла бутылку и ткань.

– Ну нет...

– Ты можешь кое-что немного ускорить, – сказала она. – Но не остановить то, что уже началось.

– Что это значит? – спросил Джорон.

– Сними шарф и сядь на стул. Я посмотрю, как у тебя сегодня дела.

Джорон молча повиновался, у него возникло странное ощущение, когда кожи коснулся воздух, а не тепло его дыхания, пойманное тканью. Гаррийя склонилась над ним, уродливая, старая, с кожей, покрытой грязью.

– Хотя кто-то на том острове знает, где она? – Он покачал головой. – Конечно нет, зачем им посылать сюда кого-то важного. – Джорон собрался ей ответить, но она подняла его голову, положив руку ему на подбородок, что заставило его промолчать. – Язвы не стали хуже, – сказала она. – У тебя бывают головокружения? – Он покачал головой. – Тошнота? Ты замечал исчезнувшее время? – Он снова покачал головой. – Принял какие-то решения, о которых пожалел?

– Много.

Гаррийя улыбнулась и намочила ткань жидкостью из бутылки.

– А такие, которые потом казались тебе бессмысленными? – поинтересовалась Гаррийя.

– Только не в последнее время, – ответил Джорон.

– Хорошо. А сейчас будет больно.

Она прижала тряпицу к его лицу, и он зашипел; у него возникло ощущение, что кожу охватил огонь, но, если это требовалось для того, чтобы удержать гниль кейшана, он был готов терпеть.

– Как Коксвард? – спросил он в момент передышки.

– Я не могла больше держать его здесь, – ответила Гаррийя. – Сейчас он в карцере. – Она еще раз прижала влажную тряпицу к его лицу, и по коже побежал огонь. – Впрочем, пройдет очень много времени, прежде чем ты окажешься в его состоянии. Гниль у него много лет.

– Мне бы он пригодился, никто не знает корабль так, как он, – сказал Джорон. – Ты можешь его подлечить?

Она покачала головой.

– Как только гниль достигает разума, лишь Мать способна его излечить, а мне до нее далеко. – Огонь снова побежал по его коже. – Будет милосердием его отпустить, Зовущий, – сказала она, понизив голос. Боль. – У него ничего не осталось в этом мире.

– Он с нами с самого начала. – У Джорона перехватило в горле. – Я не хочу потерять...

– Иногда дело вовсе не в тебе, – сказала она. Прикосновение. Боль. – Ты знаешь, Зовущий, твоя нога, твоя песня, твоя супруга корабля. Если ты начнешь думать, что сможешь разбавить боль кровью, это станет ошибкой. Кровь лишь будет ее питать.

– Это не месть, Гаррийя. – Он отвел ее руку в сторону, вдохнул пары жидкости из бутылки, и у него заслезились глаза. – Она в Бернсхьюмхьюме, я уверен. И мне необходимы корабли Суровых островов, чтобы осадить столицу, но они не дадут их мне до тех пор, пока Сто островов обладают сильным флотом. – Он взял шарф и завязал лицо. – Поэтому я должен их ослабить.

– И себя.

– Мы никого не потеряли, – возразил Джорон.

– Пока.

– Мы никого не потеряли, старая женщина.

Он встал, она молча на него смотрела.

– Навести твоего мастера-костей в карцере, – наконец сказала она.

Джорон отвернулся, намереваясь подняться вверх по лестнице к люку, чтобы оставаться на палубе в свете Скирит. Но его мучило чувство вины. Коксвард достойно ему служил, пока гниль не отняла у него разум, и Джорон считал, что должен его повидать. Поэтому он зашагал в темноту, и теперь путь ему освещали только тусклосветы, расположенные в узких коридорах. Он слышал Коксварда еще до того, как увидел. Слышал бред и тяжелые удары о стены. Карцер постарались переделать, чтобы он стал удобнее, ведь Коксвард не совершил ничего плохого. У людей остались синяки после столкновения с ним, но виновата была болезнь.

– ...Огонь приближается! – проревел Коксвард. – Все закончится в огне и зубах. Вы меня слышите? Я зубы! Я огонь! Я место внизу. Я месть Старухи! Вы напали на меня! Вы напали! Я вас убью. Я... – Он успокоился, когда Джорон оказался в поле его зрения.

Прежде Коксвард был крупным мужчиной. Но не теперь, плоть свисала с его костей, кожа покрылась язвами и засохшей кровью.

– Супруга корабля! – сказал он.

И он отдал салют.

– Я не супруга корабля...

– Они заперли меня здесь, супруга корабля, – сказал Коксвард и налег на закрытую дверь. – Это мятеж, супруга корабля. Мятеж. Я хорошо знаю команду, послушайте меня. – Джорон подошел ближе и уловил сильный запах гниющей плоти. – *«Это ждет и меня»*, – подумал он. – *«Это ждет и меня»*. – Послушайте, супруга корабля, они думают, что я безумен, но я знаю правду. – Он не казался настолько безумным, как во время их предыдущей встречи.

Джорон подошел ближе.

– Правду?

– На борту много новых людей, они сердиты на тебя, Миас, сердиты. Тебе известно, что ты лишилась милости клюва твоего корабля? Они кое-что планируют. – Прояснилось ли у него в этот момент в голове? Возможно, несмотря на то что он путал Джорона с Миас, он говорил о чем-то вполне реальном? Джорон подошел немного ближе. – И еще того хуже, супруга корабля, ты думаешь, будто они женщины и мужчины, а на самом деле они голые кости в человеческой плоти. Они носят женщин и мужчин, как мы одежду. – С каждым новым словом его голос становился громче, и у Джорона не было ни малейших сомнений, что Коксвард испытывает ужасные муки и искренне верит в то, что говорит. – Все это правда, супруга корабля. Все правда, я чувствую их под моей плотью! Они думают, что я безумен! Я вижу огонь и смерть! – Из его рта летела слюна, Джорон подошел еще ближе.

– Коксвард, – сказал он, – я не Миас. Ее нет с нами.

Казалось, прошла туча – и Глаз Скирит снова открылся. Коксвард пришел в себя.

– Джорон?

– Да, это я, Коксвард.

Коксвард положил руки на решетку и приблизил к ней лицо. На его глазах появились слезы.

– Я хорошо служил, не так ли?

– Да, Коксвард, так. Ты был лучшим.

– Я не могу это вынести, Джорон.

Джорон протянул руку между прутьями, обнял Коксварда и прижал к себе.

– Ты честно служил кораблю и мне, Коксвард. Ты служил Миас, служил безупречно.

– Значит, ты мне веришь, – сказал он, и в уголках его рта появилась белая пена, – про голые кости? Про огонь? – Туча возвращалась. Свет тускнел.

– Да, – тихо ответил Джорон. – Я во всем разберусь, не беспокойся. – Казалось, боль Коксварда немного отступила, как если бы ему было необходимо услышать эти слова, и, когда в его глазах появилось умиротворение, Коксвард улыбнулся.

А Джорон глубоко вонзил костяной нож в его сердце. Он наблюдал, как свет уходит из его глаз, и надеялся, что в гаснувшем взоре была благодарность и он избавил его от безумия.

– Отдыхай спокойно, старый друг, – сказал Джорон, опустив Коксварда на пол. – Теперь ты можешь отдохнуть.

Он смотрел на неподвижное тело мастера костей и безмолвно ругал Гаррийю.

«Мы никого не потеряли».

«Пока».

Затем он услышал крик сверху, которого боялся больше всего, и в то же время его охватило возбуждение.

– Корабль на горизонте!

5

И я увидел прекрасный корабль

Поразительно, как быстро человек ко всему привыкает. Он стоял на раскачивавшейся мачте, а сланец палубы оставался далеко внизу. Его ноги – здоровая и костяная, упирались в веревки, в руке он держал подзорную трубу. Прошло совсем мало времени с того момента, как он думал, что больше никогда не сможет подниматься на мачты костяного корабля. И не слишком много с тех пор, как потерял ногу. Поначалу он поднимался по чуть-чуть, потом все выше и выше, разве он мог управлять костяным кораблем, если не способен делать то, чего требует от своей команды? И, хотя каждый его шаг был осторожным, всякий раз, когда он пользовался фальшивой ногой, своей культей, чтобы перемещаться по веревкам или рангоуту, он почти не сомневался, что упадет. Но, как и с ходьбой, бегом и фехтованием, он постепенно привык, научился правильно ощущать давление кости на обрубок ноги и теперь лазал по мачтам ничуть не хуже, чем прежде, возможно даже лучше.

Джорон смотрел в подзорную трубу – *ее подзорную трубу* – на горизонт. Перемещал взгляд вдоль серого моря, пока наблюдатель, Хавир, давал ему указания.

– Видел его на пять часов от кормы, хран-пал, только намек, но я уверен, что заметил флаги на мачтах костяного корабля.

– Не наши? – спросил Джорон.

– Нет, это не черный корабль, – заверил его Хавир.

Джорон кивнул, продолжая смотреть на горизонт через подзорную трубу, хотя он не сомневался в словах Хавира; он был старая соль, опытный дитя палубы, прослуживший годы. Джорон просто поддерживал беседу, выжидая момент, когда море поднимет «Дитя приливов» и он сможет увидеть больше. Хавир сказал, что корабль летел сразу за горизонтом.

Преследовал ли он «Дитя приливов»? И если да, то как долго? Или это паранойя, которая является одним из симптомов гнили. Джорон видел, как она овладела Коксвардом, слышал, что тот рассказывал о Хьюэсе, прежнем мастере костей, интриговал против него. Насилие началось до того, как ему пришлось перевести Хьюэса на другой корабль и взять на борт женщину по имени Колвульф, после этого некоторое время все шло нормально. Пока паранойя не началась снова.

Но теперь все закончилось, во всяком случае для Коксварда.

Джорон опустил подзорную трубу, вытер пот со лба и снова поднес ее к глазу. Как долго ему удастся здесь оставаться? Сколько еще ждать? Сколько смотреть в этот круг на идеальные полусферы моря и неба с пунктирными линиями скииров, танцевавших над волнами?

Вот! Над горизонтом появилась одинокая, неестественно прямая линия.

– Я нашел его верхушку, Хавир.

– Я знал, что так и будет, – ответил наблюдатель.

– Похоже, он перестал стесняться, видны сразу три мачты, значит, это четырехреберный корабль, полный набор зоресветов. – Он слегка переместил трубу. – Вижу второй корабль.

– Да? – Джорон чувствовал, что Хавир где-то рядом.

– Двухреберный.

– Равные силы, верно, хранитель палубы?

– Да, совершенно равные. – Джорон наклонился, чтобы докричаться до палубы. – Барли, поверни на два румба к тени! – Он почувствовал, как корабль начал разворот, теперь ветер бил ему не в щеку, а в затылок, и он начал спускаться, быть может не слишком быстро, но и не медленно, пока уверенно не спрыгнул на палубу и сразу побежал – чересчур стремительно для командующего кораблем – на корму, где его поджидала Фарис, которая, убрав руки за спину, внимательно осматривала палубу.

– Два корабля, Фарис, четырехреберный и двухреберный, – сказал Джорон.

– Вы намерены начать преследование, хран-пал? – Она улыбнулась ему, и обожженная кожа ее лица превратила глаза в щелочки.

– Ну, – сказал он, – они называют нас убийцами и мародерами, так постараемся их не разочаровать, верно? – Он усмехнулся кроважадной пиратской улыбкой и закричал: – Полные крылья, дайте мне максимальную скорость. Пусть звонит колокол и бьют барабаны! Очистить палубу для сражения! Отправьте сигнал Чиверу на «Последний свет», чтобы он сделал то же самое!

И все вокруг превратилось в подобие хаоса, корабль готовился к войне, дети палубы бегали взад и вперед, а Джорон улыбался под маской, потому что видел последовательность в кажущемся хаосе. Каждая женщина и каждый мужчина знали, что им следовало делать, и Джорон был доволен, ведь именно таким он хотел вернуть корабль своей супруге корабля – аккуратное, четко управляемое боевое судно. Джорон повернул голову к горизонту и поднял подзорную трубу, чтобы изучить противника. Два корабля шли боком к «Дитя приливов», белые, точно свежий песок. Ветер завернул хвост его шляпы вокруг руки, играл с длинными прядями волос. Джорон отбросил их, снова принялся рассматривать корабли, и улыбка, недавно появившаяся на его лице, исчезла.

– Смотрящий-на-море, – закричал Джорон, – позови Эйлерина. – Он наблюдал за двумя кораблями, пока не появился курсер и тихо доложил о своем прибытии.

– Вы меня звали, хран-пал?

– Да, Эйлерин, – ответил он. Одеяния курсера были такими же белыми, как корабли перед ними. – Здесь два корабля, – Джорон махнул рукой в их сторону. – Они нам показались, а теперь убегают, предлагая их преследовать.

– Это объясняет ужасный шум, – сказал курсер, голосом показывая, что шутит.

– Да, но они бегут навстречу ветру, – заметил Джорон.

– И это быстро утомит их ветрогонов.

– Так и будет. Они наверняка знают, что у нас есть свои ветрогоны, так что им следовало бы беречь говорящих-с-ветром, ведь они могли использовать для побега свежий ветер, дующий им навстречу.

– Именно так поступила бы разумная супруга корабля, – заметил курсер.

– Да, и я спрашиваю у тебя, почему они поступают иначе? – спросил Джорон.

– Пожалуй, я бы предположил, что они хотят увести нас куда-то в сторону? Или, наоборот, заманить в определенное место.

Джорон кивнул, сложил подзорную трубу и спрятал в карман куртки.

– Ты изучал карту этих вод? – спросил Джорон, который прекрасно знал, что Эйлерин фанатично сидел за картами. – Есть ли рядом место, от которого они могли бы хотеть нас увести или туда привести?

Эйлерин стоял, сложив руки перед собой, застыв в полнейшей неподвижности, как всегда, когда он о чем-то серьезно размышлял.

– Они направляются в сторону северных островов, низких и холодных. Не самое подходящее место для ловушки, – ответил курсер.

– А откуда они могли появиться? – спросил Джорон.

– Открытое море до самого горизонта.

– Любопытно, – сказал Джорон, прищурившись и вглядываясь вдаль; теперь он уже видел оба корабля без подзорной трубы.

– И еще одно, – заговорил курсер.

– Да?

– Пришли донесения о появлении небольших кейшанов. Не в этом направлении, но, если учесть быстроту их передвижения, можно предположить, что один из них где-то здесь. Возможно, они за ним охотятся? – предположил курсер.

– Ты думаешь, они уже поняли, как себя вести? – спросил Джорон.

– Да, наверное. Возможно, Слейтхьюм снова начал производить яд. Быть может, они улучшили хийл. – Джорон немного подумал о том, что видел в Слейтхьюме перед тем, как супруга корабля сдалась. Огромные котлы, в которых смешивалась плоть людей и ветрогонов в поисках рецепта для хийла, яда настолько сильного, что он позволял охотиться на кейшанов, но все предыдущие попытки закончились лишь тем, что женщины и мужчины отправлялись к Старухе. Он повысил голос.

– Я думаю, нам следует вернуться к прежнему курсу, – сказал Джорон, – посмотрим, как отреагируют наши друзья.

– Слушаюсь, хран-пал, – ответила Фарис, которая передала приказ Серьезному Муффазу, а тот – Барли, «Дитя приливов» начал поворачивать, крылья жалобно закричали, матчы хором подхватили их стоны, пока корабль возвращался на прежний курс.

Если Джорон и слышал вздохи и слова разочарования команды, которая настроилась на сражение, он не подал вида. Вместо этого он поднял подзорную трубу и продолжил наблюдать за кораблями противника, дожидаясь момента, когда они поймут, что он не намерен их преследовать. Время шло, Джорон продолжал притворяться, что не замечает сновавших взад и вперед женщин и мужчин, которые ослабляли одни веревки и натягивали другие, рассчитывая, что планы снова изменятся.

– Что ты думаешь, Фарис? – спросил он после того, как достаточно долго наблюдал за противником, и передал ей подзорную трубу.

Она взяла трубу, отыскала врага и принялась его разглядывать.

– Они хотят, чтобы их преследовали, хран-пал, часть их крыльев ослаблена, чтобы замедлить ход. Подожди, двухреберный потерял верхнюю часть такелажа. – Она передала Джорону подзорную трубу, и он снова принялся изучать вражеские корабли.

Он убедился, что малый корабль получил повреждение, верхняя часть главного ребра упала, а вместе с ним рухнуло белое крыло.

– Ну, теперь он припадает на крыло, как раненая кивелли, – проворчал Джорон.

– У них серьезные проблемы с такелажем, – заметила Фарис.

– Верно, – задумчиво проговорил Джорон, – если только все по-настоящему, но если бы я попытался изобразить фальшивое повреждение, то выбрал бы такой же способ. Это легко имитировать.

– Да, – согласилась Фарис. – Очевидно, они отчаянно хотят, чтобы мы за ними погнались.

– Теперь возникает вопрос: что такого интересного может быть на нашем прежнем курсе? – Джорон опустил подзорную трубу, сложил ее и убрал в куртку. – Слушайте внимательно, мои женщины и мужчины, мои девочки и мальчики, – громко крикнул он, и все головы повернулись в его сторону, работы на мгновение прекратились, а потом уверенные руки к ним вернулись, но взгляды были сосредоточены на Джороне. – Я не хочу, чтобы вы подумали, будто я лишил вас сражения, но эти корабли следовали за нами, и я пришел к выводу, что за горизонтом находится то, что они хотят помешать нам обнаружить. Вот почему мы постараемся узнать, что они намеревались от нас скрыть, верно?

– Да! – закричали в ответ дети палубы.

– «Дитя приливов» будет готов к войне, и если я настоящий командир, то знаю, что произойдет очень скоро. Два чужих корабля увидят, что мы не попались на их отвлекающий маневр, и начнут нас преследовать. – Люди на палубе «Дитя приливов» и на такелаже стали переглядываться и обмениваться улыбками, как и на нижних палубах и в трюме, куда передавали каждое слово Джорона.

Никто не сомневался в его правоте, Джорон Твайнер доказал, что он настоящий боевой супруг корабля, хотя любого, кто его так назовет, ждало суровое наказание; они знали, кто он и куда их ведет, и без раздумий следовали за ним, поскольку среди детей палубы флота Миас зародился слух, который постепенно превратился в неоспоримую истину для всех женщин и мужчин, летавших на этих кораблях. Они считали, что Джорон Твайнер являлся сыном Удачливой Миас. Все остальное просто не имело смысла. Разве сама Удачливая Миас, Дитя приливов, не была легендой? Той, что несла мир? Неуязвимая, непобежденная, и сейчас она лишь выбирала время, чтобы вернуться и повести их к славе. Все знали, что эти факты верны, как море, Старуха, Мать и Дева.

– Итак, – сказал Джорон, который знал, что о нем говорили, и понимал, как это далеко от истины, но не пытался прекратить слухи, – попомните мои слова, девочки и мальчики, женщины и мужчины, мы получим наше сражение. Очень скоро вражеские корабли начнут погоню за нами, возможно, на горизонте нас будут ждать другие. – Он подбежал к костяным перилам и взобрался на них. Одной рукой он держался за веревку, а другой поднял вверх прямой меч. – Точите курновы, готовьте ваши клинки, багры и дуголуки, нас ждет кровавый день. – Последовал шквал криков, радостная какофония команды, и самого Джорона наполнили такие же чувства.

Пока он не увидел Гаррийю: голова старой женщины появилась над люком, ведущим на нижние палубы, и над ним нависла темная туча.

«Мы никого не потеряли».

«Пока».

Он вздрогнул.

– А сейчас, – крикнул он, – возвращайтесь к работе. На моем корабле я не потерплю любителей повалиться на сланце! Ставим крылья, увеличиваем скорость!

Они принялись за работу, возбужденно обмениваясь репликами, готовые к сражению, а «Дитя приливов» мчался по волнам, сиявшим в свете Глаза Скирит, и все крылья наполнял ветер. Джорон снова поднял подзорную трубу и направил ее на корабли, которые постепенно уменьшались. Он улыбнулся, увидев доказательство своей правоты: двухреберный корабль возвращал на место якобы упавшую часть такелажа.

– Умно, – сказал он, – многие им бы поверили. – Потом он повернулся, убрал подзорную трубу и снова оглядел палубу «Дитя приливов», летевшего в будущее. – Наибольшая скорость, которую мы способны развить при таком ветре, – крикнул он. – Барли, держи прежнее направление, ведь именно оно им не понравилось. Наблюдатель! – крикнул Джорон. – Держи меня в курсе поведения этих кораблей. Я хочу знать, насколько активно они будут нас преследовать!

– Они уже начали разворачиваться, хранитель палубы, их крылья полны ветра!

И началась гонка, хотя и не настоящая. Джорон знал, что белым кораблям не удастся настигнуть «Дитя приливов», который летел под ветром, а если они начнут подстегивать ветрогонов, чтобы увеличить скорость, у Джорона имелись собственные говорящие-с-ветром, и их не требовалось подгонять. Они всё сделают с радостью, ведь ветрогоны называли его Зовущим и в его словах видели приближение времени Ветровидящего; и если они правы, это не сулило ничего хорошего. Но Джорон знал, что пророчества – штука ненадежная, ведь в одном из них упоминалась Миас, и где она теперь?

Да, где она сейчас на самом деле?

А «Дитя приливов» летел все дальше, рассекая воздух и воду с такой скоростью, что у тех, кто находился на палубе, перехватывало дыхание. И если в мире существовало что-то лучше, чем корабль под полными крыльями, Джорон об этом не знал. И то, что они летели к опасности, сейчас не имело значения. Ради таких мгновений жило каждое дитя палубы: только они, море и ветер и то, куда он их нес. Раздался крик, в котором прозвучал огромный смысл, одновременно

наполнив Джорона страхом. Что еще на Ста островах могло иметь такое огромное значение, что два корабля были готовы принести себя в жертву, чтобы отвлечь его?

– Кейшан на горизонте!

6

Причина

Страх и изумление. Невероятное удивление и ужас вызывали эти слова у каждой женщины и каждого мужчины на его корабле.

– Кейшан на горизонте!

Многие из них видели кейшанов, знали, какие их сопровождают величие и опасность и что эти существа способны с легкостью уничтожить такой корабль, как «Дитя приливов». Те члены команды, которым не довелось встречать кейшана, давно познакомились с рассказами о них, и теперь им казалось, будто они сами их видели. Как если бы чувствовали исходящий от них жар, слышали громкий плеск воды, когда те появлялись на поверхности, и жуткие песни, ударявшие в уши, точно молот.

И каждый знал, что они каким-то образом связаны с кейшанами через своего необычного Ветрогона, а некоторые верили, что и через супругу корабля, сумевшую вызвать одного из них из мертвой скалы острова, после чего кейшан атаковал врага, позволив «Дитя приливов» спастись.

Или они так думали.

И Джорон им позволял.

Если кто-то и помнил что-то другое, они об этом никогда не заговаривали со своим хранителем палубы.

Пока команда удивлялась, тревожилась и обсуждала происходящее, Джорон смотрел на мир через круглый глаз подзорной трубы. Сначала мимо клюва корабля в сторону горизонта, где, как сказал наблюдатель, их поджидал мощный кейшан, затем за корму. Позади и справа по борту он видел темный корпус двухреберного «Последнего света», черного, как «Дитя приливов», но меньше размером. Только два хребта и крылья в форме треугольника, а не квадрата, как у более крупных судов, и зоресветы над бортами указывали на то, что корабль принадлежал Ста островам и не являлся настоящим черным кораблем. Его построили для высокой скорости, быстрых ударов и отступления: у него на вооружении имелось двадцать малых дуголуков. Джорон снова навел подзорную трубу на два белых крыла костяных кораблей, которые быстро сокращали расстояние до «Дитя приливов».

– Они наказывают своих ветрогонов, чтобы догнать нас, – сказал Джорон.

– Позвать наших? – спросила Фарис.

– Нет, – ответил он, снова поворачиваясь к клюву. – Пусть они утомят своих ветрогонов, а наши будут оставаться свежими. Позаботься, чтобы Чивер на «Последнем свете» поступил так же.

– Слушаюсь, хранитель палубы, – сказала она и побежала, чтобы отдать приказы о сигналах для «Последнего света».

«Дитя приливов» продолжал лететь дальше, его клюв рассекал волны, посылая брызги во все стороны. В подзорную трубу Джорон, наконец, увидел кейшана и огромный спинной плавник, почти такой же длинный, как корабль, который его преследовал. Джорон ждал, когда его охватят волнение, потрясение и благоговение перед невероятным существом. Однако ничего не происходило.

Где жар?

Радость?

Песня в сердце?

Величие?

Ощущение ошеломляющего присутствия?

Где-то глубоко внутри он ощутил темноту. И понял правду.

– Он мертв, – тихо сказал Джорон.

– Хран-пал?

Джорон сосредоточился на звере, увидел брюхо, огромное, как остров, со множеством белых перьев – и наконец разглядел в несовершенной линзе брызги крови. Она окружала кейшана – черная пленка с множеством самоцветов. Он попытался понять, являлось ли это свойством крови кейшана? И самоцветы находились внутри его тела?

Присмотревшись, Джорон увидел цепочку ран, располосовавших зверя.

Какое оружие могло их нанести? Какую огромную машину построили люди, чтобы оставить серию отверстий на теле столь могучего, неудержимого существа, как кейшан, император морей?

Никто из женщин и мужчин со Ста островов не был способен на такое.

Как и ни одна женщина или мужчина с Суровых островов, ведь раны имели длинную и узкую форму клюва.

Следы укусов?

Схватка кейшанов?

Должно быть, все произошло именно так. Из-за чего, он знать не мог. Территория? Или самка? Какая-то жуткая подводная вражда? Разве человеку дано понять кейшанов? На самом деле этого никто не может. Даже он сам, хотя у него, каким-то непостижимым образом, появилась с ними связь. Но и насилие его не удивило. Разве могло быть иначе? Он видел, как они ломали корабли, как открывали пасти, демонстрируя пещеры с огромными зубами. Он, не подумав, решил, что они просто охотятся. И даже представить не мог, чтобы они между собой сражались.

– Он мертв?

Джорон повернулся и увидел Фарис, смотревшую на воду. Она выглядела потрясенной.

– Да, похоже на то, – ответил он. – Стоит ли удивляться, что они хотят, чтобы мы исчезли, ведь только в этом кейшане хватит костей, чтобы Сто островов воевали целое поколение, а, если учесть урон, который мы им нанесли, они очень сильно нуждаются в его костях.

– И что мы будем делать? – спросила она.

– Сражаться, Фарис, у нас нет другого выбора.

– Корабль на горизонте! – раздался крик с верхушки мачты.

– Расскажи нам о корабле, наблюдатель, – громко приказал Джорон, надеясь, что это окажется кто-то из союзников – возможно, Брекир, по какой-то причине повернувшая обратно.

– Костяной корабль, хранитель палубы, идет с востока, я полагаю.

– Четырехреберный и двухреберный против нас, – сказал Джорон. – Он усмехнулся под маской, а Фарис, умевшая читать по его глазам, улыбнулась в ответ.

– Как по мне, так это нечестно по отношению к ним, – заявила она.

– Дженнил, – позвал Джорон, – пусть морская гвардия полностью вооружится и половина из них займет места на мачтах с арбалетами. Остальные на нижней палубе пусть приготовятся к абордажу. Серьезный Муффаз! Приготовь мой корабль к войне! И я хочу...

Прежде чем он успел закончить фразу, на палубу выскочил Ветрогон – стремительное разноцветное пятно в облаке одеяний и грохота.

– Остановить корабль! Остановить корабль! – заверещал он в полную мощь своего совсем не слабого голоса.

За ним появился Мадорра.

– Слушайте! Слушайте! – кричал лишенный ветра.

– Что ты имеешь в виду, Ветрогон? – взревел в ответ Джорон своим лучшим штормовым голосом. – Существо мертво, опасности нет.

– Мертв! Мертв! – закричал Ветрогон и помчался к клюву корабля, чтобы посмотреть в море на быстро поднимающийся на поверхность труп. – Опасность! Большая опасность!

– Какая опасность? – спросил Джорон, когда Ветрогон повернулся и побежал обратно по палубе.

– Яд! Яд!

– Хийл-болты, – сказал Джорон, – они наконец сумели их сделать?

Ветрогон заверещал на него, открыв клюв так широко, что стала видна пещера рта.

– Яд! Яд! Море полно яда!

– Они не ядовиты, успокойся. Я читал книги, Ветрогон, да, смерть никогда не бывает приятной, в особенности если речь идет о таком громадном существе.

– Нет! – закричал Ветрогон, и все его тело задрожало. – Глупый человек. Глупый.

– Ветрогон, я...

– Глупый! Кейшан мертв. Кейшан мертв. Мертвый кейшан плохо. Яд!

– Ветрогон, – проговорил Джорон, наклонив к нему голову. – Говори медленнее, пожалуйста, я не понимаю.

– Огонь в сердце. Сердце разорвется, огонь вырвется.

– Но здесь нет огня, Ветрогон, – сказала Фарис.

Ветрогон медленно повернулся к ней, сначала голова, потом шея, все тело. Маска, прятанная глаза, смотрела на Фарис.

– Глупый человек. Не видеть огонь. Ядовитый огонь.

Все столпившиеся вокруг Ветрогона женщины и мужчины «Дитя приливов» улыбались и фыркали, глядя на такое неповиновение, – впрочем, они уже успели привыкнуть к странному поведению своего Ветрогона, наделенного диковинными страстями, а, с другой стороны, чего ждать от столь необычного существа? И тут вперед выступил Серьезный Муффаз.

– Моя мать часто повторяла: «Раньше разорвется сердце кейшана», когда давала нерушимое слово, – сказал он.

– Я тоже слышал эти слова, – сказал Джорон, – возможно, и сам их когда-то произносил, но...

– Среди мастеров-костей, – вмешалась Колвульф, выступив вперед. Она говорила тихо, все еще не зная, какое место занимала на корабле. – Хорошо известно, что фленсеры никогда не позволяют сердцу оставаться рядом с городом.

– Да, – сказала Квелл из-за его спины, – а те, кто появляются на свет рядом с тем местом, где закапывают сердце, редко рождаются здоровыми и не живут долго.

И пока каждый говорил, голова Ветрогона в маске поворачивалась от них к Джорону.

– Слушай! – пронзительно закричал он. – Глупый мужчина корабля!

Джорон уже собрался объяснить, что это самое обычное ложное суеверие. И они не могут просто в него поверить и допустить, чтобы кости попали к Ста островам. Тем самым пойдет прахом работа по ослаблению их флота, и надежда вернуть Миас станет совсем слабой. А война за мир после ее возвращения будет еще более трудной.

Но тут его внимание привлекло что-то черное, странное и лишенное костей, которое двигалось по огромному труп. Джорон снова поднял подзорную трубу. И его пробрала дрожь. Тунир с черной спиной, машина смерти на трех ногах – лишь немногие животные вызывали больший страх. Однако существо двигалось совсем не так, как туниры, которых Джорон видел прежде, оно ползло по телу с невероятным трудом. Затем тунир зашатался, споткнулся на резиновых ногах, соскользнул по гладкому боку кейшана, как водоросль из ведра, и с плеском рухнул в воду. И, пока Джорон смотрел, он понял, почему все выглядело неправильным? Где скииры? Все, что умирало в океане, привлекало птиц-падальщиков, однако возле самого крупного трупа во всем архипелаге не летало ни одного скиира.

«Дитя приливов» на полной скорости несли к телу, поднимая все крылья, а его командующий размышлял о том, почему рядом нет скииров.

Неужели он действительно так глуп?

Над трупом он заметил какую-то дымку, подобно пелене жара в летний день. Но воздух оставался холодным.

Джорон опустил подзорную трубу.

В воде было полно самоцветов.

Нет.

Рыб.

Мертвых.

И среди них он увидел скииров, точнее тела. Их привлекла добыча. И убило что-то невидимое.

– Резкий поворот на правый борт! – крикнул он и побежал к поручням на корме. – Резкий поворот на правый борт! – теперь он кричал меньшему кораблю, который следовал за ними.

Когда «Дитя приливов» качнулся и море бросилось им навстречу, ядовитый круг оказался значительно ближе.

– Держитесь! Держитесь! – кричал Джорон.

«Дитя приливов» продолжал невероятно крутой поворот для такого крупного корабля. Круг смерти приближался, Джорон слышал, как верещал Ветрогон:

– Яд! Яд!

Палуба накренилась так сильно, что Джорону пришлось ухватиться за одну из веревок, и в результате он оказался рядом с Ветрогоном.

– Как далеко растекся яд? – спросил Джорон.

– Не далеко? – Корабль содрогался и трещал. – Далеко? Не знать! Не знать! – Круг смертельной воды приближался.

– Как долго яд остается в воде? – спросил Джорон.

– Долго и долго. Много жизней. – Корабль содрогался и трещал, круг смертельной воды оставался очень близко.

– Как быстро она убивает?

– Недели, часы, год. Всегда разное.

Джорон смотрел на разноцветную маску Ветрогона и слышал радостный крик детей палубы, когда корабль начал выпрямляться, уходя в сторону от ядовитой воды, а гигантское тело кейшана осталось слева от «Дитя приливов».

В крайней точке поворота, когда «Дитя приливов» почти прикоснулся к краю отравленной воды, Джорон наконец почувствовал жар, который обычно испускали большие животные, однако сейчас все происходило иначе. Если прежде это было тепло, подобное лучам Глаза Скирит на лице, сейчас оно стало обжигающим, точно ветер после удара «слюной старухи», всепоглощающий жар, отчего огненной болью отозвались язвы у него на лице.

Яд зверя не имел ничего общего с сочившимся из тела ихором, отравлявшим воду вокруг, нет, воздух наполнила какая-то неизвестная субстанция, которую источало тело кейшана, убивая все, что оказывалось рядом, – под водой или над ней. Джорон мысленно поблагодарил Ветрогона за предупреждение, в противном случае они влетели бы прямо в ядовитый круг и все на борту погибли бы. Сейчас это было для Джорона столь же очевидно, как сланец у него под ногами.

– Барли! – крикнул он. – Разверни нас так, чтобы мы оказались рядом с «Последним светом». Опустите крылья, сбросьте скорость. – Он через борт посмотрел на корабли Ста островов, которые все еще находились довольно далеко. Его разум настолько привык измерять время, расстояние и ветер, что он уже перестал замечать усилия, которые для этого требовались, как не задумывался о других вещах, ставших для него естественными: дыхание, боль, болезнь и утраты. По меньшей мере четыре оборота песочных часов, даже если им будут помогать ветрогоны. – Ну-ка! Серьезный Муффаз! Остановите корабль!

– Полный стоп! – закричал великан, стоявший перед главной мачтой. – Бросить стоп-камень. – За борт полетела мешанина веревок и ткани из вариска, которая будет держать корабль на месте рядом с «Последним светом».

Джорон подошел к поручням.

– Эй, на «Последнем свете»!

– Эй, на «Дитя приливов»! – последовал ответ супруга корабля Чивера, высокого мужчины, который заплетал волосы в толстую косу, спадавшую на спину, и носил узкие облегающие штаны и кожаные ремни Избранника. Он был столь же бледным, сколь Джорон смуглым. Его лицо покрывали многочисленные шрамы, которые он получил, сражаясь под командованием Джорона. – Складывается впечатление, что мы нашли замечательный приз.

– Да, но этот приз полон яда, супруг корабля, – прокричал в ответ Джорон. – Посмотри на воду вокруг него, он приносит только смерть.

– И каков твой план, хранитель палубы? – И как только он произнес его звание, память отбросила Джорона к тем дням, когда он только его получил, но никто его не уважал и не считал достойным.

– В воде находится огромная куча костей, супруг корабля, – сказал он. – Я планирую преподнести щедрый дар тем кораблям.

– Если ты ошибся относительно яда, это будет очень дорого стоить. – Чивер даже не пытался скрыть презрение.

– Ты можешь подвести свой корабль ближе, Чивер, если хочешь, – сказал Джорон.

Все на борту «Последнего света» замерли. Команда смотрела на супруга корабля, а тот не отводил взгляда от круга темной воды, полной мертвых существ. Затем он повернулся к Джорону.

– Им покажется странным, если Черный Пират просто убежит, хранитель палубы, – крикнул он через воду.

– Да, так и будет. Поэтому мы должны пустить немного крови. – На покрытом шрамами лице Чивера появилась улыбка. – Но, боюсь, это следует сделать не тебе, супруг корабля. Если у них появится время на размышления, они смогут связать мертвую землю вокруг закопанного сердца и яд возле тела кейшана. Они не должны думать. Я хочу, чтобы они взяли кейшана на буксир, и, если они доставят его в Бернсхьюмхьюм, это может уничтожить весь их флот.

– Значит, таков твой план?

– Я хочу, чтобы ты обратился в бегство, словно полетел за подкреплением. Сегодня у тебя не появится новых шрамов.

– Я не стану делать вид, что не разочарован, хранитель палубы, – крикнул он в ответ – но, если мы просто побежим, они что-то заподозрят: бегство не соответствует репутации Черного Пирата. Для него естественно сражаться, а не бежать.

– Да, – крикнул в ответ Джорон. – «Дитя приливов» начнет сражение, но затем отступит. Они решат, что сначала мы переоценили свои силы, а потом передумали. Но твое бегство встревожит их гораздо больше: они посчитают, что сюда придут другие наши корабли. Я сожалею, что ты не сможешь участвовать в сражении, Чивер.

Чивер усмехнулся и помахал пальцем в воздухе.

– Ну, Старуха знает черные корабли, несомненно, она подарит мне новые шрамы в другой день. Удачного полета.

– И тебе, супруг корабля Чивер. – Джорон отвернулся, чтобы приказать команде поднять все крылья.

Он наблюдал за неизменно восхищавшим его зрелищем, когда зазубренный корпус костяного корабля оживает, раздуваются крылья, их наполняет ветер, шорох веревок, которые тянут женщины и мужчины, медленные, почти незаметные первые движения, крылья ловят ветер, и корабль обретает стремительность. Затем летит быстрее, возникает ощущение, будто

его невозможно остановить, а скорость кажется беспредельной, – Джорон знал, что будет с радостью следить за этим процессом, пока «Последний свет» не исчезнет на горизонте и его пенный след скроет бесконечное море. Может быть, когда-нибудь он поступит именно так, сидя на берегу и наблюдая уход и возвращение костяных кораблей.

Но сейчас у него была другая жизнь, он отвернулся от «Последнего света» к своему кораблю и увидел, что команда ждет его приказа, точно длинноцеп, уловив запах крови, нетерпеливая и готовая к действию.

– Поднять главный парус! Привести в боевую готовность дуголуки! Приготовиться к сражению, боли и смерти! – Он прошел вдоль команды. – Но пусть инициатива будет исходить от нас, пусть Старуха услышит мой голос и узнает, что мы сражаемся не просто так, а за черные корабли, Старуху и Удачливую Миас!

– За Удачливую Миас! – закричала в ответ команда.

Крылья взлетели вверх, и «Дитя приливов» начал движение, а два костяных корабля, белых, как страх, стремительно приближались.

7

Кровь на воде

«Дитя приливов» поймал ветер. Корабль рассекал воду, звучала его музыка, ритмичное шипение клюва, разбивавшего волны, которое направляло песню команды, натягивавшей веревки, напряженные крылья и такелаж. Два белых корабля увеличивались в размерах.

Над ними сияли зоресветы. Они были еще слишком далеко, чтобы определить их цвет.

Джорон знал, что супруги кораблей, в свою очередь, наблюдают за ним. Они стояли на корме, между офицерами. Смотрели на палубу, команды дуголуков присели на корточки возле оружия. Рядом были сложены болты. Ветрогоны собрались возле главной мачты. Палубу посыпали песком, чтобы он впитывал кровь. Вербки и сети натянули сквозь такелаж так, чтобы ловить падающий рангоут и крылья. На палубы подняли стойки с оружием.

Корабли войны.

Осталось совсем немного.

Издали к ним приближался третий вражеский корабль, «Последний свет» продолжал бегство, хотя Джорон уже перестал принимать в расчет корабль Чивера. У него был план, и третий корабль являлся его частью, хотя Джорон не собирался с ним сражаться и он не сыграет роли в его нынешних расчетах для предстоящей битвы, если только что-то пойдет совсем не так, как надо.

– Моя команда! Мои гордые женщины и мужчины, мои черные пираты! – В ответ последовал радостный клич. – Пришло время крови, но мы устроим неожиданный фокус. Тот урон, который они смогут нанести нам, им самим предстоит получить тысячекратно, ведь оставленный за нашей спиной кейшан – это яд, смерть для всех, кто осмелится к нему приблизиться. Если умная супруга корабля посмотрит на воду внимательно, она это заметит, как заметили мы, верно?

– Да! – Команда стала обмениваться улыбками и кивками, Джорон никогда не называл себя супругом корабля, но хранитель палубы был умен, и разве могло быть иначе, если он сын Удачливой Миас?

– Вот почему мы продадим им наш обман; сначала мы вступим в схватку, она будет короткой, но такой, чтобы поверили, будто мы испугались третьего корабля. Они решат, что мы рассчитываем вернуться и привести помощь. Поэтому они поспешат взять кейшана на буксир. Но у них нет верных ветрогонов, которые предупредили бы об опасности! Я скажу вам, что Старуха может забрать кого-то из нас, она пожелает взять плату кровью, а мы мало что получим взамен, потому что я не хочу, чтобы белые корабли были уничтожены или повреждены. Они должны оставаться достаточно сильными, чтобы получить мой маленький дар, возможно, они даже доставят его в Бернсхьюмхьюм и отравят там воду. Так что будьте сильными! Будьте стойкими! Мы станем сражаться за Удачливую Миас.

И в ответ раздался клич, сильный и гордый.

– За Удачливую Миас!

– Ветрогон! – позвал он. Перед ним, на палубе, разноцветная фигура гордо стояла в кругу других ветрогонов в белых одеяниях. Украшенная перьями маска повернулась к Джорону. – Ты готов дать нам ветер, Ветрогон?

Ветрогон открыл хищный клюв, обратил его к небу, поднял когти-крылья и закричал – Джорон почувствовал знакомую боль в ушах, и волна жара пробежала по палубе, меняя погоду. Над кораблем появились тучи, сначала белые, но они быстро темнели, казалось, будто крик Ветрогона никогда не смолкнет, словно он летел по воде, и Джорон представил, как его слышат команды приближавшихся кораблей, пытаясь понять, что он может означать и откуда возник такой шум. Они видели тучи, собиравшиеся вокруг «Дитя приливов», Джорон знал,

что они испытывали страх. *«Храбрые дети палубы, – подумал он, – они продолжают лететь вперед. Храбрые офицеры, готовые сойтись лицом к лицу с Черным Пиратом, несмотря на оглушительный грохот и тучи, несмотря на его пугающую репутацию».*

Послышался треск молнии, корабль окружили белые линии. Раскаты грома.

– Держи курс на них, Ветрогон! – крикнул Джорон. – Я не хочу, чтобы они успели сбежать, объятые ужасом.

– Морской призрак, – закричал Ветрогон. – В воздухе. Он полон гнева.

– Тогда успокой его, Ветрогон! – крикнул Джорон. – Мы хотим устроить хорошую схватку и сбежать, а не разбросать вражеские корабли в разные стороны.

– Глупо, можно уничтожить плохих людей, – пробормотал Ветрогон скорее для самого себя. Собравшиеся в круг говорящие-с-ветром принялись кивать, за исключением Мадорры, который зашипел на Джорона, когда шторм начал успокаиваться, тучи побледнели, а ветер стал почти управляемым.

Два корабля приближались, и Джорон Твайнер, супруг корабля во всем, кроме имени, улыбнулся собственным мыслям.

– Открыть бойницы луков. Команды дуголуков, мы будем сражаться обоими бортами! – Он услышал стук костей по костям, бойницы на нижних палубах открывались. Оба вражеских корабля быстро приближались. Двухреберный представлял меньшую опасность, у него на палубе имелось всего десять малых луков, к тому же «Дитя приливов» был намного выше. Двухреберник не мог накрыть палубу камнями или стрелять в команды дуголуков. Все выпущенные им болты полетят в корпус «Дитя приливов», и Джорон не сомневался, что он их выдержит.

– Дуголуки привести в боевую готовность! – Голос Фарис легко прорвался сквозь песню ветра.

Лукоселл Гавит кивнул, и команды принялись за работу, заряжая тяжелые луки, готовя их к кровавой работе.

Четырехреберный корабль являлся серьезной проблемой: он не был таким же большим, как «Дитя приливов», и едва ли сумел бы за один проход нанести урон, чтобы остановить корабль Джорона, – однако всегда оставался шанс на удачный выстрел, падение одной из мачт, повреждение руля – тогда абордаж становился неизбежным и начиналась действительно кровавая работа.

Впрочем, она будет такой в любом случае.

Один проход – четыре больших дуголука, скорее всего заряженных камнями, и десять малых луков будут стрелять по нижним палубам. Он это предвидел, сланец, политый кровью в голубом сиянии зоресветов, так что светло-голубой становился темным пурпуром. Крики. Агония. Бесконечная пена от длинноцепов за бортом, как только в воду полетят тела, и он снова увидел перед собой давний момент, который его не покидал: *отец, раздавленный между двумя корпусами.*

Джорон почувствовал, что у него дрожат руки. Не страх, еще нет. Или страх, но он настолько к нему привык, что уже больше не замечал, воспринимал лишь как возбуждение, гнев, горячую ярость, веру в то, что он все делает правильно. Внутри, где когда-то он обитал, а потом ненависть, осталась лишь пустота. Он действительно испытывал страх обычно из-за того, что кто-то мог увидеть эту пустоту или отсутствие направления и цели, симптом болезни, разъедающей разум. Ему отчаянно требовалось вернуть Миас.

Спрятать дрожавшие руки за спиной. Расправить плечи.

Подготовить команду.

– Сегодня, – закричал он, не обращая внимания на приближавшиеся корабли, не думая о вреде, который мог причинить ему болт, – мои женщины и мужчины, мои верные девочки и мальчики, мы проведем быстрое сражение. Мы пройдем мимо кораблей противника и не будем

возвращаться. Устроим хороший спектакль, нанесем им урон, но не слишком большой. Мы хотим, чтобы они решили, будто заработали свой приз! – Он бросил взгляд вперед, вражеские корабли находились уже совсем близко.

Его разум продолжал считать песчинки в часах перед тем, как он отдаст команду.

Корабли росли.

Вода ревела.

Корабли росли.

Такелаж пел.

Корабли росли.

– Натянуть луки! – крикнул он, и Гавит повторил его приказ, а за ним – эхом – лукоселлы.

На палубе шла яростная работа, женщины и мужчины натягивали дуголуки. Затем раздались крики:

– Готовы!

– Готовы!

– Готовы!

По всей палубе запела могучая тетива.

– Зарядить луки! – Болты заняли свои места.

Корабли росли.

Вода ревела.

Такелаж пел.

Впереди Джорон видел черепа кейшанов – много меньше, чем у существ, которых ему довелось встречать. На секунду он задумался о том, каково это было во времена великих костяных кораблей, команды которых насчитывали тысячи детей палубы. Они могли опустошить целый Бернхьюмхьюм.

Ради чего?

– Мы не отправимся сегодня к Старухе! – крикнул Джорон. – Мы не услышим ее зов! – Ему ответил оглушительный рев с палубы.

Корабли росли.

Стон войны оглушал.

Голос «Дитя приливов», жаждущего крови.

– Стреляйте по готовности!

В водоворот.

В бурю выстрелов.

Луки с обоих бортов произвели выстрелы. Двухреберный корабль целился вверх, рассчитывая повредить такелаж «Дитя приливов», болты пробивали крылья, отскакивали от такелажа и мачт, но были недостаточно сильными, чтобы причинить серьезный вред.

Четырехреберник выпустил залп по палубе, сметая команду. Джорон увидел, как Челвин оторвало ноги, Хотсон лишился головы в розовом фонтане крови. Прямо у него на глазах погиб Китгон, его руки, ноги и голова мгновение висели в воздухе, а потом исчезли. Осколки костей разлетались в разные стороны от поручней и корпуса, пронзали, резали и ранили. Кровь, точно буря, металась по палубе в сопровождении криков и насильственной смерти. И все это время то, что не было страхом и не было ненавистью, росло у него внутри. Болт прошел круг ветрогонов, убив двоих говорящих-с-ветром, одетых в белое, но остальные не дрогнули, ветер не слабел, корабль продолжал двигаться, и темная пустота внутри у Джорона продолжала расти, пока они не прошли сквозь шторм.

Приказ уже был готов сорваться с губ Джорона. *Развернуть корабль*. Так легко это сказать – Ветрогон, его друг, умел управлять ветром, как никто другой. Месть за боль, которую он сейчас испытал, была такой близкой... Развернуть корабль. Выпустить болты, снаряженные «слюной старухи». И наблюдать, как враги умирают в огне.

– Мы в открытой воде, хранитель палубы!

Глубокий вдох. Кровь на палубах. Тела по правому борту и по левому. Корабли у них за спиной в полном порядке, над ними лишь поднялись небольшие облака костяной пыли. Глотая воздух так, словно он пытался наполнить пустоту у себя внутри, Джорон вдруг понял, что задержал дыхание.

– Полные крылья! Ветрогон, дай мне больше ветра, мы улетаем. – Он шагнул вперед. – Фарис, я хочу знать, какую цену мы заплатили Старухе.

– Да, хран-пал, – ответила она и повернулась, чтобы передать приказ Серьезному Муффазу, который тут же бросился его выполнять, хотя Фарис была почти вдвое его моложе и обладала втрое меньшим опытом, он всему ее научил и гордился женщиной, которой она стала.

Очень скоро с палубы убрали мертвецов, а раненых унесли вниз, к Гаррийе.

– Хран-пал? Хран-пал! – Он обернулся и увидел Гавита, который держал в руках тряпку.

– Да, Гавит?

– Для вашего лица, хранитель палубы.

– Моего лица?

– Кровь.

Джорон поднял руку, коснулся щеки над шарфом, обнаружил влагу, кровь сочилась из большой царапины под глазом, он понял, что ее придется зашивать и на его темной коже появится еще один шрам. Он взял тряпицу из рук Гавита.

– Спасибо, – сказал Джорон.

– Вам следует сходить к Гаррийе, чтобы она зашила рану.

Он услышал крик, на руки подняли мужчину – *Чарифф*, подумал Джорон, *хороший дитя палубы*, у него была сломана нога и наружу торчала белая кость.

– Сейчас другие нуждаются в ее внимании больше, чем я, Гавит. – Юноша кивнул.

– Да, хран-палубы, – сказал он и посмотрел на Фарис со смущенной улыбкой, которую она проигнорировала.

К ним подошел Серьезный Муффаз, на лице которого засыхала полоска крови.

– Хран-пал, – сказал он неизменно звучным и серьезным голосом.

– Какие новости от Старухи? – спросил Джорон.

– Ничего хорошего, хранитель палубы. Двенадцать человек погибло от выстрелов, четверо умрут от ран, судьба троих еще не определилась, но даже в лучшем случае они будут плохими детьми палубы: каждый лишится руки или ноги. – Он помолчал, глядя на костяную ногу Джорона. – Впрочем, можно научиться обходиться без многого, не так ли?

– Все так, мать палубы, – ответил Джорон. – Я опасался, что будет хуже.

– Так и есть, – сказал Серьезный Муффаз.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Джорон.

Серьезный Муффаз пожал плечами.

– Колвульф, мастер костей, сказала, что в главную мачту попал болт. – Джорон тут же испытал холодное потрясение и посмотрел на палубу, посреди которой возвышалась башня с крыльями – центральная мачта корабля. – Колвульф говорит, что какое-то время она простоит, но нам следует соблюдать осторожность. – Когда Серьезный Муффаз смолк, Колвульф, маленькая худая женщина с несколькими повязками, появилась на палубе вместе с тремя детьми палубы, тащившими куски рангоута из усиленного вариска.

– Что случилось, Колвульф? – спросил Джорон, подходя к ней в сопровождении матери палубы. – Мой корабль болен?

Женщина остановилась и указала своим помощникам на мачту.

– Вне всякого сомнения, в особенности если ты желаешь оказаться под обстрелом луков противника, и кто сможет все исправить теперь, когда бедный, дорогой старина Коксвард

отправился к Старухе? Колвульф, да. Колвульф может. – Она отвернулась и сплюнула на палубу, и Джорон с трудом сдержал раздражение.

Мастера костей всегда были немного странными, пораженными гнилью, в точности как он сам, а Миас говорила ему, чтобы он не обижал хороших, к тому же Колвульф обучал сам Коксвард.

– И в чем заключается его болезнь, Колвульф? Мне следует убрать крылья? – Она резко втянула в себя воздух сквозь оставшиеся зубы.

– Если бы я так думала, то не стала бы приносить скрепы. Удар получился скользящим, кусок кости вырван, но ребро сохранилось. Я пошлю туда моих мужчин и женщин, и они завяжут вокруг него вариск. И оставляю там старину Клиффа, чтобы он следил, не появятся ли трещины.

– Хорошо, а теперь...

– Пока мы тут ведем беседу, хран-пал, ребро слабеет, так что отдавай необходимые приказы, а я займусь своей работой, ладно?

Джорон кивнул, он внезапно почувствовал, что перестал командовать «Дитя приливов», совсем как в те дни, когда впервые ступил на его палубу.

– Тогда вперед, Колвульф, – сказал он и повернулся к Серьезному Муффазу: – Я хочу кое о чем с тобой поговорить наедине, мать палубы. – И он отошел с ним к поручням.

– Чем я могу помочь, хран-пал? – спросил мать палубы.

– Фарис, – сказал Джорон, – и Гавит.

Серьезный Муффаз кивнул.

– Я заметил.

– Закон Дарнов, Серьезный Муффаз, строг в подобных вещах. На военном корабле не должны рождаться дети. – Джорон смотрел в открытое море. – Я лишь хранитель палубы, Муффаз, – продолжал Джорон. – Если я нарушу закон Избранников для собственной команды, многие из моего флота воспользуются этим против меня, и их поддержат. – Он повернулся и посмотрел на Серьезного Муффаз. – Я не хочу, чтобы Фарис забеременела, ведь тогда их обоих придется приговорить к смерти. Этого я не вынесу.

– Я поговорю с ними, хранитель палубы, – пообещал Муффаз так тихо, что Джорон едва его расслышал.

– Благодарю, – проговорил Джорон, – подобный приказ вызовет меньше раздражения, если он придет от друга, а не от командира.

Серьезный Муффаз кивнул, отвернулся и отправился организовывать работы по очистке палубы «Дитя приливов».

На мгновение Джорон подумал, что допустил ошибку, переложив на плечи другого дело, которое не хотел выполнять сам. Но решение уже было принято, поэтому он достал подзорную трубу и посмотрел назад. Два корабля, с которыми они сражались, подняли все паруса и мчались к аракесиану и тому, что их там поджидало. Он позволил себе скупое улыбнуться, представив, как они радуются и называют его сбежавшим трусом. Затем более крупный корабль слегка ушел в сторону, и Джорон увидел третий – тот, что он раньше заметил на горизонте, слишком большой, чтобы принадлежать его флоту. Корабль также шел, подняв все крылья, превратившись в белую трепещущую башню с шестью голубыми зоресветами, которые над ним сияли. Но он направлялся не к трупке кейшана, корабль преследовал «Дитя приливов». На глазах у Джорона с верхней мачты в воздух взмыла стрела. Она поднималась все выше и выше, пламя горело ярко, а когда достигла наивысшей точки, внезапно превратилась в грязное черное пятно на фоне синего-синего неба.

– Сигнал, – сказал Джорон самому себе.

– Возможно, они пытаются нас обмануть, хранитель палубы, – сказала Фарис, подходя к нему, – чтобы отпугнуть от кейшана?

– Вполне возможно, Фарис, – ответил он, заставив себя отбросить мысли о последнем разговоре с Серьезным Муффазом, – но мы не можем отнестись к этому легкомысленно. Нам следует предположить, что они ждали сигнала и теперь присоединятся к третьему кораблю.

– Значит, погоня? – спросила Фарис.

– Да, погоня, а если учесть слабость нашей главной мачты, мы должны использовать хитрость. Позови Эйлерина, пусть приготовит стол в большой каюте. Наши преследователи будут знать, что мы направляемся назад, к Суровым островам, и я не намерен лететь прямо в их ловушку. Нужно попробовать их перехитрить.

– Если они будут продолжать нас преследовать, – заметила Фарис.

– Да, *если*, но никто еще не умер от излишней осторожности, как часто повторяет супруга корабля.

– Это правда, – ответила она, повернулась и направилась вниз, призывая курсера.

8

Хорошо продуманный план

Столик для карт Эйлера представлял собой две широкие доски из вариска. Его сделали курсер и Меванс, используя вещи, которые нашли на «Дитя приливов»: старую одежду, тряпки, сломанные кости и булавки – пока не получилась эклектичная куча предметов, выглядевших такими же бесполезными, как коллекция, собранная Ветрогоном в своей каюте-гнезде. Затем они принялись за работу, выставляя на ней Сто островов, стараясь добиться максимально близкого сходства, насколько такое вообще было возможно, – получилось нечто, как неизменно отмечал Эйлерин, «имевшее множество ошибок». Тем не менее Джорон считал его поразительным и сейчас стоял посреди просторной каюты и смотрел на свой мир, Сто островов и Суровые острова, рассеченные черной линией, изображавшей Хребет Скирит.

«Я построил Хребет так, чтобы он не заслонял всю остальную карту, к тому же потребовалось бы слишком много материалов, но я мог...» Джорон прогнал эхо голоса курсера, пока его мысли скользили по карте и островам, туда, где умирал джион, и в те места, где он рос, и дальше, вдоль капризных ветров Северного Шторма, мчавшихся в сторону Восточного Шторма, откуда их несло к Западному, и наконец снова, мягко дрейфуя, на Южный Шторм, в вечном круговороте воздушных течений, проходивших мимо стен облаков, которые окружали известный ему мир.

И на миг он подумал о невозможном, о чем никогда не говорили, о вечном вопросе, который никто никогда не задавал. Каждый дитя палубы знал кого-то, кто утверждал, будто он сумел пройти сквозь них и добраться до легендарных привольных земель. Но каждый дитя палубы знал, что они лжецы, – ведь полосу штормов нельзя преодолеть. Они разрывали на части любые приближавшиеся к ним корабли, даже их границы были настолько опасными, что с легкостью превращали в лохмотья крылья кораблей. Нет, те, кто говорили о проходе, являлись врунами и глупцами, ведь миновать их, как любые стены, не мог никто.

– Хранитель палубы, – сказал Эйлерин, – приношу вам извинения из-за карты, но...

– Она поразительна, Эйлерин, здесь не нужны извинения.

– Но я мог... – Джорон увидел, как Меванс шагнул вперед, мягко коснулся руки курсера, улыбнулся, и курсер, чье лицо пряталось в капюшоне, кивнул и отступил назад.

Когда-то молчаливый курсер после мятежа стал весьма словоохотливым и превратился в полноправного члена команды офицеров «Дитя приливов», хотя Джорон никак не мог избавиться от ощущения, что Эйлерин всякий раз смущался, когда к нему обращались.

– Нас преследует костяной корабль, – сказал Джорон. – Нам необходимо избежать столкновения.

– Как не похоже на тебя отказываться от схватки, – заявил Меванс, – уже во второй раз за сегодняшний день. – Джорон переглянулся с Мевансом в ответ на его осторожную шутку.

– О, я держусь изо всех сил, чтобы не развернуть корабль и разбить нос нашему преследователю, но недавно мы получили серьезный удар, к тому же ко дну «Дитя приливов» пристало много водорослей. Нам нужно килевать корабль и очистить дно, если мы хотим обрести скорость и маневренность.

– Мы всё еще можем с ними покончить, – сказал Серьезный Муффаз. Могучий мужчина говорил тихо, проскользнув в дверь каюты. – На воде нет ничего, что бы «Дитя приливов» не мог отправить на дно, как бы плохо наш корабль себя ни чувствовал и как бы сильно его ни вело в сторону.

– Значит, ты также заметил, – ответил Джорон. – Я боюсь, что-то ударило в румпель под водой. Я благодарен тебе за веру в «Дитя приливов», Серьезный Муффаз, но сейчас не время для сражения, я уже принял решение.

– Я слышал, хран-пал, и то, что ты сказал, будет сделано, ведь ты, несомненно, выбрал правильный курс. – Джорон улыбнулся под маской; его тронула простая вера в него сильных женщин и мужчин.

Но что-то темное в нем призывало к крови, казалось, еще немного, и он отдаст приказ развернуть корабль и атаковать тех, кто забрал его супругу корабля, чтобы убивать их и отомстить за утраченную ногу и его Динила.

Он сделал глубокий вдох.

– Эйлерин, я хочу как можно быстрее вернуться в Спэрхейвен на Суровых островах. Мы очень сильно потрепали Сто островов, больше, чем могли рассчитывать, и, если они притащат труп кейшана в Бернсхьюмхьюм, Сто островов ослабеют так, как Тендарн Эйлин и все ее супруги корабля с Суровых островов не могли даже мечтать.

– И тогда мы выступим против них, – сказал Меванс.

– Да, – тихо ответил Джорон, – тогда Тендарн сможет выступить против них, возможно, нам придется направить наши корабли им на помощь. Для меня главное – это супруга корабля. Они захватят Бернсхьюмхьюм, и я отыщу Миас, даже если мне придется сжечь там все и убить каждую женщину и каждого мужчину, чтобы это сделать.

– У части людей из нашей команды там семьи, хранитель палубы, – сказал Серьезный Муффаз, и Джорон услышал предупреждение в его голосе.

Джорон кивнул, Серьезный Муффаз поддерживал дисциплину на корабле, и во многом ему это удавалось из-за того, что он не переступал определенную черту.

– Ты же знаешь, Серьезный Муффаз, что мы сделаем все, чтобы защитить их семьи, расскажи об этом обитателям верхней и нижних палуб. – Он снова сделал глубокий вдох и тихо добавил: – Но не позволяй им забыть, Серьезный Муффаз, что идет война и люди будут умирать. Война подобна Северному Шторму, дыханию Старухи, ее невозможно контролировать.

– Верно, хран-пал, – ответил Муффаз. – Я позабочусь, чтобы команда знала, куда нас могут привести течения.

– Благодарю, Серьезный Муффаз, – кивнул Джорон. – А теперь перейдем к текущим делам.

– Проход Имса ближе всего. – Эйлерин показал на щель между черными линиями Хребта Скирит.

– И его почти наверняка патрулируют, – заметил Меванс.

– Да, – не стал спорить Джорон.

– Перед тем как мы ушли с Суровых островов, их курсеры сказали, что вдоль прохода стоят Сторожевые башни и плавают корабли. – Эйлерин протянул бечевку через центр карты. Затем поставил маленькую модель лодки, простой кусочек, вырезанный из вариска. Рядом установил другой. – Первый кораблик – это мы, – продолжал он, – направляемся в сторону патрулируемой линии и более спокойных вод. И я мечтаю о более мягких ветрах.

– Мы можем проскользнуть ночью, – сказал Серьезный Муффаз.

– Корабль, который нас преследует, предупредит их, и нас могут окружить, – возразил Джорон.

– Тогда мы попытаемся ускользнуть через проход Имса? Или более низкие проливы? – заговорил Меванс.

– Мы свернем и отправимся на юг, – предложил Эйлерин. – Сюда, – он коснулся карты. – Мимо мыса Уилсона.

– На юг? – переспросил Джорон.

– Да, приближаются холода, и Южные Шторма покажут зубы. К тому же этот маршрут длиннее.

– Но его вряд ли будут патрулировать, – заметил Джорон.

– Лед, – сказал Серьезный Муффаз, – он опасен, как и любой корабль. Не так, как на севере, где он остается неподвижным, на юге лед перемещается.

– Вот почему они не станут нас преследовать, – сказал Джорон.

Он посмотрел на карту, прекрасно понимая опасность столкновения со льдом, видел низко сидевшие в воде плавучие ледяные острова, которые можно заметить, и подводные ледяные рифы. Джорон знал, как холод вгрызается в кости корабля, делая их хрупкими, как слабеют и лопаются натянутые веревки, рассекая пополам невезучего дитя палубы, оказавшегося рядом. Как трудно управлять кораблем в холодном воздухе, как чернеет от мороза плоть и отваливаются отмороженные пальцы рук и ног. И почесал плечо в том месте, где были самые сильные язвы.

– Хран-пал. – В каюту вошла Фарис.

– Да, Фарис? – спросил Джорон.

– Наблюдатель докладывает, что нам навстречу идет корабль.

– Размеры?

– Пока он еще слишком далеко, но наблюдатель думает, что это четырехреберник. – Джорон посмотрел на карту.

– Ну, тогда решение становится очевидным, – сказал он. – Я не хочу сражаться с равным нам кораблем, не говоря уже о двух. Мы сворачиваем на юг, в сторону льда, и станем надеяться, что Старуха будет к нам благосклонна.

– Есть, хран-пал, – ответили его офицеры.

– И, Фарис, – добавил Джорон, – ты сама пришла, чтобы передать мне сообщение?

– Я посчитала его важным, хран-пал, – ответила она. – На палубе остался Гавит.

«Ага, – подумал Джорон, – *конечно Гавит*», – и заметил, что на лице Серьезного Муффаза появилось такое же хмурое выражение, как у него самого.

– Спасибо, Фарис, но за палубу отвечаешь ты, а не Гавит. В следующий раз посылай с сообщениями его.

Она кивнула и покраснела от замечания.

– Слушаюсь, хранитель палубы. – Она сглотнула. – Мне следует развернуть корабль прямо сейчас?

Он покачал головой.

– Нет, сначала Эйлерин проложит курс, и я задумал кое-какую хитрость. Направь корабль так, чтобы он удалялся от двух преследователей, словно мы намерены двигаться на север и пройти мимо линии обзора их наблюдателей.

– Есть, – тихо ответила она, и он почувствовал ее разочарование.

Не в нем – в себе – за то, что оставила вместо себя Гавита? Может быть, но с тем же успехом она могла переживать из-за того, что не угадала решение двигаться прежним курсом в дневные часы.

– И, Фарис, – добавил Джорон, – пришли сюда мастера костей Колвульф. Я хочу устроить небольшой фокус для наших преследователей.

Колвульф посмотрела на Джорона с нескрываемой тревогой, когда он сказал ей, что следует построить. Как и положено мастерам костей на флоте, она тут же принялась стонать и жаловаться.

– Это напрасная трата хорошего вариска, а также на эту штуку мне придется известить мой лучший джион, да и вообще, какая от нее польза?

Когда мастер костей наконец прекратила возмущаться, пришел черед мастеров крыльев, которые с огромной неохотой отдали старые куски ткани, но заверили Джорона, что она достаточно долго выдержит натиск ветра, что как раз требовалось для его целей.

И пока женщины и мужчины «Дитя приливов» собирали медленно растущую конструкцию на палубе, корабль постоянно менял галсы, двигаясь на север против ветра. Огромные

зигзаги и тяжелая работа, впрочем, при таком приятном климате хорошо натренированная команда легко справлялась с поставленными задачами.

– Задница! – закричал Черный Оррис, сидя на плече у Джорона.

Джорон снова поднял подзорную трубу, он уже столько раз это делал за долгие часы, проведенные на корме, что у него заболело плечо. Он увидел один корабль. Немного повернул трубу и разглядел второй, чуть больше первого. Оба направлялись к нему, постепенно сокращая расстояние. Джорон посмотрел на Глаз Скирит, который временами закрывали тонкие перистые облака, отметил, как медленно он скользит по синему небу, и пожалел, что не может помочь ему двигаться быстрее.

– Самая настоящая задница, Черный Оррис, – сказал Джорон и почесал черные перья на шее птицы.

– Они нас догонят? – спросила Дженнил.

– Да, так и будет. – Джорон подошел к поручням и посмотрел за борт, где увидел длинные зеленые водоросли, которые тянулись за летевшим вперед кораблем. – Ты был прав несколько недель назад, Дженнил, а я ошибался. Нам следовало килевать корабль и очистить корпус, пока мы могли.

– Но тогда мы не поймали бы «Глупую Девушку» до того, как она атаковала Лэндхьюм-хьюм, и многие люди погибли бы. Или мы не успели бы нанести удар по Уиндхарту прежде, чем южный лед пришел в движение.

– Верно, – сказал Джорон, глядя на пронесившиеся мимо водоросли и воду. – Но теперь это дорого нам обойдется.

Джорон отошел от поручней и снова поднес к глазу подзорную трубу, чтобы понаблюдать за кораблями врага, которые быстро сокращали расстояние. Что делать? Он уже видел ветрогонов на палубах; именно благодаря им корабли развили такую скорость, к тому же им не приходилось часто менять галсы. Следовало ли ему вызвать своего Ветрогона? Да, иначе их бегство будет выглядеть странным. Однако ветрогоны могли понадобиться позже, а они уже давно не посещали ветрошпиль. Слабых он не мог больше напрягать, да и сильных требовалось сохранить. Джорон увидел вспышку на четырехребернике – он прекрасно понимал, что они не сводят с него глаз, как и он, используя подзорные трубы. Знали ли они, что он построил, находились ли достаточно близко, чтобы разглядеть детали? Он снова коснулся перьев Черного Орриса.

– Дженнил, – сказал он, – кто у нас хорошо владеет кистью?

– Зариф и Азарлис, – ответила Дженнил.

– Пусть нарисуют на запасном крыле изображение ветрогона. А потом поднимут его, чтобы закрыть то, что мы построили. Я бы хотел, чтобы это выглядело так, будто ветрогон находится на палубе.

– Они едва ли в состоянии украсить спальню Избранника, хранитель палубы, – сказала Дженнил.

– Им нужно лишь создать иллюзию для тех, кто смотрит издалека, пусть займутся прямо сейчас.

Джорон продолжал наблюдать за кораблями врага и отметил, что они не особо спешили, за что был им благодарен. Он не сомневался, что если они подойдут слишком близко, то не поверят в его обман и сообразят, что именно он соорудил, и, хотя Зариф и Азарлис уже поставили готовую картину, Джорон видел, что Дженнил не ошиблась относительно их способностей, Мать благословила их энтузиазмом, но пожалела таланта.

– Они могли бы догнать нас быстрее, – заметила Фарис, подходя к нему и шурясь из-за отражающегося от гладкой воды света.

– А им не нужно, Фарис.

– Почему? – спросила она.

– Они подобны длинноцепам, преследующим косяк рыбы, – гонят нас туда, где их поджидает подмога, – ответил Джорон.

– А когда мы не полетим туда, куда они хотят, хран-пал? – спросила она.

– Если нам повезет, они сильно отстанут, и мы от них оторвемся.

Интересно, думает ли она, как и он: *«А вдруг нам не повезет?»*

Однако Фарис не стала высказывать вслух свои сомнения, дети палубы стараются так не делать, опасаясь спугнуть удачу. Он шагнул к ней.

– А ты подумала: «А вдруг нам не повезет», Фарис?

– Нет, я...

– Ты офицер, Фарис, – сказал он шепотом, – моя задача всегда состояла в том, чтобы задавать вопросы Миас, когда возникала необходимость. Теперь это твоя обязанность. Офицер не нуждается в удаче, Фарис, мы планируем и не рассчитываем на случайности.

Она медленно кивнула, ожоги на ее лице растянулись, и он увидел недоумение в глазах. Когда Фарис заговорила, ее речь была медленной и полной сомнений, как первый ветерок после штиля.

– Что будет, хран-пал, если они не поверят в твой обман? – спросила она.

– Тогда мы побежим, будем надеяться, что их ветрогон устанет раньше нашего, и позаботимся о том, чтобы наш корабль летел быстрее. – Фарис посмотрела на него.

– Но разве в таком случае мы, хотя бы немного, не будем рассчитывать на удачу? – спросила она.

Джорон пожал плечами.

– Возможно, немного, – ответил он. – Ну а сейчас пусть наши паруса немного провиснут, Фарис. Я не хочу, чтобы они подумали, будто мы умеем ловко обращаться с кораблем. Да, у нас есть репутация, но для них мы не флот, и им трудно, в любом смысле, считать нас равными себе. И чем более небрежными мы будем казаться, тем легче их обмануть.

– Да, хран-пал, – сказала Фарис и отошла, оставив его смотреть на море, корабли и водоросли, которые замедляли «Дитя приливов», живой зеленый стоп-камень.

Глаз Скирит закрылся, и появился ее слепой глаз, подобный чаше света в форме полумесяца, сияющая улыбка на фоне разбросанных блестящих точек, которые являлись костями Скирит, узорами, что указывали курсерам дороги в море. «Дитя приливов» оседлал волны и скользил по беспокойной воде, доброй и теплой, как само море Разбросанного архипелага в лучшие времена. Вокруг корабля вершились тихие ритуалы ночи.

Прозвонил колокол, отмечающий время, и дети палубы со свечами в руках вышли на сланец и нижние палубы, мягко засияли тусклосветы, а в главной каюте Меванс зажег более яркие огни, чтобы иметь возможность изучать карты, когда станет совсем темно, и выглядывать в большие окна на свет, отражавшийся на воде. Сверху доносились скрежет пил и удары молотков, мастера костей собирали поднимающуюся морскую оснастку, как приказал хранитель палубы. Мегвин наклонился из открытого заднего окна, чтобы зажечь два больших фонаря, свисавших с кормы, и улыбнулся собственным мыслям.

– Умный, как голодный скиир, – прошептал он в морской воздух, – супруга корабля будет нами гордиться.

В ночном воздухе у себя над головой Джорон наблюдал, как поднималась огромная рама в форме буквы А, строительство которой было закончено. Дети палубы облепили сооружение со всех сторон; их опытные руки вязали узлы, и очень скоро вокруг рамы образовалась целая сеть веревок. С верхушки свисала еще одна, шедшая к центральному брашпилю, буферам и кнехтам, ставшими гладкими за долгие годы использования, и обратно к неуклюжей конструкции, над которой так старательно трудились мастера костей.

Из центрального люка появился Ветрогон – повернулся к лишенному ветра и зашипел.

– Уходи прочь! Уходи!

Мадорра низко поклонился, всячески демонстрируя послушание, хотя Джорон совершенно ему не поверил. Лишенный ветра уже много раз показывал, что не склонен к подчинению, и хотя он редко бросал вызов Ветрогону, он обладал способностью легко выводить говорящего-с-ветром из себя.

– Не ходить, – сказал Мадорра, – не ходить. Помогать. Только помогать.

– Хватит! Хватит! – прокричал Ветрогон. Вслед за Мадоррой в люке появились похожие на диковинные грибы головы остальных ветрогонов, они были в масках, однако сумели построиться так, словно собирались с кем-то сражаться. – Не раб! Не твой. Офицер Ветрогон. – Он выпрямился во весь свой рост, расправил крылья под разноцветным потрепанным плащом и запел пронзительным голосом, периодически квакая, каркая и выделявая танцевальные па. Остальные ветрогоны за спиной Мадорры отшатнулись, тихонько кивая головами.

– Тогда уходим, – сказал Мадорра, но Джорон невольно подумал, что, будь лишенный ветра человеком, он увидел бы блеск в его единственном глазу, как у того, у кого есть план, который ему не слишком нравится. – Мадорра уходит. – Он отступил, низко пригнувшись. – Уходит. Ветрогон уходит. Смотрите, друзья. Смотрите, люди.

Ветрогон медленно изменил угрожающую позу, разноцветные перья, поднявшиеся было подобно короне, опустились. Его голова раскачивалась из стороны в сторону, он изучал Мадорру сначала с одного бока, потом с другого. Всем в мире показалось бы, что Ветрогон наблюдал за лишенным ветра глазами, скрытыми за маской. В маленьком мире «Дитя приливов» только Мадорра и Джорон знали, что так и есть, Ветрогон сохранил глаза; в отличие от всех других говорящих-с-ветром, они сияли таким же огнем, как у кейшана, и по этой причине Мадорра называл Ветрогона Ветровидящим. Джорон содрогнулся, теперь он был лучше знаком с пророчеством о Ветровидящем, в котором народ Ветрогона обретал свободу в огне и смерти, но Джорон плохо представлял свое место Зовущего. И чувствовал себя не лучшим образом. Он подумал, что, возможно, провел меньше времени с Ветрогоном, чем следовало.

– Ветрогон, – сказал Джорон, – добро пожаловать на палубу.

– Да. Да, – сказал Ветрогон, прыгнув вперед и разом забыв о столкновении с Мадоррой.

Он остановился возле поручней, указывая клювом на океан, потом поднял голову к Слепому Глазу Скирит, а затем резко развернулся, так что взлетели вверх разноцветные одежды и забренчали украшавшие их безделушки. Ветрогон прошелся по палубе, остановился, чтобы что-то каркнуть дитя палубы, полировавшей брашпиль.

– Да, Ветрогон, – сказала она, – я все сделаю хорошо, не беспокойся.

И Ветрогон пошел дальше, а дитя палубы улыбнулась, подумав о том, на какой замечательный корабль она попала, о следующей трапезе и позволит ли добрый хранитель палубы выдать дополнительную порцию корабельного вина после такой напряженной работы над проклятой Старухой штукой, которую они строили. Между тем Ветрогон прыгнул к другому дитя палубы, понаблюдав за ним, после чего проверил тусклосветы, достаточно ли в каждом масле.

– Что делать? – спросил Ветрогон, и дитя палубы – ждавший, когда зазвонит колокол, который положит конец его вахте, сможет спуститься в глубины корабля и найдет там Колуна – они недавно стали корабельными друзьями, и теперь их связывала страсть, – едва не уронил масло.

– Наполняя маслом тусклосветы, – тихо сказал дитя палубы. – Чтобы мы видели то, что делаем.

– Хорошо, хорошо, – сказал Ветрогон. – Хорошая работа.

Потом Ветрогон подскочил к третьему дитя палубы, которая помедлила, развязывая запутанный узел на такелаже, и посмотрела в темноту, где разглядела два тусклых источника света. Она поняла, что это два корабля, преследовавшие их, воспоминания о предыдущей схватке были еще свежи у нее в памяти, и руки слегка дрожали.

– Хорошая ночь, да? Хорошая ночь, верно? – сказал Ветрогон, и дитя палубы к нему повернулась.

– Да, хорошая ночь, – сказала она и почувствовала себя спокойнее, глядя на говорящего-с-ветром. Несомненно, сражения бывают опасными, но их Ветрогон самый сильный из всех, и у них замечательный хран-пал.

А разве может быть иначе, ведь он сын Удачливой Миас. И разве Миас не величайшая супруга корабля из всех когда-либо живших, любимая Старухой? Ветрогон двинулся дальше, а она вернулась к работе, если не совсем счастливая, то почти в мире с собой.

– Держи их свободными, держи свободными, – сказал Ветрогон дитя палубы, который смазывал шарнир Яростного Аррина, заднего правого дуголука, и настолько погрузился в работу, что чувствовал лишь приятную мягкость масла на пальцах и его запах, похожий на аромат похлебки, пусть немного прогорклой, но дети палубы едят то, что им дают, – возможно, стоило бы попробовать смазку?

– Он будет ходить свободно, Ветрогон, не беспокойся, я не хочу, чтобы старина Яростный Аррин смотрел на нас с укором. – Он рассмеялся, и Ветрогон отправился дальше, поднимая дух детей палубы.

Наконец он подошел к Джорону, наблюдавшему за сооружением на палубе, которое поставили перед треугольной рамой.

– Что это такое? Что такое? Да? Что? Что такое? Похоже на задницу Старухи. Что это? – Джорон повернулся к говорящему-с-ветром, его глаза блеснули, а под маской, закрывавшей лицо, появилась улыбка.

– Офицеру не пристало использовать такие выражения на палубе, Ветрогон, – сказал он. – Но я отвечу на твой вопрос, это обманка.

– Что-что-что?

– Модель корабля, Ветрогон, я спущу ее на воду за нами и позволю отплыть в сторону в надежде, что те, кто нас преследуют, погонятся за ним, а не за нами. Возможно, скоро потребуется твой ветер, хотя сейчас нас вполне устраивает то, что есть.

Однако Ветрогон его не слушал, он стал обходить модель, трогал ее когтекрыльями, забрался наверх, наклонился под невозможным углом, его длинная шея изогнулась так, что голова оказалась над Джороном, и он заглянул ему в лицо, на маску, которая, как и у него, скрывала тайну.

– Очень плохой, – тихо сказал Ветрогон. – Не похоже на корабль.

– Нет. – Джорон кашлянул, а потом расхохотался – после целой жизни, полной отвратительных ощущений, плохих новостей и жестоких поступков. – Во всяком случае, при свете и не вблизи, тут ты прав.

– Зачем делать?

– Потому что под Слепым Глазом Скирит, Ветрогон, можно творить магию. – И тут прозвонил колокол, отметивший середину ночи, когда Слепой Глаз Скирит находится в высшей точке, как и должно быть в это время года, и Джорон улыбнулся собственным мыслям – время пришло. – Меванс! – крикнул он. – Пожалуйста, потуши свет в большой каюте, я ложусь спать.

– Слушаюсь, хранитель палубы! – послышался ответный крик. – И Джорон снова улыбнулся.

– А теперь, Ветрогон, я устрою свой обман, который позволит нам выиграть необходимое время. – Он не стал говорить «я надеюсь», хотя так подумал. Да, он отказался от титула и шляпы с двумя хвостами, но знал, что стоит на палубе как супруг корабля, а супруг корабля никогда не говорит «я надеюсь», он *знает*, что было и что будет. – Я верю, что Мать смотрит на нас благосклонно, Миас, – едва слышно прошептал он, – и мне удастся тебя найти.

Он повернулся, посмотрел на команду, на каждого из них, на вахте дитя палубы или нет, все они бодрствовали. И те, у кого не было сейчас работы в трюме «Дитя приливов», ждали

исполнения обмана хранителя палубы, его магии. Хотели увидеть, что сделает странное сооружение, ведь он так на него рассчитывал! И разве оно не находилось «ни здесь и ни там», хотя все видели, что сооружение являлось лишь большим квадратом из вариска и джиона с неуклюжим крылом? Его построили на большой шлюпке, и если хоть кто-то из команды понимал, что задумал Джорон, никто не произнес ни одного слова вслух. Ведь он хран-пал, сын Миас, и они не сомневались: он знал, что делал.

– Фарис, – позвал Джорон, и она тут же оказалась у его плеча.

– Да, хран-пал?

– Погасить все тусклосветы, за исключением задних светильников.

– Слушаюсь, хранитель палубы, – сказала она и скрылась в толпе детей палубы, стоявших неподалеку от него, и он услышал, как она шепотом отдает приказ, – так волна проходит по тихому галечному пляжу.

Джорон смотрел, как гаснут огни на палубе и постепенно исчезают знакомые лица и тела, перенесшие многие испытания на Ста островах, вся команда превратилась в огромную аморфную тень, стала такой же частью «Дитя приливов», как крылья, хребты или дуголуки, и он повернулся к треугольному сооружению и собравшейся вокруг команде. Здесь находились все, кому он доверял больше других, Серьезный Муффаз и Дженнил, каждый возглавлял небольшой отряд тщательно отобранных мужчин и женщин, а внизу, в большой каюте, Меванс ждал со своим отрядом.

И вот он стоял, Джорон Твайнер, и все на корабле ждали его слова, ждали, что придуманный им план сработает. Он поднес к глазу подзорную трубу, обнаружил место, где Кости Скирит плыли по небу, потом посмотрел на океан. Нарисовал круг возле линии тьмы под крошечными булавочными головками, следы туманной ночи. Нашел на расстоянии еще один источник света, корабль, мигавший вместе с катившимися волнами. Джорон продолжал двигаться вдоль горизонта и увидел второй. Несомненно, они за ним наблюдали, пытаясь найти в подзорные трубы.

Сейчас или никогда.

– Поднимайте, – приказал он.

– Выбрать слабину, – скомандовала Дженнил.

Веревки натянулись.

– Давайте, – сказал Серьезный Муффаз, и, хотя все знали, что едва ли преследовавшие их корабли могли что-то услышать, голоса стали тише, дети палубы запели.

Моя истинная любовь на корабле.

Корабль далеко, корабль далеко.

Оставил меня одного сегодня.

Корабль далеко, корабль далеко.

Я выпью, чтобы избавиться от грусти.

Корабль далеко, корабль далеко

И погружается в соль.

Они пели и тянули веревки, поднимая сооружение с палубы «Дитя приливов», и более всего на свете Джорону хотелось к ним присоединиться, потому что пение дарило ему огромную радость. Но супруга корабля по имени Гесте отняла у него голос при помощи гарроты, и теперь новый не доставлял ему удовольствия. Мало того, в тех двух случаях, когда он начинал петь, появлялся кейшан, и Джорону хватало ума, чтобы понимать, что он не контролировал огромных зверей, а лишь будил их – в лучшем случае привлекал внимание.

– Готово, хранитель палубы, – доложила Дженнил, превратившаяся в ночи в высокую тень.

– Тогда двигайте его вперед, – сказал Джорон.

И веревки, которые удерживали треугольное сооружение, переместились так, что оно начало медленно вращаться в воздухе над кормой корабля.

– Отвяжите его и принесите багры! – приказал Серьезный Муффаз, голос которого нарушил тишину ночи.

Одни дети палубы начали развязывать узлы, другие подбежали с длинными баграми, стоявшими на палубе в виде пирамиды, и, как только свет на корме позволил увидеть, что они готовы, Джорон почувствовал руку Дженнил на своем плече.

– Опускать, хранитель палубы?

– Да, опускайте, но держите в воздухе, пока я не подам сигнал, – ответил Джорон.

– Опускайте, мои девочки и мальчики, – велела Дженнил, – до тех пор, пока он не коснется волн, нежно, как вы целуете корабельного друга, но не больше.

Послышались вздохи, вес сооружения вновь пришелся на тех, кто держал веревки, они нашли опору для ног на сланце, и его творение стало медленно опускаться к воде.

– Спокойнее. Не торопитесь, – повторял он.

Медленный спуск продолжался, вскоре сооружение оказалось ниже палубы, и Джорон перевесился через поручни, чтобы в лучах задних светильников наблюдать за его движением. Ниже Меванс высунулся наружу в одно из открытых окон.

– Уже совсем близко, хранитель палубы, – сказал Меванс.

– Спустите еще немного, я хочу, чтобы падение прошло безболезненно.

– Есть, – ответил Меванс.

– Держите крепко! – прошипел Джорон. Затем повернулся к Фарис, стоявшей у него за плечом, дальше находилась Квелл, его буквальная и смертельная Тень, к присутствию которой он так привык, что почти не замечал. – Успокойте его, – прокричал он, когда сооружение стало раскачиваться в такт движениям корабля, – или я прикажу Серьезному Муффазу вас выпороть. – Дети палубы вытянули багры, и сооружение застыло в воздухе. – Гавит, Чадир! – позвал Джорон. – Принесите ваши светильники. – Гавит подошел вместе с Чадиром, самым младшим членом команды, они держали в руках закрытые фонари. – А теперь слушайте меня внимательно: как только я отдам приказ, вы уберете крышки, но не раньше, чем я скажу, и если вы ошибетесь, я скормлю вас обоим длинноцепам, вы меня поняли? – Они кивнули. – А теперь занимайте исходную позицию.

Оба быстро перелезли через поручни, повисли на такелаже на максимальном расстоянии от «Дитя приливов» и наклонились вперед, чтобы прицепить светильник на «корабль».

– Готово! – сказали они почти одновременно.

– Поднимайте крыло, – приказал Джорон.

Двое детей палубы подняли крыло, сделанное так, чтобы «корабль» мог двигаться прямо – и ничего более того; Джорон понимал, что он едва ли уплывет далеко, но он и не ставил такой задачи. Они укрепили крыло, затем вернулись к закрытым светильникам.

– Меванс? – позвал Джорон, наклонившись над поручнем.

– Да, хранитель палубы, мы готовы.

Внизу двое из выбранных Мевансом матросов приготовились погасить светильники на корме «Дитя приливов».

– По счету «три», – сказал Джорон. – Все готовы? – Последовало дружное «да». – Тогда один, два, три, вперед.

И светильники на корме «Дитя приливов» погасли – одновременно Гавит и Чадир сняли крышки со своих ламп, и те немногие члены команды «Дитя приливов», которые только сейчас поняли, что задумал их хранитель палубы, заулыбались в темноте и зашептались, а Гавит и Чадир забрались обратно на корабль, довольные, точно дети, устроившие удачную шалость. *«Интересно, – подумал Джорон, – заметили ли на вражеских кораблях, как коротко мигнул*

свет?» Возможно, они решили, что виноваты уставшие глаза, или у них возникли какие-то подозрения? Но он не мог узнать ответа и выбросил эти мысли из головы.

– Хватить шептаться! – крикнул Джорон. – Все по местам, будьте готовы к повороту, нам придется совершить его в полной темноте. И я не хочу, чтобы кто-то пострадал; но, если это с кем-то произойдет, я заставлю вас драить днище, потому что каждый из вас должен знать наш корабль лучше, чем тела своих корабельных друзей. За работу! – И все пришло в движение, а Джорон повернулся к тем, кто ждал возле треугольного сооружения с топорами в руках. – Пора, – сказал он. – Перерубайте веревки.

Топоры опустились, раздался едва слышный плеск: творение Джорона коснулось воды, а огромный корабль начал медленно разворачиваться, пока его крылья не надул ветер, вызванный Ветрогоном, и «Дитя приливов» взял новый курс на юг.

Когда Джорон смотрел на удалявшиеся огни фальшивого корабля, к нему подошла Фарис.

– Как ты думаешь, долго они будут верить в наш обман, хран-пал? – спросила она.

– До тех пор, пока не поймут наш «корабль», или после того, как станет достаточно светло и они смогут его разглядеть. Будем надеяться, что у нас хватит времени скрыться за горизонтом.

– Да, – сказала Фарис.

Джорон ничего не ответил, продолжая наблюдать за двумя постепенно удалявшимися огнями.

9

Открытое море

Шесть дней «Дитя приливов» летел под ветром с полными черными крыльями, флаги развевались над головами, волосы закрывали лица тех, кто появлялся на сланце. И каждый день, когда открывался Глаз Скирит, Джорон выходил на палубу и изучал море в подзорную трубу, а когда Глаз Скирит закрывался, снова принимался его разглядывать. Когда звонил корабельный колокол, Джорон смотрел на море в подзорную трубу, а если не делал этого, то расхаживал по палубе, находил Эйлерина и спрашивал, какие ему снились ветра, – и всякий раз ответ оставался неизменным.

– Свежий ветер, чистый воздух.

И воздух оставался чистым, а ветер свежим. Ему лишь показалось или погода стала заметно холоднее?

Но «Дитя приливов» мчался по ветру, и Джорон находил работу для своей довольной команды. Он приказал переместить груз, чтобы корабль летел быстрее. Заставлял их чистить корпус длинными баграми. Они опасно раскачивались на веревках, чтобы убрать побольше водорослей, и во время работы пели, а Джорон не обращал на их пение внимания, сосредоточившись на линии между серым морем и голубым небом, мечтая, чтобы она оставалась пустой – ну, если не считать одиноких островов и паривших в высоте морских птиц.

На седьмой день Джорон начал верить, что они сумели обмануть преследователей и им хватило скорости, чтобы уйти за горизонт, оставив врагов вести тщетные поиски «Дитя приливов».

Но он ошибался.

– Корабль на горизонте!

Услышав крик, Джорон решил, что это его вина. То, что он поверил в удачный побег, видимо, рассердило Морскую Старуху, и она послала попутный ветер преследователям. Те же это корабли или нет – он не знал и стал взбираться на главную мачту. Костяная нога стала его неотъемлемой частью, а боль в том месте, где она касалась обрубка, стала знакомым, но неприятным дитя палубы, появившимся на корме. Он поднимался все выше, вокруг развевались крылья, он чувствовал свой корабль через вибрацию веревок. Свежий ветер и высота затрудняли дыхание. И все же после долгого отсутствия практики он чувствовал, что мышцы его бедер немного ослабели, когда посмотрел вниз. А еще через мгновение уже был на самом верху вместе с наблюдателем.

– Где, Беарна? – Она показала назад, и сначала он не смог ничего разглядеть, но, когда взял подзорную трубу, почти сразу его увидел.

– Не могу с уверенностью определить размер, – сказала она.

– Большой четырехреберник, – ответил он и тихо вздохнул. – Жаль, что это не тот, что меньше, но Старухе наплевать на наши желания. – Тут его внимание привлекло движение, случайное темное пятно на волнах, возможно, морская птица или какое-то существо, поднявшееся из глубины на поверхность в поисках еды. Но Джорон знал, что это не так. Он увидел второй корабль, четырехреберник меньшего размера, который и прежде возникал рядом с большим. Он сложил и спрятал в куртку подзорную трубу.

– Вот и ответ Беарна: Старуху не интересуют желания женщин и мужчин. Приглядывай за этими кораблями.

– Слушаюсь, хран-пал.

Он начал спускаться вниз и вскоре снова оказался на сланце.

– Дженнил, Фарис! Меванс, Серьезный Муффаз! – выкрикивал он, шагая по палубе. – До сих пор мы летели быстро, но, как оказалось, недостаточно. Теперь нам нужно использовать

все наши возможности, поставить все крылья. Обман помог нам выиграть время, хотя и не дал свободы, на которую мы рассчитывали. Если мы доберемся до мыса Уилсона прежде, чем они нас догонят, они не последуют за нами на территорию Суровых островов, значит, мы должны мчаться к цели, пока ветер нам благоприятствует. Вы согласны, моя команда?

– Да! – услышал он крик команды. И если все женщины и мужчины испытывали такое же смятение, как и он, они хорошо его скрывали – очевидно, решили оставить свои тревоги при себе.

– Фарис, – позвал он, и она тут же оказалась рядом, неизменно спокойная и быстрая, словно ожидала, что она понадобится ему именно в этот момент.

– Да, хран-пал?

– Пусть Эйлерин и Меванс приготовят стол для карт, а Ветрогону скажи, что я хочу задать ему несколько вопросов. И постарайся сделать так, чтобы Мадорра со своей компанией остались у себя в каюте.

– Слушаюсь, хранитель палубы, – сказала она и ушла, оставив Джорона наблюдать за командой: каждый нашел для себя занятие, каждый знал свое место, и ему не было нужды отдавать новые приказы – команда выжимала из корабля максимальную скорость, ему не требовалось говорить, какие веревки следует натянуть, а какие крылья проверить; часть детей палубы старались баграми еще хоть немного очистить корпус от водорослей.

Такой была команда «Дитя приливов», они знали корабль как себя, и Джорон ими гордился. Время шло, прозвонил колокол, а Джорон продолжал расхаживать по палубе. Он чувствовал подозрную трубу в куртке и боролся с желанием достать ее, чтобы снова и снова наблюдать за вражескими кораблями. Он не хотел, чтобы команда поняла, что он сильно встревожен. И все же, когда он все-таки взял подозрную трубу, у него возникло ощущение, будто расстояние между ними быстро сокращается. Используют ли преследователи своих ветрогонов, чтобы лететь так стремительно? Если да, то долго вражеские корабли такую гонку не выдержат. Их ветрогоны устанут, и им придется остановиться.

В глубине души он понимал, что ветры благоприятствовали вражеским кораблям в той же степени, что и «Дитя приливов», а высокая скорость являлась следствием хорошо работавшей команды и того, что корабли недавно вышли из порта и использовали все преимущества, которые у них имелись. Он обратился к проходившему мимо дитя палубы.

– Рейан, позови, пожалуйста, курсера на корму, – сказал ему Джорон.

– Слушаюсь, хран-пал, – ответил Рейан, сравнительно новый член команды, на лице у которого появилась довольная улыбка: хранитель палубы не только знал его имя, но и доверил важное поручение.

Казалось, курсер появился рядом мгновенно, хотя прошло достаточно времени, чтобы Джорон почувствовал, что расстояние между «Дитя приливов» и вражескими кораблями еще немного сократилось.

– Хранитель палубы, – сказал курсер. – Я оставил сердитого Меванса – он недоволен, что ему приходится одному устанавливать стол. – Мягкий укор в словах Эйлерина, которого оторвали от любимых карт, заставил Джорона улыбнуться, и у него заболели язвы вокруг рта.

– Взгляни на преследующие нас корабли, – попросил Джорон, передавая курсеру подозрную трубу. – Мне кажется, они нас нагоняют.

Джорон ждал, наслаждаясь дувшим в лицо свежим ветром, который охлаждал кожу под шарфом.

– Да, у меня такое же впечатление, что расстояние сокращается, – заговорил Эйлерин. – Трудно сказать наверняка, ведь и они, и мы находимся в движении, мне требуется больше времени для более точной оценки. Если мы сменим курс, чтобы пройти рядом с островом к востоку от нас, это может помочь, в таких случаях всегда хорошо иметь неподвижную точку и...

– Может ли ветер помогать им больше, чем нам? – Джорон сдержал улыбку – обычно молчаливый курсер неожиданно разговорился.

– Маловероятно, хран-пал, – ответил он, – но всякое бывает, иногда шторма устраивают странные фокусы, так они оказывают услугу Деве, но мне не приснилось ничего необычного, я видел лишь чистое небо, таким образом, получается, что мы используем один и тот же ветер.

– Если бы Мать даровала мне чистый корпус, мы бы исчезли, как лес джиона в прежние времена, – тихо пробормотал Джорон, забирая обратно подзорную трубу и снова глядя на вражеские корабли. Но Мать не станет прибегать к магии, чтобы очистить днище «Дитя приливов». Впрочем, Джорон на это и не рассчитывал. Дети давно ослушались ее, когда Хас-сит метнул копьё и убил Скирит, божественную птицу, и теперь им приходится самим о себе заботиться. – Да. – Он сложил трубу и спрятал ее в куртку. – Тебе лучше присоединиться к Мевансу и проверить, закончил ли он готовить стол для карт.

– И не повредил ли карты, – проворчал курсер.

– Действительно. – И Джорон вновь улыбнулся; прежде он бы не поверил, что курсер способен испытывать раздражение.

Он повернулся, двое детей палубы ждали, когда придет их очередь чистить корпус. Каждый держал скребок: широкое лезвие, отполированное до зеркального блеска, Джорон даже увидел отражение в сиявших лезвиях – черная одежда, высокий, отсутствующая нога, лицо в маске, множество серых шрамов на темной коже. Он смотрел не на Джорона Твайнера, а на свое создание – Черного Пирата.

«Мы все меняемся, – подумал он, – но не всегда к лучшему».

На нижних палубах темноту разгоняли открытые бойницы для луков, большая часть команды находилась на палубе, где все старались выжать из корабля максимальную скорость. Джорон вошел в большую каюту с ослепительно белым полом, столик Эйлера стоял на письменном столе, стул Миас отодвинули в сторону, на спинке висела шляпа с двумя хвостами.

– Хран-пал, – приветствовал его Меванс и отступил на шаг назад, когда Эйлерин поспешил к ним, чтобы проверить, насколько правильно установлен стол с картой.

– Меванс, – приказал Джорон, – приведи сюда Дженнил, пока Эйлерин наносит на карту наше положение. И скажи Фарис, что она отвечает за палубу до моего возвращения.

– Слушаюсь, хранитель палубы.

Меванс исчез, а Эйлерин принялся расставлять на карте корабли, черный – «Дитя приливов», белые – преследователи.

– Здесь не выдержан...

– Масштаб, я знаю, Эйлерин. – Джорон подошел к карте и стал смотреть на Разбросанный архипелаг, когда Эйлерин протянул бечевку от модели «Дитя приливов» к южным ледяным полям Мыса Уилсона.

– Вы меня звали, хран-пал? – спросила Дженнил, входя.

– Да, Дженнил. Ты была офицером флота, вы с Мевансом знаете о море не меньше, чем любой человек на нашем корабле. Эйлерин проложил наш курс, но нас преследуют более быстрые корабли. Я хочу услышать, какие у вас есть идеи.

Дженнил шагнула вперед и стала вместе с Джороном смотреть на карту, Джорон почувствовал, что Эйлерин едва удерживается от заявления: «Здесь не выдержан масштаб», но курсер промолчал, а женщина, хранитель палубы и хранитель шляпы изучали темное море архипелага.

– Какой будет погода в ближайшие две недели? – спросила Дженнил.

– Эйлерин предсказывает чистое небо, – ответил Джорон.

– Не совсем так, хранитель палубы, – вмешался курсер. – Я сказал, что на данный момент хорошая погода помогает следующему за нами кораблю. Однако в моих снах появились тревожные мысли о штормах, которые придут с востока.

Джорон нахмурился.

– Западный Шторм говорит редко, – заметил он.

– Но если начинает, то его голос бывает яростным, – сказала Дженнил, повторяя поговорку детей палубы. – Если учесть скорость, с которой они нас догоняют, я могу предположить, что пройдет не менее двух недель, прежде чем они окажутся достаточно близко, чтобы начать стрелять. Доберется ли к этому моменту до нас буря, Эйлерин?

– Очень сложно предсказать поведение бури, Дженнил. Я думаю, нет; полагаю, ветры и волны поднимутся через три недели. Но, возможно, и раньше, или шторм пройдет стороной. Таков Западный Шторм: кажется, его главная задача – посрамить мое искусство, – сказал Эйлерин.

Дженнил кивнула, глядя на карту.

– Насколько близко эти острова? – спросила она, указывая на группу островов, которые находились на расстоянии ладони от «Дитя приливов».

Эйлерин уже собрался ответить, когда в каюту вошла Фарис.

– Я пришла спросить, не смогу ли как-нибудь вам помочь, хран-пал, – сказала она. – Серьезный Муффаз отвечает за палубу, и особой необходимости в моем присутствии нет. – Джорон собрался ее отругать, но в последний момент передумал: едва ли она сумеет быть полезной, и она это прекрасно знала.

Но, весьма вероятно, сможет чему-то научиться, и тогда ее присутствие окажется полезным, а если Серьезный Муффаз поговорил с ней о Гавите, будет только лучше, если Фарис проведет какое-то время подальше от него.

– Хорошее решение, Фарис, – сказал он и заметил, что она расслабилась – как тетива дуголука, не находящегося в боевом положении. – Продолжай, Дженнил.

– Мы можем свернуть к островам ночью и спрятаться между ними, а вражеские корабли пройдут мимо.

– Этих островов там очень много, – вмешался Эйлерин. – Но все они довольно низкие.

– Мы можем опустить главную мачту, – предложила Фарис.

– Это займет полдня работы, – заговорил Меванс, – и еще столько же, чтобы ее поднять.

– Команда не боится работы, – возразила Фарис.

Джорон почувствовал, что она обиделась из-за того, что ее идею отвергли.

– О нет, мы не сомневаемся, что ты сделала из них прекрасную команду, Фарис, – сказал Джорон. – Они умеют работать быстро и слаженно, но у нас не будет половины дня, чтобы поднять мачту. И тогда мы останемся без части крыльев, и нас быстро поймают.

– Да, конечно. – Фарис опустила голову.

– Но идея хороша, Фарис. – Он повернулся к остальным. – Так что острова исключаются. Дженнил, есть какие-то другие идеи?

– Хребет Скирит, хранитель палубы? – Она огляделась по сторонам. – Возвращение к прежнему, черный корабль против черной скалы. Нас будет очень трудно разглядеть с большого расстояния.

– Дженнил права, – сказал Меванс, – мы сможем найти бухту, которую не освещает Глаз Скирит, и тогда у нас появится шанс, что они пролетят мимо.

Дженнил кивнула, глядя на карту. Все молчали, пока Джорон размышлял над ее предложением. Сначала им потребуется найти бухту, и, хотя у Хребта Скирит их полно, им придется искать в темноте, а там полно подводных скал, которые могут легко сделать пробоину в днище «Дитя приливов», и тогда их бегство закончится прямо там и они присоединятся к Старухе.

А если им удастся найти подходящее место? Если кто-то на такое и способен, то это команда Миас. Впрочем, тут он улыбнулся, других он попросту не знал.

Улыбка исчезла, когда он представил, как это будет: «Дитя приливов» бросит стоп-камень, все, кроме наблюдателя, спрячутся на нижних палубах, чтобы не выдать присутствие

корабля шумом или светом. Можно нанести на корпус пятна белой краски, чтобы он стал похож на скалу, покрытую гуано. Что же, план выглядит вполне реальным. Однако все на борту будут знать, что им конец, если их заметит внимательный вражеский наблюдатель. Напряжение на корабле станет нарастать, могут начаться драки, которые часто возникают в периоды безделья и стресса. И все же у них может получиться.

А что потом? Они побегут на север, надеясь, что им удастся проскользнуть мимо цепочки кораблей и наблюдательных башен, и вновь окажутся в прежнем положении, только теперь ветер будет против них?

– Позовите ветрогона, – сказал Джорон, и Ветрогон тут же появился, потому что Фарис предупредила его, что он понадобится.

Ветрогон выглядел более спокойным, однако, несмотря на просьбу Фарис, его сопровождал Мадорра.

– Зачем звать Ветрогона? – вкрадчиво спросил Мадорра, запрыгивая в каюту. – Ветрогон устал, Ветрогон должен отдыхать.

– Ветрогон является офицером «Дитя приливов», Мадорра, чего не скажешь про тебя, к тому же он способен сам говорить за себя. – Лишенный ветра посмотрел на Джорона единственным глазом, зашипел и отпрыгнул к двери, где уселся на пол, выставив вперед большой живот.

Сквозь грязную одежду, украшенную перьями, проглядывала розовая кожа. Ветрогон в своем лучшем одеянии, казалось, стал немного выше, когда Джорон поставил на место Мадорру, а потом прыгнул вперед, приоткрыв хищный клюв.

– Джо-рон Твай-нер, – сказал он, и все стало как в первые дни – Джорона поразила странность скрипучего голоса, исходившего из приоткрытого клюва, без движения губ и языка. – Как помогать, Джорон Твайнер?

– Мне нужен ответ на один вопрос, Ветрогон. Честный, чтобы я знал, чего мне ждать в нашем нынешнем положении, – попросил Джорон.

– Ты в каюте, Джорон Твайнер, в каюте. – И Ветрогон негромко рассмеялся.

– Да, верно, но я хочу знать, сколько ветра есть у тебя и твоих соплеменников. Ведь нас преследуют...

– Плохие лодки...

– Да, плохие лодки, – согласился Джорон. Было так легко забыть, что Ветрогон, несмотря на свои странные манеры, столь же внимателен и разумен, как любой человек. – Я бы хотел знать, как долго ты сможешь давать нам ветер. Прошло слишком много времени с тех пор, как вы посещали ветрошпиль.

Ветрогон каркнул, разинул клюв, издал оглушительный звук, и его тело удлинилось, словно он таким образом хотел направить шум в одно место.

– Давать ветер вечно, – сказал он. – Ветер и ветер, ветер и ветер. Толкать большой корабль.

Джорон знал, что он преувеличивал, что было для него характерно, и всегда старался иметь это в виду. Кроме того, он так говорил для того, чтобы разозлить Мадорру; Джорон никогда не понимал, почему Ветрогон вообще обращал внимание на лишенного ветра.

– Спасибо тебе, Ветрогон. – Джорон уважительно кивнул – он знал, что Ветрогону это нравится. – Но ты должен понимать, что твои соплеменники не так сильны, как ты, мы не хотим, чтобы у них началась ветроблезнь, и должны иметь возможность обратиться к твоему могуществу позднее. Так сколько ветра ты можешь дать, не подвергая опасности себя и остальных? Меня интересует нижняя граница, я хочу иметь уверенность, а не надежду.

– Джорон Твайнер, – сказал Ветрогон, а потом издал пренебрежительный звук, выдохнув через ноздри, после чего коснулся маски когтеккрылом. – Ветрогон сильный, – заявил он, медленно раскачиваясь из стороны в сторону. – Другие – нет, но помогать, да, да, да... – Казалось,

Джорон его больше не интересовал, он обратил все свое внимание на карту. – Две недели. Если ветрогон вызовет легкий ветер. Двое следят каждый день. Да. Более сильный ветер. Меньше времени.

– Спасибо тебе, Ветрогон. Ты можешь возвращаться в свое гнездо. – Но что-то, какое-то ощущение на границе сознания Джорона подсказало ему, что он допустил какую-то оплошность, когда произнес эти слова.

Ветрогон медленно кивнул, и Джорон пожалел, что не предложил ему задержаться в каюте еще на некоторое время, ведь теперь ему придется остаться с Мадоррой наедине, и Ветрогон снова уменьшился в размерах, когда они выходили из большой каюты. Джорон мысленно обещал себе разобраться, что происходит и какой непонятной властью обладал лишенный ветра над Ветрогоном. Он собирался это сделать уже много раз, но командование кораблем отнимало слишком много времени.

Джорон выбросил Мадорру из головы и мрачно посмотрел на карту. Он понимал, как и все остальные, что сил Ветрогона будет недостаточно.

– Супруг корабля, – заговорил Меванс. – В первый раз я встретил Миас на двухребернике под названием «Манжеты портного», и однажды мы оказались в похожем положении, нас преследовали два корабля с Суровых островов, а ранее, после рейда на остров, мы вступили в схватку с четырехреберником. Команда и корабль находились в плохом состоянии, но мы пытались от них убежать. Мне, как и остальной команде, казалось, что все пропало, но только не Миас.

– И что она сделала, Меванс? – спросил Джорон.

– Она опустошила корабль, выбросила все за борт, кроме воды и еды, – отправила к Старухе.

– Даже луки? – спросила Дженнил.

– Да, даже луки, – ответил Меванс.

– Но мы станем безоружными, – возразил Джорон.

– Верно, – сказал Меванс, а потом ухмыльнулся: – И будем быстрыми.

10

Ожидание

Сильный, холодный ветер. Суровое серое море.

У Джорона возникло ощущение, что за то время, которое они провели в большой каюте, преследовавшие их корабли стали больше, хотя это было невозможно. Они не стояли у карты *настолько* долго, и, хотя потом он прошел по кораблю, миновало недостаточно времени. Или супруги корабля великолепных белоснежных судов с сиявшими зоресветами выбили остатки жизни из несчастных ветрогонов, чтобы догнать «Дитя приливов»?

Джорон прошел по палубе, засунул палец в ведро с краской, стоявшее у главной мачты, повернулся и, прислонившись к ней, поставил носки сапог в хорошо знакомую щель в сланце, а потом посмотрел сквозь веревки и заднюю мачту на далеких преследователей. Он постарался запомнить их образ, после чего вернулся к задней мачте и оставил синюю отметку на том месте, которое соответствовало ближайшему кораблю, на высоте корабля. Потом с довольным видом вернулся к главной мачте и поднял подзорную трубу, чтобы убедиться в правильности места вражеского корабля на горизонте.

– Теперь я буду знать, – сказал он себе. – Теперь буду знать точно.

– Хран-пал. – Он обернулся и увидел казначея.

Меванс передал свои полномочия мужчине по имени Хедре, который плохо понимал море, но хорошо разбирался в цифрах. Он ждал Джорона, опустив голову, в руках с перепачканными чернилами длинными тонкими пальцами он держал раскрытую бухгалтерскую книгу.

– Я составил список запасов в трюме, избавившись от которых мы понесем наименьшие потери, о чем вы и просили. – Хедре облизнул конец пера, и Джорон подумал, что черты лица у казначея такие же вытянутые, как его инструмент для письма.

– Я хочу лишь знать, сколько воды и продуктов нам следует оставить, чтобы благополучно добраться до Спэрхейвена, – сказал Джорон.

Он пошел по палубе, и казначей последовал за ним.

– Жители Суровых островов занижают цены на все, что мы привозим, и раздувают свои на то, что покупаем. Мы будем банкротами, нам придется продать свои корабли, если мы...

– Хедре, я уже говорил, что мы все будем мертвы, если не сможем убежать от белых кораблей. – Глаза казначея широко раскрылись. – Делай то, что я говорю, а я скажу Мевансу, чтобы он отложил то, что нам будет необходимо.

– А остальное отправится в море? – Выражение лица Хедре было почти комичным, и, если бы Джорон не видел на горизонте белые точки кораблей преследователей, он бы улыбнулся под маской.

Однако он не стал улыбаться. Любовь казначея ко всему, что находилось в трюме «Дитя приливов», и деньги, которые за них можно было получить, Джорон ценил, как знание моря у своих детей палубы. Хедре сражался за каждую монету, и они действительно представляли собой огромную ценность, ведь обитатели Суровых островов действительно торговались очень жестко, хотя и являлись союзниками. Но сейчас это не имело значения.

– Да, – сказал он, разделяя переживания казначея, – мне жаль, Хедре, но остальное мы сбросим в море. – Казначей кивнул, и Джорон попытался найти для него хоть какое-то утешение. – Но если ты сможешь распределить товары по весу, то самые тяжелые отправятся за борт в первую очередь, и мы посмотрим, как будет лететь дальше «Дитя приливов». Возможно, мы не станем выбрасывать все сразу.

– Мудрое решение, хранитель палубы, – с улыбкой сказал Хедре. – Я поставлю об этом в известность Меванса. – И он, уткнувшись в бухгалтерскую книгу, поспешил в трюм, а Джорон снова принялся наблюдать за вражескими кораблями.

Если судить по синей отметке на мачте, ничего не изменилось за время его разговора с казначеем. Джорон сложил подзорную трубу и спрятал ее в куртку. Потом, расправив плечи, попытался прогнать все тревоги, как ветрогон сбрасывает перья.

– Мои женщины и мужчины, – закричал он, – соберитесь около меня, у меня есть для вас задание, которое может вам понравиться.

Все уже были в курсе того, что им предстояло сделать, ведь только огонь распространяется по костяному кораблю быстрее, чем слухи, и все женщины и мужчины на борту знали, что скажет их хранитель палубы. Для казначея это представляло собой болезненную потерю, для Джорона являлось трудным, но необходимым, но команда относилась к происходящему иначе. Им, мертвым, женщинам и мужчинам, чьи жизни подчинялись прихотям водных просторов Разбросанного архипелага, не составляло труда забыть о кораблях-преследователях, которые вызывали беспокойство не в большей степени, чем тучи, они не сомневались, что от всех опасностей их избавит хранитель палубы.

Вот почему, когда первые предметы из списка вынесли из трюма на палубу и установили кран для самых тяжелых, настроение на сланце «Дитя приливов» напоминало карнавальное веселье. Дети палубы пели песни, прыгали и танцевали, словно пересекали середину мира, когда им следовало изображать Круглого Дракона, передавая друг другу чаши с анхиром. Женщина по имени Вара, которая почти все время молчала после того, как поднялась на борт, остановилась перед Джороном, и на ее лице появилась смущенная улыбка, в руках она держала твердый вариск для починки крыльев.

– Неправильно, что это начинаем мы, хранитель палубы. На моем старом корабле «Дорога Скиира» супруга корабля первая выбрасывала за борт ненужные вещи. Поэтому я думаю, что и вам следует так сделать.

Джорон посмотрел на груды старой одежды, и его неожиданно тронуло упоминание о древней традиции, про которую он прежде не знал.

– Благодарю тебя, Вара. – Он взял какую-то тряпку и почувствовал, что все взгляды обратились к нему. В дальней части толпы он заметил Меванса и груды вариска и вспомнил то, о чем забыл. – Перед тем как я выброшу это за борт, Меванс, нужно позаботиться, чтобы на корабле остались мягкий вариск и теплая одежда. Вряд ли будет правильно, если мы сбежим от преследователей, а потом вся команда умрет от холода на юге. – Уловили ли они в его голосе улыбку, скрытую под маской? Он не знал, пока не увидел улыбки и взгляды, которыми обменивались дети палубы, а также тихий смех.

– А теперь начнем освобождать «Дитя приливов» от всего лишнего, я хочу увидеть, как он может летать на самом деле! – Джорон выбросил за борт ворох старой одежды и смотрел, как она плюхнулась в серое море и закачалась в белой пене кильватерной струи, все радостно закричали, и у поручней оказалась большая часть команды – возбужденные, как дети, они принялись швырять в холодное море драгоценные припасы и грузы. – Ты отвечаешь за корабль, Фарис, – сказал Джорон и вернулся в свою каюту, чтобы снова изучить карту и взглянуть на стоимость товаров, с которыми им пришлось расстаться.

Он делал вид, что не слышит радостного смеха команды у себя над головой.

Прошло время, он не знал сколько. Поразительно, как легко ему удавалось исчезать в картах и корабельном журнале – Джорон занимался им с максимальной тщательностью, он не сомневался, что Миас обязательно все проверит после возвращения. Поэтому, когда в дверь каюты негромко постучали, он с удивлением обнаружил, что спустились сумерки и его длинная тень упала на письменный стол, – Глаз Скирит направлялся к горизонту у них за спиной.

Джорон почувствовал, как его зазнобило. Неужели он так погрузился в свое занятие, что время потеряло смысл, или это еще один симптом гнили кейшана, пожиравшей его тело? Он потрянул головой.

– Войдите, – сказал Джорон.

В каюту проскользнул Эйлерин.

– Хран-пал, – начал он. – Скоро наступит время зажигать фонари, должно быть, вы напряженно работали.

– Да, – кивнул Джорон. – Однако я должен выйти на палубу до того, как наступит ночь, чтобы посмотреть, сумели ли вражеские корабли сократить расстояние. – Эйлерин отвел глаза в сторону, и Джорон понял, что так и случилось. Он вздохнул. – Не думаю, что сегодня мы будем зажигать фонари. Пусть они решат, что потеряли нас, возможно, они изменят курс, опасаясь, что мы поступили так же. – Эйлерин кивнул.

– Вот только... – Эйлерин смолк.

– Вот только что, курсер?

– Я думаю, вы должны знать. Через неделю мы полетим вдоль старых миграционных маршрутов кейшанов.

– И? – спросил Джорон, который почувствовал себя жестоким из-за того, что задал такой вопрос.

Однако курсер удивил его, он заговорил совершенно спокойно.

– Среди команды пошли разговоры о том, будто вы направили корабль именно туда, потому что можете спеть и вызвать одного из них, хранитель палубы, если наше положение станет отчаянным. Я думаю, вам следует это знать. – Он коротко рассмеялся.

– Спасибо, что рассказал, – проговорил Джорон, размышляя о своей глупости: он надеялся, что команда считала, будто кейшана вызвала Миас.

Как такое могло быть, ведь некоторые члены команды знали правду, а слухи имеют обыкновение множиться на борту корабля?

– На самом деле меня не удивляют твои слова, – продолжал Джорон. – Но никто не станет петь, чтобы призвать кейшана. – Он прошел мимо курсера.

– Джорон, – снова заговорил курсер, и ему пришлось остановиться. Он не помнил, чтобы Эйлерин когда-либо обращался к нему по имени. Что он почувствовал? Правильно ли такое? Может быть, ему следует рассердиться и призвать Эйлерина к порядку? – Я знаю, почему вы не хотите петь, чтобы вызвать кейшана, хран-пал, – продолжал курсер. – Вы уверены, что враги убьют супругу корабля, если поймут, что ей это не под силу.

– Так и будет, – сказал Джорон.

– Да, вы правы, – не стал возражать Эйлерин, – но если мы умрем, умрет и она.

– Я знаю, – тихо сказал Джорон, он не ожидал подобных рассуждений от Эйлерина. Такие слова могла произнести Гарриия, Рука Старухи, а не курсер. Но в последние дни он видел ее, только когда она обрабатывала его язвы. – Я подумаю, Эйлерин.

Он подождал, когда курсер уйдет, и тоже покинул каюту – Джорон не сомневался, что заметил сгорбленную, окутанную тенями фигуру Гарриии, исчезнувшую в темноте коридора, и не сумел удержаться от улыбки.

– Мудрая старая карга, – прошептал он в темноту, – но в следующий раз приходи сама. – Ответа не последовало.

Джорон поднялся на палубу – небо кто-то обрызгал кровью, а море покрылось золотыми лентами Глаза Скирит, великолепного и окутанного дымкой после сна перед встречей с океаном. «Дитя приливов» летел по волнам, полным обломков и мусора.

– У нас появились новые клювозмеи? – спросил он, ни к кому не обращаясь, но не сомневаясь, что обязательно получит ответ.

– Нет, хран-пал, только те шесть, которые были раньше. – Он не видел, кто ответил, хотя узнал голос.

Джорон попытался скрыть разочарование. Он отыскал трещину в сланце перед главной мачтой, встал на нее и вытащил подозрную трубу.

– Гавит, возьми тусклосвет и встань перед задней мачтой, – сказал он, и Гавит тут же выполнил приказ. – С другой стороны, пожалуйста. – Джорон улыбнулся, глядя на юношу, которого они нашли в порту, теперь он стал хорошим дитя палубы, и не приходилось сомневаться, что со временем превратится в достойного офицера. Конечно, если они уцелеют. Джорон отыскал синюю отметку на задней мачте, посмотрел на корабли, находившиеся далеко позади, и ощутил холодную уверенность, что расстояние сократилось. – Хедре! – крикнул он.

– Казначей спит, хранитель палубы, – услышал он ответ.

– Разбудите, – приказал Джорон. – Я жду его на палубе.

Ждать пришлось не очень долго. Когда Хедре появился, он все еще боролся со сном, но бухгалтерскую книгу крепко сжимал длинными пальцами.

– Хран-пал?

– Ты хорошо поработал, Хедре, я вижу, что результаты твоих усилий плывут за нами. – Маленький мужчина принялся энергично кивать. – И хотя я знаю, что это причинит тебе боль, нам придется продолжить.

– Я составил список самых тяжелых предметов и того, что нам необходимо, – сказал Хедре и протянул Джорону листок. – Думаю, вам стоит на него взглянуть, прежде чем вы примете окончательное решение.

Джорон пробежал глазами по списку: сколько же всего необходимо, чтобы управлять кораблем, такелаж и веревки, запасные кости, песок, материал для заделки щелей, костяной клей, гвозди и сотни других вещей, которые корабль не может потерять ни в коем случае. Джорон тяжело вздохнул, он хотел бы сохранить все, потому что знал значимость каждого предмета.

– Выбросьте за борт болты для дуголуков, – сказал он, понимая, что команда будет недовольна из-за потери такой важной части боевой мощи корабля. – Их тяжесть должна... – Хедре почесал в затылке под шляпой, поймал насекомое и раздавил между двумя пальцами, пока Джорон говорил: – Нет, нет, не болты для дуголуков, а все запасные части такелажа, оставьте только один, и костяные доски, кроме одного набора. Если мы лишимся более одной части такелажа, то настолько замедлим ход, что у нас не останется выбора, – нам придется сражаться. – Казначей кивнул, и Джорон вернул ему список. – Отнеси Мевансу, пусть посоветуется с Фогл, я надеялся, что одного круга потерь будет достаточно, но теперь очевидно, что нам придется продолжать. Составь новый список товаров и припасов с учетом их веса, чтобы мы могли начать выбрасывать за борт лишнее, если не сумеем оторваться от кораблей врага. Затем можешь поспать, Меванс, и Фогл тоже.

Он повернулся и обнаружил, что у него за спиной терпеливо ждет своей очереди Дженнил.

– У меня вечерняя вахта, хранитель палубы, – сказала она.

– Рад слышать, Дженнил, держи верный курс, разбрызгай немного краски, чтобы Старуха устроила какую-нибудь пакость тем, кто нас преследует. – Он кивнул ей и направился обратно в каюту.

Оказавшись в гамаке – Джорон все еще не мог спать в кровати на борту корабля, даже после стольких лет, – он почувствовал, что погоня давит на состояние его духа. Брекир была права, он сильно рисковал и увел свои корабли слишком далеко от безопасных мест, пытаясь причинить наибольший урон силам Тиртендарн Джилбрин. Им предстояло преодолеть огромное расстояние, прежде чем они войдут в надежную гавань. Некоторое время сон от него ускользал, но знакомое покачивание корабля, звон колокола, тихий шорох ног по сланцу наверху сделали свое дело, и он уснул.

И ему приснился сон.

Он был массивным и одновременно невесомым. Опасным и дурашливым. Он был голодом, и огнем, и внутренним ревом. Джорон проснулся. Он был одним из многих. Слышал

медленную песню спящих. Слышал быструю песню своих людей. Некоторые из них наполняли желания, другие – ярость, третьи – смущение. А еще постоянно присутствовала другая песня, такая тихая и быстрая, что он едва ее различал, но в ней звучало обещание возрождения, огня, пустого моря и долгих путешествий без страха смерти, который несет мир над морем. Он плыл сквозь глубины благодаря ленивым движениям хвоста, открывал рот, чтобы ловить жизнь, населявшую воду, и миллионы крапинок вливались в его тело.

Холодная вода действовала успокаивающе.

Холод воды.

Холод.

Холод.

Джорон проснулся от того, что створка окна в задней части каюты стучала о раму. В свете раннего утра холодный воздух наполнил помещение. Он выбрался из гамака, чтобы закрыть окно, пока не разбилось стекло. Защелка отошла в сторону, и ему пришлось приложить немало усилий, прежде чем она встала на место. Кончилось тем, что он снял резинку, которая удерживала его волосы, и с ее помощью зафиксировал задвижку, проклиная Старуху за неудобство, пусть и незначительное.

Затем он увидел корабли, треугольники белых крыльев, ставшие заметно больше, чем днем раньше, и теперь он различал оба корабля невооруженным глазом. Ему хотелось выбежать на палубу и приказать команде снова начать выбрасывать вещи за борт.

Джорон не стал так поступать.

Паника не поможет. Он размышлял о том, как поступила бы Миас, пока закрывал лицо черным шарфом, а затем позвал Хедре.

– Нужно сбросить еще некоторое количество вещей, – сказал он казначею, который печально кивнул.

Потом Джорон призвал Меванса, и ему принесли воды. Он снял маску. Помылся и позволил Квелл его побрить, сидя спокойно и пытаясь не думать, пока она водила бритвой по красным и белым язвам на темной коже щек и подбородка. Они никогда не говорили о его болезни. Затем Джорон оделся и вышел на палубу. На корме он нашел Фарис, Барли стояла за рулем и вела себя так, словно этот день ничем не отличался от любого предыдущего.

– Сегодня снова хорошая погода, Фарис, – сказал Джорон. – Ветер холодный, но сильный.

– Да, хран-пал, для полетов лучше не бывает.

Он повернулся и поднял подзорную трубу.

– Как мне кажется, за ночь расстояние между нами снова сократилось; и мы продолжим наши эксперименты, верно? – сказал он, стараясь говорить небрежно. – Пожалуйста, посоветуйся с Хедре и Мевансом насчет того, что будет следующим в их списке. При определенных обстоятельствах «Дитя приливов» самый быстрый корабль, и нам нужно сделать так, чтобы он был доволен. – Джорон снова поднял подзорную трубу. – И тогда мы наверняка увидим, как вражеские корабли начнут быстро уменьшаться.

– Да, верно, – согласилась Фарис, и ее голос прозвучал гораздо увереннее, чем его собственный.

Дети палубы вновь забегали по сланцу, установили кран и начали выносить из трюма товары и припасы. К Джорону подошел Меванс и остановился рядом.

– У нас все еще остался такелаж и доски, хранитель палубы, – доложил он.

– Я отдал приказ, чтобы их выбросили, Меванс.

– Да, но Хедре в большей степени человек материка, а не моря, он прячет некоторые ценные предметы, и мне пришлось ему объяснить, что есть вещи, которые важнее для костяного корабля, чем монеты. И мы немного изменили список.

– Хорошо. – Джорон шагнул к нему, чтобы никто, кроме Меванса, не услышал его шепот. – Все готово?

Меванс кивнул.

– Полагаю, тебе нет нужды об этом упоминать, – заметил он.

– Хорошо, – повторил Джорон и наклонился еще ближе. – Как ты думаешь, сегодня мы все еще будем опережать корабли врага?

– Осмелюсь сказать, хранитель палубы, что нам придется выбросить за борт гораздо больше, чтобы стать быстрее них. Ими хорошо управляют, и я могу спорить, что они совсем недавно вышли из гавани после чистки.

– Да, – сказал Джорон. – Так я и думал.

Он снова поднял подзорную трубу, взглянул на башни крыльев в круге и заметил, как отразился свет в линзах у кого-то на большем корабле, – кто-то смотрел на него с палубы.

11 Груз

Время и расстояние ведут себя совсем не так, как тебе хочется, когда ты начинаешь понимать, что их отношение к тебе изменилось к худшему. И, словно заключив с ними союз, погода также обратилась против. Воздух стал холоднее, море приобрело темно-серый цвет, волнение усилилось, пока «Дитя приливов» не начал крениться вперед, мерный ритм подъемов и падений подчеркивали фонтаны брызг ледяной воды, ударявшие в клюв корабля.

Бесценные товары и запасы «Дитя приливов» продолжали лететь за борт.

Корабли за кормой по-прежнему увеличивались в размерах. Сначала они были лишь точками, и их удавалось рассмотреть только в подзорную трубу. Через неделю их уже видели все, а также могли сосчитать парившие над ними зоресветы. Когда Джорон подносил к глазам подзорную трубу, он уже спокойно разглядывал членов команды и офицеров. А также супруга корабля – мужчину, что его удивило; он думал, что его рейды на Сто островов вызовут больше к нему уважения со стороны Тиртендарн Джилбрин и она не станет посылать за ним мужчину.

Теперь он мог даже прочитать названия кораблей. Тот, что поменьше, назывался «Пика кейшана», а большой – «Ярость клювозмея». Когда корабли уже стали отчетливо видны, атмосфера на палубе «Дитя приливов» изменилась, как Джорон и предполагал, стала более напряженной, дисциплина соблюдалась неукоснительно, и Джорон почувствовал, как его переполняет гордость. Однако он понимал, что детей палубы мучает тревога, заметил, как они чаще стали оглядываться на чужие корабли во время работы и внимательно их изучали. Он слышал разговоры приглушенными голосами – дети палубы обсуждали силу залпа, который способны сделать оба корабля одновременно. Но всякий раз он ощущал их веру в то, что хранитель палубы сумеет выручить команду и из этой беды, ведь он сын Удачливой Миас и не может потерпеть поражение.

Разве он мог потерпеть поражение?

В какой-то момент показалось, что «Дитя приливов» уходит от врага, Джорон наблюдал, как корабли начали уменьшаться на фоне голубой отметки на задней мачте, которую он поставил для оценки расстояния. Он почувствовал, как поднимается настроение у команды. А потом с тоской увидел, что враги последовали его примеру и стали выбрасывать за борт груз. Очень скоро расстояние между ними снова сократилось, и напряжение на палубе «Дитя приливов» опять резко возросло.

«Если бы нас преследовал один корабль, было бы проще», – подумал он, и эта мысль не оставляла его день за днем. Будь это один большой четырехреберник, он развернулся бы и рискнул вступить в сражение, уверенный в своей команде, их умениях и ярости. Но четыре дня назад они выбросили за борт все стрелы для малых луков, и вместе с ними исчезла возможность отправить к Старухе корабли противника. Впрочем, у них осталось много болтов для дуголуков, и если бы им удалось сделать несколько залпов и подойти достаточно близко для абордажа, ну... Тогда его команда смогла бы разобраться с врагом, забыв о пощаде.

Но кораблей было два, оба прекрасно снаряжены и в лучшем состоянии, и, если он повернет, чтобы вступить с ними в схватку, чтобы избавиться наконец от ощущения постоянного присутствия врага за спиной, его корабль и команда будут уничтожены.

– Я бы многое отдал за морской туман, – сказал Джорон, убирая подзорную трубу в куртку и чувствуя себя довольно глупо, ведь он повторил эти слова в третий или четвертый раз.

– Я бы попросил Мать, – сказал Серьезный Муффаз, – впрочем, сомневаюсь, что она стала бы слушать такого, как я. – У Джорона не нашлось, что ответить, ведь Серьезный Муффаз убил жену, и лишь немногих на Ста островах презирают больше, чем мужчину, убившего женщину, как бы он о том ни жалел. – Хотя если Мать следит за нами не слишком внимательно,

хранитель палубы, – продолжал Серьезный Муффаз, – тогда Дева или Старуха, возможно, припасли для нас какой-нибудь сюрприз.

Джорон повернулся, чтобы посмотреть за борт корабля. Далеко на западе появились первые признаки приближавшегося шторма. Эйлерин предупреждал о нем две недели назад, Джорон опасался его и одновременно надеялся на то, что он им поможет. Шторм всегда нес с собой угрозу, к тому же у «Дитя приливов» не осталось достаточного количества запасных частей на случай, если будут повреждены крылья и такелаж, ведь все, кроме дуголуков и обычных луков и их болтов, отправилось за борт.

«Но шторм, – думал Джорон. – Возможно, шторм как раз то, что нам сейчас так необходимо, ведь какую бы опасность он ни представлял для «Дитя приливов», она также будет угрожать преследователям. Нескольким кораблям очень трудно оставаться рядом, когда ухудшается погода. А если они поведут себя глупо, один может протаранить другой. Однако до сих пор враги вели себя разумно, значит, постараются соблюдать дистанцию – и тогда могут потерять друг друга из вида. И у его команды появится шанс одержать победу».

Но не сегодня. Сегодня они будут лететь все дальше, выжимая максимальную скорость из «Дитя приливов», и, словно чувствуя желание Джорона, он рассекал волны чуть чище, атаковал пространство немного яростнее. Джорон вытянул руку, коснулся мачты и произнес безмолвную благодарственную молитву Матери и Миас, которые дали ему возможность командовать таким крепким и быстрым кораблем. Он не сомневался, что любой другой уже давно догнали бы два быстро летевших к цели костяных корабля.

– На самом деле он великолепен. – Джорон повернулся и обнаружил Дженнил, смотревшую на вражеские корабли. – Я имела в виду большой четырехреберный.

– Да, красивый корабль, и был бы еще лучше, если бы не преследовал нас. – Дженнил кивнула, и Джорон поднял подзорную трубу, чтобы посмотреть на суету, возникшую на палубе меньшего корабля. – Команда «Пики кейшана» выбрасывает за борт новую порцию груза, чтобы не отстать от «Ярости клювозмея», – бурное море всегда благосклоннее к большим кораблям.

«Клювозмей» спустил часть крыльев, их ткань затрепетала на ветру, пока большой белый корабль рассекал воду, поднимая в воздух струю пены. Джорон обнаружил, что кивает решению супруги корабля.

«Ты сбрасываешь скорость, чтобы меньший корабль не отстал, – подумал он, – ты осторожен и не хочешь рисковать».

Он отвернулся от поручней, жалея, что вражеским кораблем не командует другой офицер. Иметь дело с осторожным супругом корабля прекрасно, но менее всего Джорон хотел с ним сражаться.

– Дженнил, скажи Мевансу, чтобы подготовил следующую партию вещей из списка Хедре, от которых нам предстоит избавиться. – Он посмотрел на приближавшийся шторм и медленно растущие башни черных туч на западном горизонте. – И пусть он передвинет часть наших самых тяжелых запасов в трюм, я хочу, чтобы во время шторма «Дитя приливов» сохранил устойчивость, насколько это вообще возможно. Наши грузы должны находиться как можно ниже.

– Слушаюсь, хранитель палубы, – сказала она и собралась уходить.

– Дженнил, скажи Мевансу, чтобы приготовил побольше веревок и бочки.

– У вас есть план, хранитель палубы?

– Может быть, но не уверен, что он хорош, – ответил Джорон.

– Он работает, – сказала она, как если бы любое его действие ее совершенно устраивало.

Между тем день продолжался, новые грузы из трюма полетели в воду, а известие о том, что у хранителя палубы появился план, распространилось среди команды – Джорон заметил, как уменьшилось напряжение и дети палубы уже не так часто оглядывались на вражеские

корабли, а их лица стали более довольными – ему оставалось только удивляться этому маленькому чуду.

Шло время, воздух становился все холоднее, три корабля мчались в сторону ледяных островов юга, а шторм подбирался к ним все ближе. Иногда «Дитя приливов» получал преимущество, и тогда расстояние между кораблями увеличивалось, временами «Пика кейшана» и «Ярость клювозмея» начинали сокращать расстояние. Чаще преимущество было у преследователей. Они продолжали увеличиваться в размерах, и Джорону хотелось, чтобы шторм добрался до них поскорее. Начался мелкий дождь, многие женщины и мужчины закрывали глаза под ледяными струйками воды, но капли дождя не мешали им видеть вражеские корабли.

Послышались раскаты грома, Западный Шторм не скрывал угрозы, предупреждая тех, кто осмелился выйти в море, о своем приближении.

– Он еще далеко. – Джорон повернулся к Эйлерину.

Курсер наклонился поближе, чтобы его голос не заглушал свист ветра в такелаже.

– Шторм нанесет удар сразу после наступления ночи, я полагаю, – сказал курсер.

Джорон оглянулся. Будь корабли Ста островов союзниками, их всех вполне можно было бы принять за один конвой. Он видел детей палубы, которые напряженно работали в носовой части «Ярости клювозмея». Они ставили раму, ими руководили женщины и мужчины с белыми повязками мастеров-костей.

– Что они задумали, хран-пал? – спросил Эйлерин.

– Подозреваю, что они хотят переместить дуголок в носовую часть. Совсем неплохая идея, и, я думаю, они смогут начать стрельбу еще до того, как до нас доберется шторм. – Он смотрел в сторону кормы, считая удары ветра по крыльям. – Попроси подняться сюда Меванса и Ветрогона.

– Да, хранитель палубы, – ответил курсер и исчез под палубой.

На миг Джорон пожалел о том, что не мог сделать то же самое. Он не слишком подходяще оделся для такой погоды, утром было сухо, пусть и холодно, но решил, что спускаться вниз, чтобы надеть что-то более теплое, будет проявлением слабости. Скоро он прикажет переодеться всем детям палубы, а потом подождет до следующего колокола – и только тогда сможет позволить себе эту роскошь.

– Хран-пал, – Меванс подошел и встал рядом, – тебе следует надеть более теплый плащ, я его прихватил с собой. Нам нельзя допустить, чтобы хран-пал простудился, в особенности когда за нами летит пара врагов.

Джорон покачал головой, делая вид, что слишком занят, но плащ надел.

– Серьезный Муффаз, – крикнул он, – Меванс заставил меня надеть толстый плащ, но я не могу допустить, чтобы моя команда тряслась от холода. Тот, кто пожелает, может спуститься вниз и одеться потеплее.

Серьезный Муффаз тут же приказал, чтобы все, кто находились на палубе, «оделись для плохой погоды», и команда, его добрая команда, по-настоящему достойная флота, тут же организовалась и небольшими группами стала спускаться вниз, так что корабль ни в какой момент времени не оставался без достаточного количества рабочих рук и продолжал мчаться навстречу шторму. Джорон наклонился к Мевансу и заговорил громче, понимая, что теперь нужно предпринять определенные усилия, чтобы собеседник тебя услышал, – чего не требовалось во время беседы с Эйлеринем, хотя это происходило только что и ему не приходилось напрягать поврежденные голосовые связки.

– Пусть мастера костей снимут стекла с окон большой каюты и забьют их досками.

– Доски не остановят болт, – заметил Меванс.

– Верно, но так лучше, чем валяющееся всюду битое стекло, – сказал Джорон.

– С этим не поспоришь.

– И пусть максимально усилят корму, – продолжал Джорон. – Затем необходимо поставить треугольник на корме и перенести туда один из задних дуголуков. Например, Яростный Аррин. Они собираются в нас стрелять, и было бы грубостью не ответить тем же.

– Да, хранитель палубы, – усмехнулся Меванс.

12

Море ненавидит воров

Нижнюю палубу освободили, как будто для сражения, хотя все луки оставались разобранными, а бойницы закрыты, чтобы защититься от шторма. Джорон спускался вниз, в трюм, и отсутствующая нога создавала ему трудности: «Дитя приливов» довольно сильно раскачивался на волнах – шторм подобрался уже совсем близко. Команда, дожидавшаяся его в сумраке, двигалась вместе с кораблем, колени и бедра действовали автоматически, дети палубы не обращали внимания на качку, которая являлась частью их жизни, их мира. Костяные каркасы кораблей часто перемещались самым неожиданным и неприятным образом, а холод и влажность проникали сквозь одежду – но так был устроен их мир.

– Все готово для взрыва, – сказала Тень.

Джорон прищурился и увидел Оуста, морского гвардейца, стоявшего возле одной из множества бочек, которые, точно солдаты, выстроились у него за спиной, негромко стонали и ворчали, когда скользили по полу или терлись друг о друга боками.

– Оно рванет сильнее, чем вы думаете, запомните мои слова, – заявил Джорон, и все рассмеялись, хотя он сказал правду, а они радовались так, словно он произнес нечто остроумное за высоким столом Избранника. Сквозь смех Джорон слышал стук молотков мастеров костей, которые заколачивали окна в его каюте, остальные ставили треугольную раму на корме. – А теперь вас наверняка интересует, что мы будем делать?

– Да, хран-пал, – ответил кто-то из детей палубы.

Джорон улыбнулся под маской и в сумерках нижней палубы начал рассказывать, что он придумал.

– Вы все знаете, что прежде я был рыбаком? – Перед его мысленным взором возникло лицо отца – *и кем ты стал теперь, мальчик?* Все закивали. – Полагаю, многим из вас известно, что у рыбака тяжелая жизнь. – Все снова закивали. – Так вот, когда я летал с отцом, вы можете догадаться, чего он боялся больше, чем клювозмеев, или зубохватов, или даже легендарных кейшанов, поднимающихся из глубины?

На этот раз все молчали. Джорон и не ждал ответа – те, кто его знали, промолчат, чтобы позволить ему рассказать историю, а те, кому ответ был неизвестен, прекрасно понимали, что хран-пал не станет болтать просто так.

– Так вот, мой отец боялся сетей, – продолжал Джорон и поднял руку, чтобы остановить вопросы, а его голос наполнился добродушием. – Я знаю, звучит странно, согласитесь? Рыбак, который боится сетей. Но слушайте меня внимательно. Рыбаку необходима быстрота, ведь он крадет у океана, а океан ненавидит воров. Вот почему каждый зверь океана мечтает о том, чтобы добраться до рыбака, а у него нет больших дуголуков или острых курновов, нет морской стражи, которая его защищала бы. Скорость – вот его союзник, только на скорость он может положиться. А сеть? Она нужна, чтобы ловить морских существ, и, если он не будет соблюдать осторожность, если запутается в собственных сетях или пересечет сети других рыбаков, он окажется в ловушке, как рыба. Сеть наматывается на киль или руль лодки и замедлит его движение не хуже стоп-камня, и тогда он станет легкой добычей для каждого, кто пожелает его схватить.

– Вы хотите, чтобы мы сделали сеть? – удивленно спросил кто-то из-за бочек, и его голос едва не заглушил шорох вариска.

– Нет, мы сделаем ловушку, но используем принцип сети. Мы возьмем веревку длиной в пять женщин с поднятыми руками и крепко привяжем ее к бочке – очень надежно – с двух сторон. А потом сделаем то же самое еще с тремя бочками. Серьезный Муффаз, ты здесь?

– Да, хран-пал, – слышался знакомый низкий голос из задней части трюма, – кто-то должен присматривать за мусором.

– Сколько у нас есть бочек, Серьезный Муффаз? – спросил Джорон.

– Двадцать четыре, хран-пал.

– Тогда сделайте четыре связки по пять бочек и одну на четыре, – продолжал Джорон. – Мы сбросим их с кормы, как только стемнеет, и посмотрим, сможем ли мы поймать вражеский корабль.

– Для того чтобы его запутать, нужно находиться рядом, хранитель палубы, – слышался голос Серьезного Муффазы.

– Да, все так, и мы примем выстрел из лука на корму, впрочем, у нас будет возможность ответить тем же. Но если мы сумеем поймать его в нашу сеть из веревок и бочек, то она его сразу сильно замедлит, и ему придется остановиться, чтобы от нее избавиться, это будет работа, достойная Старухи, а у нас появится время, чтобы сбежать.

Несколько мгновений все молчали, стало слышно потрескивание корабля и шум ударявших о корпус волн, а также стук молотков мастеров костей.

– Ну, – крикнул Серьезный Муффаз, – чего вы ждете? Надеетесь, что веревки сами себя измерят, бесполезные любители валяться на сланце? Принимайтесь за дело!

Джорон снова улыбнулся под маской и вернулся на палубу, оставив Серьезного Муффазы следить за сооружением сетей-ловушек. Спустились сумерки, шторм стал заметно сильнее, завывал ветер, и по сланцу носились ледяные брызги. Фарис и Эйлерин стояли на корме и наблюдали за тем, как дети палубы устанавливали большой дуголок под руководством Колвульф, прикрепляя его прямо к палубе костяными клиньями. А еще дальше возвышались «Ярость клювозмея» и «Пика кейшана», которые отставали все сильнее по мере того, как росли волны. Более значительный вес «Ярости клювозмея» давал ему некоторое преимущество, волны бросали его меньше, и он двигался увереннее.

Джорон поднял подзорную трубу и тут же опустил, вытер пену с линз и снова принялся изучать вражеские корабли. На корме «Ярости клювозмея» стоял супруг корабля. Джорон посмотрел вперед, шторм был уже совсем рядом, и огромные башни черных туч пронзали ослепительные зигзаги молний. Очень скоро они обрушатся на палубу «Дитя приливов». И тогда их мир – воздух и все вокруг – заполнит вода, которая начнет заливать корабль. Насосы станут работать без остановки, отнимая у команды силы, и на все то время, пока они находятся во власти бури, большой корабль будет иметь преимущество.

Джорон снова посмотрел на «Ярость клювозмея», белый и невероятно прекрасный под струями дождя, с горящим над ним зоресветом. Джорон знал, что он нагонит «Дитя приливов», если его план с бочками не сработает.

Сработает ли он?

Джорон никогда не слышал, чтобы кто-то проделывал нечто подобное, возможно, это пустая затея. Но важна попытка. Знание того, что ты стараешься что-то сделать, чтобы уцелеть, а не просто стоишь и ждешь гибели – несмотря на то что Старуха наслаждалась смертью, она никого не встречала с радостью у своего огня и награждала тех, кто старался ее избежать.

Шторм набросился на них, точно хищник на жертву.

– Опустите все крылья, кроме верхних, – крикнул Джорон в стену дождя.

Высоко подняв клюв, корабль рассекал волны, а потом обрушивался обратно в кипящее море. Сквозь вуаль воды двигались фигуры – наверное, именно так видит сверху Старуха женщин и мужчин. Смутные, бесформенные тени металась по сланцу, выполняя его приказы еще до того, как он их отдавал, они поняли, что корабль несет слишком много крыльев для такого ветра и следовало оставить только самые маленькие, чтобы не потерять управление и дать возможность Барли, одетой в толстый плащ и склонившейся над рулем, контролировать корабль. Волны взмывали в небо, затем огромная масса воды обрушивалась на палубу.

– Держитесь клювом к волне! – крикнул Джорон, что, конечно, было совершенно бессмысленно.

Эйлерин с трудом пробрался к Джорону.

– Как долго будет дуть такой ветер, курсер? – крикнул Джорон, одной рукой придерживая шляпу, другую он положил Эйлерину на плечи, чтобы тот не потерял равновесие.

– Всю ночь, хран-пал, – прокричал в ответ Эйлерин. – И довольно долго в течение завтрашнего дня.

– Значит, мы переживем ночь, «Ярость клювозмея» не сможет подойти слишком близко в темноте, они не станут рисковать столкновением с нами в такой шторм. А утром мы посмотрим, что нам удастся поймать в наши сети, верно?

– Да, хран-пал.

Ночь выдалась трудной и бессонной, шторм продолжал бушевать, команда не смогла отдохнуть, постоянно требовалось поправить крыло или помочь Барли с рулем. Им то и дело приходилось перемещать балласт, чтобы полет «Дитя приливов» не нарушился. Корабль пытался взобраться на самые высокие волны, а потом мчался вниз, с трудом сохраняя управление. Ветрогон все время оставался на палубе, он сражался с ветром, пытался смягчить самые тяжелые удары, но, даже работая все вместе, они постепенно теряли силы, и Джорон приказал им прекратить борьбу.

– Берегите силы, они нам потребуются позднее.

А за ними сквозь волны мчался непреклонный корабль «Ярость клювозмея», иногда его свет исчезал, когда «Дитя приливов» оказывался между волнами, но всякий раз появлялся снова.

Даже Гарриия не знала отдыха, а она умела спать в любых условиях. Всю ночь к ней шли один пострадавший за другим: раздавленные пальцы, вывихи лодыжек, несколько сломанных рук и ног. Кроме того, Джорону доложили, что трех человек волны смыли за борт. Все женщины и мужчины промокли насквозь, холодная соленая вода разъедала кожу, и ее ледяные потоки пытались утащить живых в пучину смерти.

Вот почему, когда Глаз Скирит появился над горизонтом – хотя заметить его оказалось совсем не просто, такими темными и густыми были тучи Западного Шторма, – «Дитя приливов» превратился в измученный, мокрый, промерзший корабль с деморализованной командой, которая смотрела за корму, щурясь сквозь потоки дождя.

– Там! – закричала Фарис, в противном случае ее бы никто не услышал.

Она указывала в сторону левого борта, и Джорон увидел «Ярость клювозмея». Ночью вражеский корабль отстал, но не слишком сильно, и Джорон знал, что сегодня их догонят: вражескому кораблю помогал вес, позволявший ему быстро пробиваться сквозь огромные волны, что было не по силам «Дитя приливов». Джорон чувствовал, что «Ярость клювозмея» набирает скорость и сокращает расстояние.

– Где второй? – покачнувшись, спросил Джорон, когда в борт «Дитя приливов» ударила очередная волна и корабль сделал неожиданный, крайне неприятный рывок в сторону.

Он услышал треск за спиной, обернулся и увидел, что флюк-лодка, привязанная к главной и передней мачте, переместилась.

– Прикрепите лодку как следует, ленивые любители полежать на сланце! Если я потеряю одного из вас из-за плохо затянутого узла, сегодня вечером Серьезный Муффаз сдерет кожу с ваших спин.

Женщины и мужчины бросились выполнять приказ, прорываясь сквозь яростные потоки воды, которые обрушивались на палубу, и скоро лодка была надежно привязана. Джорон вглядывался в шторм, веревки скрипели на ветру.

– На пять румбов к правому борту, за кормой, хранитель палубы, – прокричала Фарис. – Я думаю, это «Пика кейшана».

Джорон поднял подзорную трубу и оглядел беспокойный горизонт, потом снова протер линзы, стараясь защитить конец подзорной трубы от воды.

– Да, и, похоже, Старуха немного нам улыбается, они потеряли верхнюю часть такелажа, и теперь им не удастся продолжить преследование.

– Ты думаешь, «Ярость клювозмея» станет их ждать? – спросила Фарис.

Джорон еще раз протер линзы и продолжил изучать вражеские корабли. Он увидел «Ярость клювозмея», его супруг корабля с мечом в руке указывал в сторону «Дитя приливов».

– Нет. – Затем вражеский корабль исчез, «Дитя приливов» взлетел на волну, а на Джорона навалилась усталость.

Он постарался ее отбросить, сейчас было не до этого.

– Хран-пал. – Он обернулся.

Рядом снова стоял Эйлерин, промокший и несчастный.

– Да, курсер?

– Я подумал, что для того, чтобы сбросить бочки и веревки, нам придется подпустить вражеский корабль очень близко, в противном случае он успеет уйти в сторону и наша работа пропадет даром.

– Да, я знаю, курсер. – Он замолчал, недовольный, что курсер мог подумать, будто он это не учел. – Извини, Эйлерин, – прокричал он в ветер, пытаясь смягчить свои слова. – Мне не следовало так резко отвечать. Просто я устал.

– Как и все мы, хранитель палубы, – сказал Эйлерин, – а вы работаете без передышки. Но у меня появилась идея.

– Говори, курсер. – Он почувствовал, как дрогнул его голос, поврежденные голосовые связки не выдерживали. – Спустился в мою каюту, там спокойнее. – Он повернулся и крикнул так громко, как только смог: – Фарис! Позови меня, когда огромная штука за нами окажется на расстоянии выстрела! – Она ответила, но шторм унес ее слова.

Внизу, в его каюте с заколоченными окнами, источником освещения были только тусклосветы, будто глазницы черепов, испускавшие приглушенное сияние.

– И что ты придумал, Эйлерин?

– Это риск, если честно, но я внимательно наблюдал за тем, какие водовороты возникают вокруг нас, они поют собственную песню, но для ветра это не важно. Мне кажется, что враг увидит, как мы спускаем бочки с кормы, – однако существует другой способ. Мы можем сбросить их за борт возле клюва. Если я правильно прочитаю течение и мы удачно выберем момент, возможно, они их не заметят, просто подумают, будто мы снова освобождаемся от груза. – Джорон посмотрел на курсера, Эйлерин снял капюшон, почесал бритую голову и улыбнулся. – Что вы думаете, хран-пал?

– Насколько ты уверен, что сможешь правильно прочитать течение? – спросил Джорон.

– Не полностью, – улыбка на губах курсера дрогнула, – может быть, мне не следовало...

– Нет, ты все правильно сделал. – Джорон заговорил тише. – Если один крылатый болт пролетит мимо Ветрогона в такую погоду и... Ну, если он попадет в такелаж и уничтожит мачту или его часть, нам конец. Я не особенно рассчитывал на успех своего плана. Просто это хоть какая-то возможность что-то сделать, когда «Ярость клювозмея» будет находиться так близко, что сможет причинить нам реальный урон. Но если то, что ты говоришь, верно, у нас появится шанс уцелеть, бочки в море не вызовут у них беспокойства, пока не будет слишком поздно. – Он встал и задумался. – Насколько ты уверен? И без ложной скромности, Эйлерин.

– Во время шторма я бросал в воду кусочки дерева, окрашенные в красный цвет, и в тех случаях, когда мне удавалось отследить их движение – или это делал Гавит, которого я взял в помощники, – в четырех случаях из пяти мне удавалось предсказать направление.

– Этого для меня достаточно, чтобы рискнуть, Эйлерин. Так у нас будет больше шансов, чем подпускать «Ярость клювозмея» слишком близко.

Он собрался вернуться наверх, но Эйлерин остановил его, коснувшись руки.

– Хранитель палубы, я не хочу лгать. Многие кусочки дерева мы просто потеряли в кипевшей воде.

– Эйлерин, – тихо сказал Джорон, – я также не стану тебе лгать. Никому об этом не говори. Каждый день, когда я просыпаюсь, меня удивляет, что мы еще не проиграли. И, если вражеский корабль приблизится так сильно, что Ветрогон не сможет нам помочь, нас всех ждет огонь Старухи. – И он быстро направился к двери, не в силах выносить сочувствия в глазах курсера.

Из всей команды корабля курсер лучше всех знал, что такое одиночество. Однажды Миас сказала, что командование – это самое одинокое ремесло, и сейчас он понял, что она была права.

13

Медленный и полный достоинства ужас

– Что это? Что такое?

Ветрогон висел на задних поручнях «Дитя приливов», пронзительно кричал, щелкал клювом и повторял одно и то же между каждой холодной волной, которая на него обрушивалась, а Джорон никак не мог понять, что имело в виду странное существо. Ветрогон спрашивал не про дуголок, подготовленный к стрельбе, говорящий-с-ветром был прекрасно с ними знаком. И не корабль врага, нависавший над «Дитя приливов», то поднимающийся, то падавший вниз на волнах – и тогда становились видны только верхушки мачт, – Ветрогон был прекрасно знаком с кораблями.

– Что это? Что такое? – восклицал Ветрогон и возбужденно дергался из стороны в сторону, его разноцветные одеяния металась в воздухе, и к ним не прикасались ни ветер, ни ледяной дождь, ни волны. – Что это! Что такое? – верещал он, запрыгивая на поручни и соскакивал на палубу, продолжая вращаться на месте.

Черный Оррис слетел вниз, точно черная дыра в воздухе, кусочек яростных туч, паривших над ними, и слабое эхо голоса птицы металось в завывавшем воздухе.

– Задница! – каркнул ворон и снова взлетел.

– Пожалуйста, Ветрогон! – Из-за ревающего ветра Джорону постоянно приходилось кричать. – О чем ты спрашиваешь?

Ветрогон повернул к нему лицо в маске, разноцветные перья намокли от дождя и топорщились на ветру, в них отражался свет Глаза Скирит, лучики от которого с трудом пробивались сквозь мчавшиеся тучи.

– О чем ты? О чем ты? – Ветрогон снова и снова продолжал вращаться.

– Что все это значит, Ветрогон, твои безумные крики и недостойные прыжки? – спросил Джорон.

– Это гнев, ярость, – последовал ответ.

– На меня?

Ветрогон замер, открыв клюв и превратившись в статую под струями дождя на фоне вздымавшихся и опускавшихся волн и громады белого костяного корабля, который продолжал их преследовать.

– Почему ты? – спросил Ветрогон, в недоумении склонив голову набок.

– Я не вижу других объектов для твоего гнева, – ответил Джорон.

– Лишенный ветра. – Тихие слова выпали из его клюва, каким-то непостижимым образом прорезав вой ветра, свист и хлопанье крыльев.

– Мадорра? Что он сделал? – удивился Джорон.

– Плохой лишенный ветра, – сказал Ветрогон и отвернулся от Джорона, словно больше не хотел говорить о Мадорре. – Сдуть прочь большой корабль?

– А ты можешь?

Ветрогон присел и встряхнулся.

– Может быть, трудно. Может быть. – Он сделал два прыжка вперед, слепо глядя на огромный корабль, который прорвался сквозь могучую волну в ореоле белой пены. – Нет, – сказал он, и его признание показалось Джорону странным.

Кажется, прежде он никогда не говорил «нет»? Да, он хвастался своей силой, часто блефовал, а потом притворялся, что умер или болен, когда не хотел что-то делать, но признание в том, что он не может помочь, было чем-то новым.

– Никто не может сделать все, Ветрогон, и нет стыда в том, чтобы это признать, – сказал Джорон. – Я лишь прошу, чтобы ты отвел в сторону болты, когда он начнет в нас стрелять.

– Сделать, – заявил Ветрогон, и прежде чем Джорон успел сказать что-то еще или пошутить относительно его необычного поведения, к ним подошла Фарис вместе с Гавитом, лукоселлом, а также Рейаном, их лучшим стрелком, и всей командой Яростного Аррина, которая собралась на носу «Дитя приливов».

– Уже скоро, хранитель палубы, – прокричала Фарис, которую практически полностью скрывал массивный дождевик. – Мы уже почти в пределах досягаемости.

– Да, – ответил Джорон, – так и есть. Как ты думаешь, он будет стрелять в нас или в такелаж?

– В такелаж наверняка, – крикнул Гавит.

– Нет, – возразил Рейан, – он захочет избавиться от дуголука, тут не может быть сомнений.

– А я считаю, что целью будет такелаж, – крикнула Барли, стоявшая у руля.

В команде дуголука разгорелся короткий спор о тактических преимуществах разных вариантов. Джорон мысленно улыбнулся – его команда совершенно не думала об опасности – и поднял руку.

– Как по мне, я считаю, что они попытаются решить обе задачи, но тот, кто угадает первую цель, получит дополнительную порцию корабельного вина. – Команда обменялась хитрыми улыбками, ведь каждый из них не сомневался, что сделал правильный выбор, и теперь все с нетерпением ждали тепла дополнительной порции вина, и никто не подумал о смерти от умело направленного камня.

Хотя сам Джорон ни о чем другом думать не мог.

«Осталось совсем немного», – сказал он себе, поднял подзорную трубу, выругался и опустил.

Джорон вытер линзы и прикрыл их рукой. Неужели он никогда не научится? Он снова поднял трубу. На него смотрел супруг корабля «Ярости клювозмея». Их разделяли струи дождя и завывавший ветер. Дуголук рядом с ним был заряжен, тетива натянута. Корабль поднимался. Поднимался. Поднимался. И на вершине волны супруг корабля что-то крикнул, тетиву спустили, и крылоболт помчался вперед сквозь шторм. Джорон попытался проследить за траекторией, но потерял его в струях дождя и огромных волнах задолго до того, как он долетел до «Дитя приливов». Все, кто собрались рядом с ним, рассмеялись.

«Ты выстрелил, чтобы вызвать азарт у своих детей палубы, и не более того, – подумал Джорон. – Однако следующий будет с правильной дистанции».

– Готовься, Ветрогон, – прокричал Джорон сквозь ветер. – Гавит, пока не натягивай свой лук, нам нужно подольше поддержать тетиву сухой. – Он повернулся и нашел свою Тень. – Квелл, я сомневаюсь, что ты сможешь защитить меня от болта дуголука, так что приведи сюда Эйлерина.

– Слушаюсь, хран-пал, – крикнула она в ответ.

Она быстро вернулась с курсером, чей капюшон прятался под дождевиком, что делало его похожим на остальных детей палубы, которые, пригнувшись, бегали по сланцу.

– Где тебе лучше находиться, Эйлерин, – громко спросил Джорон, – чтобы читать морские течения?

– Полагаю, здесь, на корме, хранитель палубы.

– Но здесь нас могут обстрелять, курсер.

– Такова наша работа, хранитель палубы, верно? – ответил он, и Джорон улыбнулся под маской.

Команда корабля успела далеко продвинуться в этом трудном путешествии, а он был среди них далеко не последним, но курсер мог составить ему серьезную конкуренцию.

– Я спрячу бочки и веревки за флюк-лодкой, – крикнул Джорон. – Ты скажешь, когда и куда следует свернуть. Серьезный Муффаз будет передавать приказы. А Меванс возглавит команду, которая выбросит ловушки за борт.

– Хороший план, хран-пал, – ответил курсер, не упомянув, что другого плана у них не имелось.

Джорон поднял подзорную трубу и выругался, увидев, что стекло залито водой.

Он вытер линзы и снова поднял трубу.

Посреди шторма вздымался «Ярость клювозмея», и его супруг корабля спокойно смотрел на Джорона. Он ждал, выбирая момент для следующего выстрела.

Ждал в разгар ревущего шторма.

Ждал.

– Ветрогон, – сказал Джорон. – Будь наготове.

– Готов. Готов. Готов всегда.

Джорон смотрел на бурные волны.

Смотрел.

– Уже скоро, хран-пал, – сказала Барли, – он поймал ветер.

– И даже не позвал Ветрогона, чтобы тот помог. Он об этом пожалеет, – ответил Джорон.

– Пожалеет, – пронзительно заверещал Ветрогон. – Пожалеет!

Дети палубы разворачивали дуголуку, готовясь к стрельбе. Заряжающие боролись с ветром, укладывая крылоболт, камень, которому придали форму, увеличивавшую его вес; дети палубы спотыкались, когда корабль содрогался под натиском бурной воды.

– Натягивать тетиву, хранитель палубы? – крикнул Гавит.

– Нет, он выше, что дает ему преимущество в расстоянии. Нам нужно подпустить его ближе, чтобы не тратить зря болты.

Супруг корабля наблюдал за своей командой дуголука, потом поднял руку.

– Бочечная ловушка на палубе, хранитель палубы. – Джорон не узнал голос того, кто это крикнул, из-за плотной зимней одежды.

– Хорошо, теперь нам предстоит пережить их первый выстрел. – Джорон повернулся. – Эйлерин, встань за мачтой, я не могу тебя потерять из-за каменного осколка.

Рука опустилась.

– Ветрогон, пора!

Видел ли Джорон или ему только показалось? Ветрогон заверещал и указал крыльями и яркими одеждами на правый борт. Серый крылатый каменный болт летел прямо и точно в такелаж «Дитя приливов», рассекая струи дождя и ветер, но мощный поток воздуха отбросил его в сторону, и он рухнул в воду, не причинив вреда. Улыбнулся ли супруг корабля? Он совершенно определенно кивнул и что-то сказал. Джорон опустил подзорную трубу.

– Эйлерин, приготовься. – Курсер побежал вперед, наклонился над задними поручнями и стал смотреть в море, изредка приподнимаясь, чтобы заглянуть в воющий воздух. – Гавит! – крикнул Джорон лукоселлу, стоявшему возле дуголука. – Держи Эйлерина за плащ, я не хочу, чтобы случайная волна унесла его за борт.

– Слушаюсь, хран-пал. – Лукоселл протянул руку и вцепился в плащ курсера.

Потом оглянулся и обменялся улыбками с Джороном.

Черный Оррис рухнул с неба, больно вцепился когтями в плечо Джорона, и ветер распушил его перья.

Джорон поднял подзорную трубу, и вновь капли дождя помешали ему что-то увидеть.

– Задница! – сказал Черный Оррис.

– Точно, – ответил Джорон, снова протирая линзу. И увидел супруга корабля, смотревшего на команду дуголука, – он явно чего-то ждал. Затем на палубе «Ярости клювозмея» появился ветрогон в мокрых белых одеяниях. – Они позвали ветрогона.

– Буду готов, буду готов, – завопил их Ветрогон, переминаясь с ноги на ногу.

– Ты справишься, верно, Ветрогон?

– Справлюсь, справлюсь.

– Задница, – сказал Черный Оррис.

– Задница, – повторил Ветрогон, словно соглашаясь с вороном, раздался смех, который прервал голос Эйлера.

– Правый борт!

– Правый борт готов! – прокричал Джорон и услышал, как Серьезный Муффаз громко повторил его команду, а потом все заглушил рев бури. – Пора! – И вновь приказ повторился в три горла: Эйлера, Джорона и Серьезного Муффаза.

Джорону очень хотелось оглянуться, чтобы проследить, как падают в воду бочки, убедиться, что веревки выдержали. Но, сделав это, мог дать подсказку супругу корабля врага. Поэтому он просто поднял подзорную трубу и посмотрел на огромный белый костяной корабль, одновременно пытаясь отслеживать воду за кормой «Дитя приливов». Удалось ли ему разглядеть цепочку бочек, которые на мгновение оказались на гребне волны? В следующий момент «Ярость клювозмея» исчез за огромной волной, а «Дитя приливов» стал подниматься на другой.

– Гавит, натягивай тетиву, я думаю, мы находимся на правильном расстоянии.

– Слушаюсь, хран-пал. – Еще двое эхом повторили его слова.

Корабль поднимается, корабль поднимается.

Корабль падает, корабль падает.

Джорон начал поднимать подзорную трубу.

– Задница! – каркнул Черный Оррис, Джорон улыбнулся и вытер линзу, прежде чем поднести ее к глазам.

– Готовься, Ветрогон.

Рука супруга корабля опустилась.

– Вращение!

Команда дуголука начала прицеливаться.

– Заряжай!

Вражеский дуголук выстрелил. Джорон опустил трубу, и струя морской воды заставила его прищуриться. Ветрогон что-то кричал в ветер, выставив вперед когтеккрылья. Джорон почувствовал, как что-то упало в море справа по борту.

– Стреляй по готовности, Гавит, – крикнул Джорон. – У нас нет подходящих болтов для такелажа, так что целься в команду их дуголука.

– Слушаюсь, хранитель палубы. – Гавит ухмыльнулся, потому что более всего на свете он любил боевой стон тетивы на ветру.

Корабль продолжал подниматься.

– Эйлерин, вернись на свое место у поручней, Квелл, теперь твоя очередь позаботиться о том, чтобы курсер не попал к длинноцепам.

Все бросились выполнять приказ, а корабль продолжал подниматься, пока не достиг высшей точки, и в этот момент Джорон услышал крик Гавита:

– Спускай!

Джорон почувствовал, как дуголук содрогнулся, выпуская болт, и команда замерла – все следили за болтом, пытаясь увидеть, как он мчится сквозь ураганный ветер и дождь. Направление было выбрано верно, но снаряд немного не долетел до вражеского корабля.

– Заряжай, Гавит, – крикнул Джорон. – В следующий раз мы в него попадем.

Он вытер линзу и поднес к глазам подзорную трубу.

– Слева по борту, – закричал Эйлерин.

И Джорон повторил приказ. На этот раз он увидел бочки на волнах с шапкой белой пены. Они выглядели как обычный мусор, но среди них он успел заметить одинокую фигуру с вытянутыми вверх руками, в следующее мгновение она исчезла в море, и ему пришлось заставить себя не задавать вопрос: *кто это?* Кого мы потеряли? Он почувствовал вину и поискал глазами Фарис и тех, кто был с ним дольше всех. «*Следи за другим кораблем, Джорон. Ты еще не готов. Не готов проиграть*». Какую уловку приготовил супруг корабля «Ярость клювозмея»? Возле дуголука появился еще один ветрогон в белом одеянии.

– Слева по борту, хранитель палубы, скорее!

Джорон снова отдал приказ, и бочки полетели в воду. Неужели они ничего не заметили? Разве огромный корабль не должен слегка замедлить ход из-за бочек, прижатых к его килю? Или мы промахнулись? Быть может, курсер ошибся, и шторм слишком хаотичен, а Старуха отказала им в благословении? Он сглотнул и опустил трубу. Сделал вдох.

– Он вывел на палубу еще одного ветрогона, – сказал Джорон стоявшему рядом с ним говорящему-с-ветром. – Ты с ними справишься?

– Справлюсь, справлюсь, – прочитал Ветрогон без малейшей тревоги.

Большой корабль был уже так близко, что Джорону не требовалась подзорная труба. Он видел, как команда поворачивает дуголок, заряжающие ждут приказа.

– Эйлерин, пожалуйста, спрячься за мачту. – Курсер отступил, а Джорон расправил плечи. – Гавит, заряжай, целься и стреляй по готовности. Посмотрим, какой вред мы сможем им причинить теперь, когда они находятся так близко.

– Есть, хранитель палубы, – крикнул Гавит, и в этот момент опустилась рука супруга корабля.

Ветрогон заверещал от гнева. И тут же возникло странное ощущение: будто что-то рассекало яростный воздух. Джорон услышал треск веревки и понял, что болт упал ближе.

– Серьезный Муффаз! – крикнул он. – Зафиксируйте все веревки, или кто-то лишится кожи на спине! – Потом он повернулся к курсеру: – Возвращайся к поручням, Эйлерин. Квелл, позаботься о нем.

Все повторилось, «Дитя приливов» выпустил болт, который миновал нос «Ярости клювозмея», но пролетел по палубе.

– Хорошо, Рейан, целься туда же, – сказал Джорон и наклонился к Ветрогону: – Ты сказал, что сможешь держать нашу оборону?

– Ветрогоны с каждой стороны сделали сильный ветер. Трудно сражаться. Трудно.

Джорон наклонился ближе, чтобы его слышал только Ветрогон; он понимал, что никто в команде не станет возражать, но слова, которые он собирался произнести, звучали как измена.

– Если будет выбор между такелажем и крыльями или кораблем, Ветрогон, направляя вражеские болты в корпус или вдоль палубы. Если мы потеряем мачту, то все погибнем. Вот почему в случае необходимости нам придется заплатить Старухе несколькими жизнями.

Ветрогон ничего не ответил, только издал тихий, воркующий звук и приблизил закрытое маской лицо к Джорону. И тут раздался крик Эйлерина.

– Справа по борту, хранитель палубы, справа по борту!

В воду полетели новые бочки, и над ними, на гребне волны, навис «Ярость клювозмея», на котором заряжали дуголок.

– За мачту, Эйлерин.

– Но я...

– Делай как приказали! – рявкнул Джорон, и обиженное лицо курсера напомнило ему, что он не имеет права на дружбу, командир обречен на одиночество.

Курсер пробежал мимо него, а Ветрогон громко заверещал. Через мгновение послышался звук удара, корабль содрогнулся, раздался крик. Джорон рухнул на палубу и потряс головой, пытаясь поскорее прийти в себя. Перед глазами был клюв. Джорон сел и повернулся

– часть костяных поручней исчезла. Тело Рейан... застыло в неподвижности смерти. Команда дуголука лежала вокруг, еще один – Чафин? – был мертв, другой ранен. Гавит сидел на палубе, и на его лице застыло ошеломленное выражение. Джорон встал. Где Ветрогон? Он ощутил, как к горлу подкатила тошнота, а за ней паника. Но Ветрогон уцелел, он что-то кричал у другого борта. И тут рядом с Джороном оказалась Квелл, которая помогла ему подняться. Гавит также вскочил на ноги и занялся раненым товарищем из своей команды. Джорон коснулся плеча и обнаружил, что птица исчезла. Если Черный Оррис погиб, то команда... Но ворон тут же занял свое место.

– Задница, – крикнул Черный Оррис.

– Фарис! – позвал Джорон. – Фарис, где ты? – Она подбежала к нему, бросив короткий взгляд на палубу.

– Похоже, он хорошо прицелился, хранитель палубы.

– Да, – ответил Джорон. – Восстанови команду дуголука. Выброси мертвых в море, раненых пусть отнесут к Гаррийе. – Он огляделся. – Эйлерин, где ты? – Курсер вернулся на корму, на мгновение замер, глядя на тела, лежавшие там, где он только что стоял, и на исчезнувшие поручни. – Найди безопасное место у борта на корме. Квелл тебе поможет.

– Хран-пал, – сказал Эйлерин. – У вас идет кровь. – Джорон поднял руку, коснулся лица возле глаза и тут только почувствовал жжение там, где морская вода попала на кожу.

Из раны шла теплая кровь.

– Только у плохого командующего нет шрамов, Эйлерин. Сколько еще связок бочек у нас осталось?

– Одна, – ответил курсер. Конечно, Джорон это прекрасно знал, но он хотел, чтобы курсер перестал думать о том, что чудом избежал гибели. – Вражеский корабль уже должен был замедлить полет.

– Так и будет, Эйлерин, – сказал Джорон, хотя тревога его не отпускала. – Поторопись, они готовят дуголук для нового выстрела, нам нужно успеть сбросить до этого последние бочки.

Курсер побежал и встал перед дуголуком, рядом с новой командой, которую подгонял Гавит.

– Лево по борту! – подал команду Эйлерин.

Приказ промчался по палубе раскачивавшегося корабля. Все повторилось. Но, когда дуголук «Ярости клювозмея» снова выстрелил, крылоболт не попал в цель. С криком ярости Ветрогон поднял крылья в воздух, и Джорон не сомневался, что он услышал: «Выше!»

Ветрогон сел на палубу, словно его толкнули, но ему удалось, несмотря на то что он весь промок, выглядеть очень довольным собой. Эйлерин бросился к тому месту, где были сломаны поручни, Квелл последовала за ним, стараясь удержать курсера на пронизывающем ветру, и все стали смотреть, как последние бочки пронеслись вдоль левого борта «Дитя приливов».

И, и, и...

И ничего.

Взревел ветер. Заговорил дуголук. Ветрогон принялся верещать, а Джорон стоял, стараясь не вздрогнуть, когда болт ударит в корпус, или пройдет над палубой, или упадет в море, а «Ярость клювозмея» становился все больше и больше. Джорон знал, что теперь это лишь вопрос времени. Передняя часть такелажа четырехреберника была направлена на них, как обещание, точно палец и угроза. *«Я иду за вами, и вы ничего не можете сделать, чтобы меня остановить».*

– Я сожалею, хранитель палубы. – Джорон обернулся и увидел курсера.

– Сожалеешь, Эйлерин?

– Что ваш план не сработал.

– Мы сделали все, что было в наших силах, – сказал Джорон, а потом заговорил громче: – И мы должны придумать что-то новое, ведь Старуха любит...

– Хран-пал! – Он повернулся на голос Фарис и увидел, что она показывает в сторону сломанных поручней.

Передняя часть такелажа «Ярости клювозмея» медленно отодвигалась назад и теперь уже не была направлена в сторону жертвы, словно супруг корабля пожалел «Дитя приливов» и прекратил преследование. Но поведение клюва вражеского корабля не вызывало сомнений, что дело совсем не в этом. Супруг корабля показывал вниз и выкрикивал приказы. Размахивал руками. Женщины и мужчины бежали по палубе к рулю, забыв про дуголок. А затем, как если бы сама Старуха схватила «Ярость клювозмея», огромный корабль резко дернулся влево – слишком круто для такого огромного корабля, для любого корабля в разгар яростного шторма.

– Во имя любви Матери, – тихо проговорил Джорон, – я лишь хотел их замедлить, честное слово.

Он знал, что при таком шторме очень скоро произойдет неизбежное. Огромный корабль начал опускаться вниз. Это было медленное, ужасное падение. Верхняя часть такелажа неслась к воде, дети палубы сыпались в бушевавшее море. Палуба круто накренилась, очередные члены команды полетели вниз. Мог ли он слышать их крики? Нет, то вопила его команда, не скрывая радости при виде катастрофы, постигшей врага. Гибель «Ярости клювозмея» становилась очевидной: его мачты с оставшимися крыльями ударились о кипевшую воду с шапками белой пены. Яростное, разгневанное, голодное море поднялось вверх и опустилось на поверженный корабль. Фарис повернулась к нему, и на ее лице появилась ухмылка.

– Мы с ним покончили, хран-пал, раз и навсегда! – вскричала она. – Должно быть, нам удалось повредить румпель? – Она перевела взгляд с Джорона на тонувший корабль. – Может быть, нам следует спустить флюк-лодку? Подобрать тех, кто спасся?

– Нет, Фарис, – ответил он, глядя на следующую огромную волну, накрывшую белый корабль, и произнес слова, которые, как все знали, должен был произнести: – Нас все еще преследует враг. – Он отвернулся. – Четыреста или даже больше душ могут отправиться к Старухе в любой момент, – сказал он, ни к кому не обращаясь, потом снял шляпу и отсалютовал в воздух. – Они красиво летели на своем корабле, верно?

– Да, – ответила Фарис, и он обнаружил, что его команда перестала праздновать победу и замолчала.

Они стояли, опустив головы, сожалея о жертве, принесенной Старухе, хотя она была необходимой.

Джорон сделал вдох.

– За работу! – крикнул он. – Шторм все еще бушует. Вы ведь не хотите присоединиться к нашим врагам?

Дети палубы вернулись к своим обязанностям, а Джорон отправился в свою темную каюту, откуда он не мог видеть ужасы, творившиеся снаружи, где Западный Шторм превращал «Ярость клювозмея» в обломки белых костей. Он уселся за письменный стол Миас, стоявший на так хорошо знакомом белом полу, кровь продолжала стекать по его щеке, а он сидел, дожидаясь, когда перестанут дрожать руки.

14

Левиафаны глубин

Казалось, гибель «Ярости клювозмея» стала жертвой, необходимой для умиротворения Старухи и штормов, что ей служили. Когда Джорон пробудился от сна, в котором парил под прохладной водой, бесстрашный, голодный и быстрый, «Дитя приливов» перестал скрипеть и стонать, что неизменно сопровождало любую бурю. Теперь он улавливал привычный ритм корабля, летевшего по небольшим волнам. И знакомые звуки: дети палубы приводили «Дитя приливов» в порядок после шторма.

Меванс принес ему поесть – черствый хлеб и солоноватую воду, чтобы его размочить. Пока Джорон одевался и ел, Меванс говорил о том, что нужно вернуть на место стекла, хотя Джорон не сомневался, что отдал приказ выбросить их за борт. Меванс нередко так поступал, но Джорон оставлял подобные нарушения без внимания, как правило, они были разумными, и, если быть честным до конца, иногда он радовался, что не должен нести на своих плечах всю тяжесть решений.

– Небо очистилось, наступила ясная погода, хран-пал, – сказал Меванс и провел куском ткани по сиявшему лезвию меча Джорона, собираясь точить и без того острый клинок.

– Хорошо. Сколько человек мы потеряли? – спросил Джорон.

– Всего восемь, двоих из команды дуголука, Рейан и Чафтан. Сарлин получила тяжелое ранение, скорее всего, она умрет, Гаррийя просидела с ней всю ночь, держа ее за руку.

– Я зайду к Гаррийе перед тем, как поднимусь на палубу, – сказал Джорон.

– И еще пропали Камран, Брукс, Мчо, Соори и Карли; Дженнил сказала, что видела, как Камран запутался в веревках от бочек, и я думаю, что остальных смыли за борт волны. И все же это совсем небольшая цена по сравнению с той, что заплатил «Ярость клювозмея»?

– Так и есть. – Больше Джорон не мог есть или сидеть, ему требовалось что-то делать, чтобы не думать.

Он встал и направился к двери.

– Хран-пал, – позвал его Меванс.

Джорон остановился.

– Да?

– Ваш шарф. – Джорон протянул руку, коснулся горевшей кожи возле рта и зашипел от боли. – Конечно, – сказал он, когда Меванс протянул ему шарф.

– Для них это не будет иметь значения, – проговорил Меванс, когда Джорон начал закрывать лицо. – Они вам верны, и им все равно.

– Хорошо, что ты это сказал, но все знают, что гниль приводит к безумию. Иногда я размышляю о поступках, которые совершил, – возможно, болезнь уже берет свое.

– Это обычная реакция на то, что произошло, хран-пал. Многих, кто пережил суровые испытания, потом охватывает меланхолия. И я скажу в третий раз, им все равно.

– Но не всем, – возразил Джорон, распахивая дверь и выходя из каюты, чтобы не добавит: «Как и мне».

На нижней палубе он отыскал Гаррийю, которая сидела, склонив голову и держа Сарлин за руку.

– Я пришел поговорить с Сарлин, – тихо сказал он.

– Слишком поздно, Зовущий, – ответила она, – девушка сидит рядом со Старухой, и ее боль прошла. – Гаррийя подняла морщинистое, покрытое шрамами лицо, окруженное прядями грязных волос. – Жаль, что это не произошло со всеми нами, но, боюсь, все только начинается. Думаю, худшее у нас еще впереди.

– Как всегда, ты подобна лучу света, Гаррийя. – Она встала, положив руку Сарлин ей на грудь. *«Она еще совсем ребенок»*, – подумал Джорон. Сарлин едва успела стать женщиной, но пришла сюда, чтобы умереть тяжелой, медленной смертью от раны в живот осколком кости. – Я не хочу, чтобы кто-то из них умер.

– Однако это случится, и умрут еще очень многие. Ты можешь улететь, снова стать рыбаком, мальчик, разве не так? Осеть где-нибудь на Суровых островах под новым именем, перестать быть причиной множества смертей, больше не устраивать рейды на мирных жителей.

– И оставить Миас в руках ее матери?

– А тебе не приходила в голову мысль, что, возможно, Миас хотела бы для тебя такой судьбы? Может быть, ты уже зашел дальше, чем могла она. Я никогда не слышала, чтобы она опустошала деревни ради припасов и пополнения команды. Она мечтала о мире, а что приносишь людям ты? Одобрит ли она то, что ты делаешь?

– Если она не одобрит, старая женщина, то пусть скажет мне сама. – Джорон сделал глубокий вдох и отвернулся, а Гаррийя негромко рассмеялась.

– Не важно, я пошутила. – Гаррийя встала, застонала и приложила руку к спине. – Для тебя нет мира, Джорон Твайнер. С того самого момента, как ты песней вызвал из моря кейшана, твой дальнейший курс предопределен. Твое путешествие будет красным, мальчик.

Он повернулся, собравшись выпустить наружу гнев, сказать, чтобы помалкивала и не говорила ему о том, что он «должен» или кем «был» и «куда» ему следует направиться. Однако она его опередила.

– Не сомневайся, Зовущий, то, что сделано, было необходимо. Да, жестоко и болезненно, но моря жестоки, и они такими останутся, если никто не восстанет. Так что хорошо направляй свою большую лодку и, если тебе так важно, отыщи свою супругу корабля. – Она кивнула скорее для себя, чем для Джорона. – А теперь мне пора заняться больными. Тебе ведь наверняка надо завязать какую-нибудь веревку или решить другие корабельные проблемы? – Она встала и прошла мимо него.

И хотя он был командующим корабля, у него возникло ощущение, будто она *его* отпустила. Поэтому он надел свою шляпу с одним хвостом и стал подниматься на палубу.

На сланце «Дитя приливов» все выглядело так, словно никакой бури не было. Фарис стояла на корме – все крылья «Дитя приливов» подняты, свежий ветер толкает черный корабль вперед. Плащи исчезли, команда переоделась в теплые вещи – погода оставалась холодной. Надевать их во время дождя было смертельно опасно: они быстро намокали и становились очень тяжелыми, но для ясного холодного дня подходили прекрасно.

Они летели на юг под ветрами, которые Эйлерин называл танцующими. И еще курсер обещал, что такая погода продержится по меньшей мере неделю. Джорон даже забыл о серьезности их положения. На второй день раздался крик, который когда-то они слышали часто, а потом перестали совсем, – теперь он снова становился привычным.

– Кейшан на горизонте! – Джорона охватило волнение, и он попытался не обращать внимания на взгляды, которые бросала на него команда.

Дети палубы обменивались улыбками, подталкивали друг друга, а он делал вид, что не знает об их вере в то, что кейшаны приплывают к нему, хотя все понимали, что он не звал *этого* кейшана. Но детское возбуждение у него внутри ничем не отличалось от состояния других членов команды. Он начал забираться на мачту, мимо хлопавших и гудевших черных крыльев, пока не оказался на самом верху вместе с Беарной.

– Где он, наблюдатель? – Она показала налево по борту, четыре точечные тени, и Джорон проследил за ее рукой.

И увидел первые куски льда на синей воде. Сначала Джорон не разглядел кейшана из-за его размеров. Те, которых он видел раньше, были огромными, как острова. Этот оказался

меньше, пожалуй, самым маленьким из всех, что Джорон встречал, но все равно больше «Дитя приливов» – в три или четыре раза длиннее корабля – и более худым, чем другие его сородичи.

Даже издалека Джорон видел горящие белые глаза на длинной узкой голове, когда она поднималась над водой – кейшан не выпрыгивал из нее, а лениво плыл, приподняв голову с раскрытой пастью. Он был темно-синего цвета и испускал свет, подобный сердцу ледяного острова. Джорон смотрел на невероятное существо: спинной плавник, окруженный белой пеной, рассекал воду, иногда он показывал белый живот, и тогда на нем мерцали разные цвета, второй плавник появлялся над водой, а потом, словно довольный тем, что показал себя Джорону, кейшан исчезал под волнами.

– Морская сестра счастлива. – Джорон повернул голову и увидел рядом Ветрогона.

– Как ты думаешь, это молодой кейшан? – спросил Джорон.

– Все морские сестры старые. – Ветрогон подпрыгивал на веревках, держась за них когтекрыльями и открыв хищный клюв. – Некоторые не такие старые. – Джорон услышал яростный крик, который донесся с палубы, – Мадорра метался по сланцу, угрожающе щелкая клювом на каждого, кто проходил мимо. – Плохой лишенный ветра, – негромко сказал Ветрогон, после чего спрыгнул вниз, на лету поймав веревку, и легко опустился на палубу, где носился Мадорра; Ветрогон проскочил мимо него и быстро спустился в люк, на нижнюю палубу.

– Сегодня ты получишь лишнюю порцию корабельного вина, наблюдатель, – сказал Джорон. – Держи свои зоркие глаза открытыми.

Затем он осторожно спустился вниз, чувствуя, как болит культия в том месте, где она касалась кости.

Он решил, что встреча с кейшаном являлась хорошим предзнаменованием, впрочем, он на это рассчитывал. Они уже три недели спокойно летели вперед, когда послышался крик наблюдателя. Джорон находился в своей каюте, втирал вонючую целебную мазь Гаррийи в культию, в то время как Меванс полировал его костяную ногу, а Квелл точила меч.

– Корабль на горизонте!

– Дыхание Старухи, – сказал Джорон. – Я бы отдал вторую ногу за то, чтобы это была Брекир или кто-то из наших друзей.

– Если учесть, как ты жалуешься на то, что у тебя всего одна нога, хранитель палубы, – сказал Меванс, – я не уверен, что с тобой согласится кто-нибудь из нас. – Квелл с трудом сдержала смех, а Меванс аккуратно поместил мягкую ткань в протез. – Теперь позволь надеть тебе ногу.

Джорон привел себя в порядок, надел теплую куртку и вышел на палубу, где на корме обнаружил Фарис и Дженнил, которые разговаривали с Серьезным Муффазом.

– Доложи, Фарис, – приказал Джорон.

Она повернулась, отдала ему честь и протянула подзорную трубу.

– Корабль на горизонте, хран-пал, – сказала она. – Почти по прямой, позади, трехреберный или четырехреберный.

– «Пика кейшана», ты думаешь?

– Да, наверное, хранитель палубы, – сказала Дженнил. У нее появился новый, довольно глубокий шрам на щеке, аккуратно зашитый Гаррийей черными нитками. Она получила его во время шторма, и Джорон знал, что Дженнил больно говорить, но создавалось впечатление, что ей все равно. – Или нам не повезло встретить еще один корабль Ста островов.

– Дыхание Старухи, – выругался Джорон. – Я был уверен, что он потерял нас во время шторма.

– Так или иначе, но ему потребуется преодолеть немалое расстояние, чтобы нас догнать, – сказала Дженнил.

– Верно, – ответил Джорон, поднял подзорную трубу и довольно быстро нашел корабль врага. – Но если это неприятель, который преследовал нас раньше, мы знаем, что он летает

быстро. – Джорон закрыл подозрительную трубу и вернул ее Фарис. – Следите за ним и дайте мне знать, как быстро он нас нагоняет. – Он огляделся по сторонам, мысленно прикидывая, что осталось в трюме. – Мне нужно поговорить с Эйлеринем, но пока большой спешки нет. Сначала я хочу обойти корабль.

– Я поставлю стол с картами, – негромко сказала Квелл из-за его спины.

– Разве его не выбросили за борт? – спросил Джорон.

– Меванс сказал, что он про него забыл, а Хедре говорит, что вообще не видел прежде.

Джорон кивнул.

– Наверное, это к лучшему. Позднее встретимся в моей каюте.

Обычно он редко видел Квелл, хотя она постоянно находилась рядом – его Тень, ставшая такой же неотъемлемой частью, как рука. Джорон вспоминал о ней только в тех случаях, когда она ему требовалась, и иногда его удивляло, что эта прежде мятежная женщина, так решительно отстаивавшая свое место в жизни, нашла мир в столь простом существовании. Но еще поразительнее было то, что он начал полностью ей доверять.

Он совершил обход корабля, убедился, что все в порядке, насколько это вообще было возможно; сломанные поручни на корме починили мастера костей, маленькое чудо, если учесть, как мало запасных деталей у них осталось. Дуголук, Яростный Аррин, вернулся на свое привычное место на палубе. Джорон похвалил всех, кто старательно работал, отругал тех, кто ленился, – их оказалось совсем немного, – и неспешно закончил проверку, давая время Мевансу, Квелл и Эйлерину поставить стол для карт. Когда у него не осталось никаких разумных поводов для задержки, он подумал, что его присутствие может поставить под сомнение власть Дженнил, нырнул в темноту, обходя спавших детей палубы благодаря тусклосвету и размышляя, что следовало сделать дальше.

В его каюте стекла вернулись на прежние места, и свет снова свободно проникал внутрь – Джорон не сомневался, что, если прищуриться, он увидит костяной корабль, который их преследовал, в виде точки на горизонте. Фарис, Меванс и Квелл терпеливо ждали его за столом, Эйлерин над ним склонился, поставив на карту маленькие модели кораблей.

– У тебя есть для меня хорошие новости, Эйлерин? – спросил Джорон.

– Может быть, – ответил курсер. – Сны говорят, что следующие несколько недель погода будет хорошей.

– Но это выгодно им, а не нам, – заметил Джорон, глядя в окно на едва заметную точку между небом и морем.

Видел ли он ее на самом деле или его обманывали глаза?

– Мы можем развернуться и сражаться, – сказала Фарис. – Один на один в море никто с нами не сравнится.

– Верно, – тихо ответил Джорон, чувствуя на себе взгляд Меванса. – Но «Дитя приливов» пострадал от шторма, а наша главная мачта все еще не укреплена, и нам это известно. У Меванса список необходимых ремонтных работ длинней, чем кейшан, и корабль пропускает воду быстрее, чем мне бы хотелось. Колвульф говорит, что мастера костей сражаются с протечками. А большая часть наших материалов и припасов отправилась за борт. – Он оглядел собравшихся офицеров. – Мы должны бежать, нравится нам это или нет. – Фарис кивнула и отступила назад, на ее лице появилось разочарование. – Эйлерин, мы сумеем добраться до мыса Уилсон до того, как враг нас догонит?

– Если они получили повреждения во время шторма, то можем успеть. А если хорошо перенесли шторм и в состоянии поддерживать прежнюю скорость, они нас догонят.

– Что же, Фарис, складывается впечатление, что ты получишь свое сражение.

– Едва ли оно будет успешным, – проговорила Квелл. – У нас осталось очень мало болтов для дуголуков.

– Мы не можем сражаться, – сказал Джорон. – Тут все предельно просто. Нам придется искать другие возможности.

– Такая возможность есть, – вмешался Эйлерин, – но она никому не понравится.

– Что ты имеешь в виду, курсер? – спросил Джорон.

– Берег Спантонниса. – Курсер показал на карту.

В каюте воцарилась тишина. Джорон слышал стук ног на палубе, кто-то мыл сланец, женщины и мужчины кричали друг на друга.

– На берегу полно тех, кого прокляла Старуха, – тихо сказала Фарис. – Это известно всем, никто не хочет там оказаться.

Эйлерин кивнул.

– Все так думают, – вмешался Меванс. – Так скажет команда, но они пойдут за тобой, хран-пал, если ты их позовешь, – и не важно, понравится им это или нет.

– На сей раз нам будет очень трудно убежать, – продолжал Эйлерин, коснувшись голубой линии в южной части карты. – Мы будем продолжать бегство, пройдет по меньшей мере три дня, с таким ветром. Мы движемся не слишком быстро, с учетом воды, которую набрали, но даже если мы сохраним скорость, нам придется напрягать ветрогонов до тех пор, пока они смогут только плакать в своих гнездах.

– Хран-пал, – все так же тихо заговорила Фарис, – я не хочу, чтобы меня забрали призраки. – Затем ее голос стал едва слышным. – Разве ты не можешь песней призвать на помощь кейшана, которого мы видели? – Она посмотрела на него, и Джорон увидел в ее глазах страх, который там не появлялся с тех пор, как уже очень давно ей пришлось ради него пойти в огонь.

– Я не умею призывать кейшанов, во всяком случае так, как ты думаешь. И даже если бы мог, то подверг бы жизнь супруги корабля серьезной опасности – а на это я не пойду.

Фарис молча смотрела на него, и в ее глазах он видел только страх.

– Я слышала истории об этом месте, хранитель палубы, там исчезают корабли. Другие выплывали оттуда, но у них на борту не оставалось ничего живого. Говорят, что погибшие там никогда не узнают тепла костра Старухи, – продолжала Фарис.

В горле у Джорона перехватило, он знал, что нужно сказать, но тот же страх, который наполнял Фарис, действовал на его поврежденные голосовые связки.

– Это не призраки, Фарис, – мягко сказал Эйлерин. – Просто холодная вода встречается с теплым течением с востока, которое несет нас сейчас. Вот почему там всегда туман.

– Ну, я не знаю, что известно курсеру, – настаивала на своем Фарис, – но что случается с исчезнувшими там кораблями или с теми, на которых не остается живых людей?

– Я знаю, почему они исчезают, – уже более решительно заговорил Эйлерин. – Туман скрывает ледяные горы, огромные плавающие ледяные острова. Корабли оказываются там под полными крыльями, поэтому их ждет крушение. Они слишком боятся призраков, чтобы сбросить скорость, поэтому пытаются проскочить опасное место – и расплачиваются за спешку.

– Разве курсеры не предупреждают их об этом? – спросила Фарис.

– Не все супруги корабля слушают курсеров, – ответил Эйлерин, но Джорон видел, что ему не удалось убедить Фарис, она обхватила себя руками и с тоской смотрела на выкрашенную в голубой цвет кость, обозначающую Берег Спантоннис.

– А как же корабли, которые возвращаются пустыми? – спросила она. – Что случается с ними?

– Я не знаю, – тихо ответил Эйлерин, и Джорон подумал, что курс, который они выбирают, оказался не под силу Фарис, несмотря на всю ее отвагу.

– А я знаю, – сказал с улыбкой Меванс, голос которого звучал спокойно и уверенно.

– Ты знаешь? – удивилась Фарис.

– Да, – ответил он. – Как и ты.

– Я?

– Да, ты, которая без колебаний атакует шеренгу детей палубы, вооруженных пиками. Ты способна, балансируя, стоять на вершине главной мачты и смеяться над теми, кто боится высоты. Ты можешь промчаться по палубе, залитой водой, лишь для того, чтобы завязать нужную веревку, да, *ты* знаешь, почему корабли возвращаются пустыми. Ты показала нам это сейчас, опозорив себя, потому что я был о тебе лучшего мнения.

Фарис смотрела на него, и Джорон подумал, что, если бы на боку у нее висел курнов, она могла его обнажить. Она так сильно напонила ему Миас в этот момент, что у него заболело сердце. Не просто желанием ответить силой на оскорбление, но и ее решением сначала все обдумать, проследить за ходом мысли Меванса и прийти к собственным выводам.

– Ты думаешь, – медленно заговорила она, – что корабли опустошает страх?

– Да, – ответил Меванс. – Потому что далеко не у всех такое же отважное сердце, как у тебя, Фарис. Напуганная команда выбрасывает за борт свою супругу корабля, решив, что из-за тумана появились призраки. Они спускают лодки в замерзшее море и становятся жертвами длинноцепов, которые обязательно появляются.

– Да, – сказала она и сглотнула, – я представляю, как такое может случиться. Но только не на таком корабле, как «Дитя приливов», верно?

– Никогда, – сказал Джорон, – до тех пор, пока на его борту находятся такие женщины и мужчины, как ты, Фарис.

Она кивнула.

– Ну, тогда, – заявила Фарис и выпрямила спину, – если Эйлерин проложит курс, я расскажу команде, куда мы направляемся, потому что в ней определенно найдется несколько слабых голов, их потребуется вразумить, а я как раз тот офицер, который должен с этим справиться. – Она кивнула. – И я думаю, что нам стоит брызнуть немного краски.

– Да. Фарис, это будет не зря потраченное время, – сказал Джорон и посмотрел ей вслед.

Когда она ушла, он вновь обратился к карте, и его взгляд остановился на голубой отметке, обозначавшей Берег Спантоннис.

– Давай проложим курс, – предложил он, и больше никто не говорил о призраках, ведь, как и все дети палубы, он боялся, что упоминание о них может привлечь ненужное внимание.

15

В глубинах, где самый голубой лед

Ему снился холод.

Ему снилось, как холод обволакивал его, когда он двигался сквозь абсолютную темноту.

Ему снились песни далеких сестер, навязчивая мелодия, которая эхом его окружала, окутывала и говорила с ним. Он слышал, как контрапунктом выступал рев его массивного сердца, которое распространяло огонь по телу и прогоняло ледяные прикосновения глубокой воды.

Ему снились сотни тысяч ран на всем теле, нанесенных жестоким океаном и живыми существами, что обитали в нем, и всех он с легкостью отгонял мыслью и легким движением могучего хвоста.

Ему снился ужасный голод, который грыз его изнутри и лишь усиливался, окутывая его холодом, как сердце наполняло огнем, и в песнях сестер он слышал, что голод был удовлетворен, об успешных охотах, полученных ранах, радости сражений и плоти в челюстях.

Ему снилось будущее тепло. Снился огонь, перемены и добрые океаны. Ему снилось все это так долго, что не осталось никакой ясности; сны возвращали его в другие сны, и он наполовину вспоминал времена, когда вода не была полна ненависти и сестры двигались огромными косяками как по воздуху, так и в воде.

Он проснулся во влажном холоде собственной каюты со смутным ощущением разочарования в своем маленьком изломанном теле. Момент смятения, тревоги из-за утраты разума. Затем он осознал себя. У него был долг, предстояло его выполнять, впереди ожидало столкновение с правдой. Он потерял лицо. Осторожно выскользнул из гамака, чувствуя знакомое разочарование из-за отсутствовавшей ноги.

Меванс оставил для него воду, которая покрылась тонкой корочкой льда. Джорон допрыгал до нее на одной ноге, держась руками за стены и не глядя в окна. Он плеснул водой в лицо – она оказалась невероятно холодной, он даже ахнул, когда она коснулась язв возле рта. Как только боль отступила, он потянулся к костяной ноге, тщательно и с любовью приведенной в порядок Мевансом, и обнаружил, что Квелл уже в каюте. Она помогла ему пристегнуть ногу, и он почувствовал себя увереннее. Больше самим собой. Затем он надел тунику и куртку из тонкой рыбьей кожи и один сапог. Квелл побрила его и замотала вокруг лица шарф, скрывающий гниль. Только после этого Джорон нашел в себе силы выглянуть в окно.

И сразу увидел белую, как страх, «Пику кейшана» с зоресветами, танцевавшими вокруг такелажа. У клюва, наклонившись вперед, стояла супруга корабля, которая указывала на «Дитя приливов», пока ее корабль мчался по волнам.

– Твое судно летит хорошо, супруга корабля, – сказал Джорон, обращаясь к фигуре на носу. – Но я надеюсь, что у меня получится лучше.

Джорон вышел на палубу и постарался не отводить глаз от кормы «Дитя приливов». Холодный воздух обжигал, его смуглая кожа покраснела, а вокруг дети палубы посыпали солью сланец, чтобы избавиться ото льда. Они летели в таких местах, где лед представлял собой серьезную проблему, он появлялся всюду и мешал управлять кораблем, веревки становились слишком жесткими, крылья трескали, пальцы немели, лазать по такелажу было все труднее. «Дитя приливов» сверкал, его украшало множество сосулек, уборка льда стала постоянной работой, неприятной и утомительной. Тонкая струйка дыма вилась над камбузом, но его тут же уносил ветер – картинка, поднимавшая настроение, все знали, что скоро они получат подогретое корабельное вино, которое согреет руки и наполнит тело изнутри огнем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.